

РИНА
СТАРКОВА

Роман
ИЗМЕНЫ

Современный любовный роман

— Алис, я спрашиваю последний раз, — сверкает тёмными злыми глазами. — Василиса моя дочь? М? — Она не твоя, — шепчу одними губами. — Значит, ты сейчас сядешь в мою машину, и мы вскроем этот конверт, — бывший машет какой-то бумажкой прямо у меня перед носом. — Я сделал тест на отцовство. Пять лет назад Стрельцов Дима сделал мне предложение, а через неделю я застала его с другой женщиной в нашей постели. Я смогла воскреснуть, обрести счастье с другим, но Дима вернулся, предъявляя права на мою дочь и разрушая всё, что я построила за пять лет разлуки.

После измены. Ядовитые чувства

— Я тебя ненавижу! — свирепо, громко.

Так, что собственные уши закладывает.

— Ненавидишь? — хриплый голос врывается в слух, и я вздрагиваю.

Хищный оскал сменяется рваным дыханием. Его лицо так близко, что чувствую жар из его рта на своих щеках. Отворачиваюсь, закрыв глаза.

Не позволяет.

Сильно сжимает мой подбородок пальцами, притянув к себе, впивается в мои губы. Жадно. Будто голодный зверь. Душу из меня вытягивает, чтобы распять.

Стараюсь вырваться, но руки связаны. И ноги. Я прикована к стулу, и у меня нет ни единого шанса на спасение. Тут нас никто не найдёт. Никто не поможет.

И я во всём виновата сама!

Как же угораздило так вляпаться!?

Я точно знаю, что не люблю этого мужчину. Никогда не любила. Но мне понадобилось время, чтобы разобраться в собственных чувствах и эмоциях, проанализировать и сделать этот простой вывод:

Я ЕГО НЕНАВИЖУ!

Пока разбиралась, потеряла всё. Своего любимого мужа. Своего ребёнка. Себя.

Себя жалко меньше всех. Здесь мне и место.

Мужчина понимает, что я не собираюсь отвечать на его поцелуй взаимностью, отрывается от губ и заглядывает в глаза так, что накрывает панической волной страха. Я уже готова принять любой исход ситуации, в которой оказалась, и прошу небеса лишь об одном. Чтобы эти муки быстрее закончились.

Я люблю свою жизнь.

Любила.

А сейчас ничего не осталось.

Терять мне нечего.

Он может сделать со мной всё, что захочет.

— Скажи, что любишь меня, прошу, — умоляюще шепчет зверь, склонив голову мне на колени.

— Ненавижу! — шиплю.

— Скажи, что будешь со мной всю жизнь, — с надрывом, почти плача.

— Никогда! — брыкаюсь, стараясь распутать верёвки.

Тщетно.

— Значит, ты не достанешься никому, — встаёт, бросив на меня презрительный взгляд.

Отходит, берёт в руки канистру и щедро льёт на деревянный пол. Пахнет едко и неприятно. Бензином.

— Что ты собираешься сделать? — глаза расширяются.

Молчит. Открывает вторую канистру и плещет на стены. Я понимаю, что будет. Старенький сарай вспыхнет, как спичка, и сгорит за считанные минуты. И я вместе с ним. По щекам катятся горькие слёзы.

Мужчина достаёт из кармана джинс зажигалку и подходит ко мне.

— Последний шанс. Скажи, что любишь меня!

Вместо ответа я плюю ему в лицо. Достаточно красноречиво.

— Ты сама напросилась! — перед глазами мелькает его опасная улыбка.

А в следующий момент пол и стены окутывают жаркие языки пламени.

**Пять лет назад **

Весенний ливень промочил пальто насквозь. Дождевые капли стекают по рыжей чёлке, превращая меня в растрёпанную курицу. Влага скопилась и на стёклах модных очков, поэтому в подъезде приходится остановиться и протереть их.

Раскаты грома пугали гулким треском всю дорогу, будто небо вот вот расколется и свалится на землю. Злобные молнии сверкали так близко, что сердце тревожно трепыхалось между лопаток.

Я с детства боюсь грозы.

Осторожно, почти на цыпочках, я вошла в квартиру. Дима, наверно, уже спит. Осматриваю себя в зеркале, торопливо поправляю выбившиеся из косы пряди, скидываю пальто. Расстёгиваю сапожки и застываю.

Пара красивых белых ботиночек со стразами приютилась на обувной полке. Размерчик явно не мой. На вешалке белая куртка, женская, пахнет приторными духами.

На мгновение перестаю дышать. Верить в худшее не хочется, но липкое предчувствие пускает корни в мозг, заставляя голову ежесекундно кружиться. Дима не смог бы так со мной поступить. Неделю назад он сделал мне предложение, мы уже подали заявление в ЗАГС.

Крадусь в сторону спальни, как воровка. Сердечко жалобно ноет в груди.

Толкаю дверь, и та со скрипом открывается.

Голая женщина лежит на нашей кровати. На постельном белье, которое я купила сама совсем недавно. Закрываю рот рукой, чтобы не закричать.

А хочется очень.

Невольно осматриваю женщину, делая себе ещё больнее. Фигура у неё что надо. Длинные ноги, упругий зад и широкие бёдра, талия неестественно тонкая, и грудь большая, как с обложки эротических журналов, с кремовыми сосками на загорелом теле.

Всё, что могу — сильно зажмурить глаза.

Надеюсь, что девица исчезнет, будто мираж.

Но когда вновь смотрю на нашу с Димой постель, вижу её. Девушку с идеальной фигурой и чёрными длинными волосами.

Новый раскат грома заставляет меня подпрыгнуть и прийти в себя. Тяжело вздыхаю и выхожу из спальни. Только сейчас замечаю в ванной комнате свет. Видимо, Дима решил помыться после того, как хорошенько отодрал свою любовницу. Та даже уснула его не дождавшись.

Молча прохожу на кухню и сажусь на стул. Залипаю взглядом на подставке для ножей.

Дима выплывает из ванной абсолютно голый. Прикусываю губу и чувствую во рту металлический привкус крови. Снимаю очки, чтобы не видеть его. Не хочу. Это невыносимо.

Снимаю с пальца красивое помолвочное колечко.

Как можно быть такой скотиной? И почему я раньше не застукала его на измене? Почему именно сейчас, когда я только начала верить в собственное счастье, которое теперь со звоном разбивается о скалы суровой реальности?

Год отношений, переезд, предложение, громкие слова о маленькой принцессе-дочке,

которую я обязательно рожу ему сразу после свадьбы. Осознание накрывает постепенно, а потом резко бьёт по голове, как молотом по наковальне.

Липкая, мерзкая ложь! И я в ней почти утонула.

— Ксюшка, ты что, спишь? — слышу голос Димы из спальни.

— Тебя жду, — отзывается сонный женский голос.

— Ты посмотри, у меня снова проблемы. Дружок просто каменный. Поможешь ему своим сладким ротиком?

— Как скажешь, любимый.

Вздрагиваю и сильно сжимаю руки. Ногти больно впиваются под кожу.

— О да, моя грязная девчонка, — с придыханием шепчет Дима, а я лишь морщусь от этих слов.

Любовница пыхтит, стараясь доставить как можно больше удовольствия моральному уроду.

— Возьми глубже, как ты умеешь. Вот так, да! Да!

Пошлые шлепки и женский визг заполняют пространство через пару минут. Я надеваю очки и, покрутив колечко в руках последний раз, оставляю его на кухонном столе.

За что он так со мной? Взял и изрезал в клочья моё доверие, мою любовь! А я как идиотка за ним готова была и в огонь, и в воду. Всё для него. Я вся целиком растворилась в нём. Вкусный обед? Да, хорошо, я приготовлю. Не успеваешь приехать из-за завала на работе? Не страшно! Я привезу обед в офис. Что-то купить? Да, без проблем. Что ты, деньги можешь не возвращать, мы же почти одна семья!

Дура наивная.

Диме не нравится моя работа — я увольняюсь. Не нравится платье — передеваюсь.

Не нравятся мои подруги — перестаю с ними общаться.

Он целиком изменил мою жизнь. Перевернул всё привычное с ног на голову.

Я не просто любила его. Я была готова добровольно посвятить ему свою жизнь. И ничего не пугало, все проблемы казались решаемыми, смешными, нелепыми.

Я была им одержима.

Дверь в спальню открыта, и в отражении зеркал мне хорошо видно, как мой жених натягивает на себя темноволосую красотку. Любовница изгибается ему навстречу, старательно подставляя упругий зад, наигранно громко стонет. Дима держит её за волосы, рычит. Трахает со страстью, с пылким желанием. Это он умеет хорошо.

— Ты богиня, Ксюша, просто богиня! — хрипло стонет Дима.

Даже обидно от того, что я была богиней только первые три месяца. Потом страсть угасла. Я предпринимала попытки расшевелить Диму, но всё заканчивалось стандартной позой наездницы. Дима врал, что уставал на работе и сил на занятия любовью у него нет. Секс сошёл на "раз в месяц" почти сразу, как мы стали жить вместе.

Теперь я понимаю, куда он вкладывал все свои силы.

Устраивать скандал нет смысла.

Ожидаемая истерика так меня и не накрыла. Руки только пробивает мелкой дрожью и голова кружится.

Хочется пожелать жениху удачи и по-дружески похлопать по плечу, шепнув на прощание: " Ты потерял девушку, которой от тебя нужна была только любовь".

Я очень хотела, чтобы Дима меня любил. Нуждалась в этом. Делала всё, что попросит. Пятки готова была лизать и трепетно в рот ему заглядывать. Сидеть дома и слушать каждую

его команду, как дрессированная.

Прохожу к двери и засовываю ноги в сапоги, накидываю промокшее пальто и встаю на носочки, чтобы достать зонт.

Одно неосторожное движение, и с полки падает обувная лопатка, звонко гроыхает по комоду. Замираю и прикусываю язык.

Стоны в спальне стихают.

— Там кто-то есть! Иди посмотри! — громко визжит любовница.

Дима молча показывается в дверном проёме. Взъерошенный, с капельками пота на лице, тяжело дышит и смотрит мне прямо в глаза. Устал, бедный. Трудился, чтобы удивить свою шлюху виртуозными техниками.

— Алиса, — шепчет мой жених и делает шаг навстречу ко мне.

— Не подходи! — шиплю в ответ, и Дима застывает.

— Ты давно здесь? — спрашивает слишком непринуждённо, будто ничего не происходит.

— Когда ты вышел из ванной, я сидела на кухне, — спокойно.

— Ты всё слышала?

— Да.

Повисает тишина. Каменное лицо Димы не выражает ни одной эмоции. Я с отвращением морщусь, осматривая мужчину с ног до головы.

Ещё полчаса назад я желала его больше всего на свете. Отпросилась с ночной смены, чтобы сделать ему сюрприз. Днём позаботилась и бельё красивое купила. Удивить хотела. Растопить лёд, которым покрыта наша интимная жизнь.

— Любимый, а кто это? — плачет любовница, выглядывая из-за Диминой широкой спины.

— Уже никто, — улыбаюсь.

— Алиса, не уходи! — умоляющий взгляд жениха разрывает мне душу в клочья.

— Мы будем заниматься сексом втроём? Любимый, почему ты раньше не сказал, что готов на такие эксперименты? — девушка обнимает Диму сзади и ловкими пальцами скользит по его торсу ниже пупка.

— Ксюша, заткни пасть! — рявкает мужчина и резко откидывает её руку со своего тела.

Забавно, пятнадцать минут назад у дамочки был сладкий ротик, а теперь вон как.

— Алиса, не бросай меня, — растерянно моргает.

— Пошёл ты на хрен, Стрельцов! Я тебя ненавижу! — открываю дверь и вылетаю в подъезд.

Вызываю лифт, нервно смотрю на цифры, отсчитывающие этажи. Закон подлости. Когда очень нужно — ждёшь вечность.

— Алиса! — Дима бежит за мной в одних брюках, застёгивает молнию на ходу.

— Отвали от меня, Дима! — мой крик его не останавливает.

Мерзкие руки ложатся мне на талию, с силой сжимает пальцами ткань пальто, тянет к себе.

Бью жениха в грудь, стараюсь избавиться от близости. Ненавижу! Как можно было смыть в унитаза целый год нашей общей жизни, все обещания и клятвы! Запачкать мою душу подлой изменой, а теперь, как ни в чём не бывало, стараться удержать меня рядом.

Я не марионетка, я не буду такое прощать. Как бы паршиво не было, найду в себе силы пережить, переждать. Но простить — никогда.

— Моя, ты моя, Алиса. Без меня ты никто! Ты только моя! — повторяет, как проклятье. Двери лифта распахиваются, и на нас глядят две пары глаз. Крепкие сильные мужики.

— Помогите! — умоляюще воплю я, срываясь в истерику.

— Ты что, урод, девушку решил изнасиловать? — голос незнакомца звучит суровее, чем я могла представить.

— Да! Он домогается меня! Спасите! — новая попытка вырваться становится успешной.

Кажется, рассудок окончательно отключился. Как только хватка Димы становится слабее, я бью его между ног коленом и бегу к лестнице.

Двадцать четыре этажа на одном дыхании по щелчку пальцев. Под не стихающие наверху голоса. Незнакомцы избивают Диму, он хрипит от боли и просит прекратить. Я натравила на него безумных карателей, которые не успокоятся, пока не достигнут справедливости.

Выбегаю из подъезда под раскаты грома. Очки падают на землю, наступаю на них ногой. Стёкла хрустят, но я не торможу.

Хочу оказаться как можно дальше отсюда немедленно. У меня душа наизнанку!

Не замечаю машину и выбегаю прямо под колёса. Яркий свет фар ослепляет.

Кажется, это мой личный конец.

Падаю на сырой асфальт и ударяюсь затылком. Цветные мошки летят перед глазами. Капли дождя ложатся на моё лицо, а сильный порыв ветра предвещает скорый конец.

Грузный силуэт в ярком свете фар приближается ко мне, и я закрываю глаза.

— Ты жива? — бархатный голос звучит эхом в ушах.

Сильно сжимаю пальцы и поджимаю губы. Во рту привкус крови, а в душе настоящий ураган, сметающий всё на своём пути. Счастье и радость стирается из моей памяти. Все светлые эмоции, которые я чувствовала рядом с Димой, меркнут, бледнеют, растворяются.

И остаётся только одно — ненависть. Глубокая и обволакивающая.

— Девушка, вставайте! — сладостный голос вновь звучит где-то над ухом.

Открываю глаза и вижу перед собой лицо мужчины.

Либо я совсем сошла с ума, либо умерла, потому что незнакомец кажется дьявольски красивым. Если я попала в ад, то он — явно владыка подземного царства.

Таких людей просто не бывает в реальном мире, только на обложках журналов. Светло русые мокрые волосы ёжиком торчат в разные стороны, нос с благородной горбинкой, выразительные глаза тёмного серого цвета.

— Сильно ударились? — шепчет одними губами, сгребая меня в охапку и отрывая от земли как пушинку.

В его руках тепло и уютно. Невольно обнимаю за шею и утыкаюсь носом в грудь, чувствую себя под защитой. Хочется, чтобы время застыло на этом моменте на целую вечность.

— Я отвезу тебя в больницу, хорошо?

— Хорошо, — шепчу в ответ.

Наши дни

— Я люблю тебя, милая, — шепчет муж перед сном и целует меня в лоб.

— И я тебя, очень. Прости, что накричала. Сам понимаешь.

— Понимаю, — тяжело вздыхает. — Алиса, не все такие, как твой бывший.

— Я знаю, Жень. Знаю. Но ничего с собой сделать не могу.

— Алис, я разве давал тебе когда-нибудь повод для ревности? — гладит по волосам, ласково прижимает к своей широкой груди, как тогда, пять лет назад.

— Не давал. Но ты задержался на работе.

— Так бывает, лисёнок. Отчёты, документы.

— Прости меня, — давлюсь горькими слезами и осознаю, как глупо ситуация выглядит со стороны.

С тех пор, как я попала под колёса Женькиной машины, мы не расставались. Он провёл всю ночь со мной в больнице, договорился с врачами и его даже впустили в палату. Хоть и пускали только близких родственников.

Я отделалась лёгким ушибом и парой царапин, а взамен этой нелепой ситуации обрела настоящую любовь.

В тот самый день, когда жизнь казалась разрушенной в щепки, а сердце разорванным на мелкие клочки, Женя оказался самым настоящим лекарством от всех болезней. Он бережно залечивал кровоточащие дыры в моей молодой неопытной душе.

Из больницы мы приехали вместе. К нему домой. И я осталась. На день, на неделю, на год. Пять лет пролетели, словно один миг.

Между нами стремительно закрутились отношения. На руинах моей жизни мы построили новый мир, вместе возвращали его, облагораживали, укрепляли. Я училась доверять заново, не оглядываясь назад. Женя учился любить трусливую девочку, которая боялась выпускать его из дома даже на работу.

Липкие щупальца страха всегда преследовали меня, и я до потери рассудка боялась нового удара в рёбра.

Стрельцов Дмитрий.

Дима.

Я видела бывшего во снах. Слышала каждое его слово, сказанное красивой любовнице. Помнила, как она выгибала спину, как фальшиво стонала, как называла моего жениха "любимым".

— Лисёнок, пять лет прошло! — шепчет Женя, вытирая мои слёзы.

Я истерично всхлипываю и утыкаюсь лбом в его грудь. Сжимаю пальцы на его плече, сильно, до боли.

— Милая, ну перестань, — дышит мне в макушку, целует рыжие волосы.

Он нянчится со мной похлеще, чем с Василиской.

У нашей дочки на удивление непробиваемый характер. Вся в Женю. Три месяца назад отпраздновали её день рождения. Четыре года!

При мысли о сладкой малышке по лицу скользит улыбка.

— Лисёнок, может чай с ромашкой? Хочешь?

— Хочу!

Женя скрывается на кухне, а я устало встаю с постели и подхожу к окну. Небольшой город приветливо мигает огоньками, а я закрываю глаза.

Я такая идиотка.

Сжимаю край подоконника пальцами, костяшки хрустят и белеют. Поджимаю губы и тяжело выдыхаю.

Я закатила мужу истерику. Самую настоящую. Рвала и метала, как фурия, бросалась мерзкими словами и посудой. Визжала, словно меня режут.

С Димой такого не было. Я приняла его измену почти легко. Ждала, что накроет, что провалюсь в слёзы обиды и разочарования. Потом, конечно, раны долго кровоточили. Да и до сих пор не зажили.

Я не имею права срываться из-за этого на родного человека, который никогда мне не изменит. Муж патологически верный, а мои страхи мешают мне жить. Женя правильно сказал, что стоит посетить психолога и проработать эту травму, а я ещё сильнее вспыхнула и запустила в стену его любимую кружку.

Завтра обязательно куплю новую.

Хорошо, что Василиска этого не видела. Сегодня дочь ночует у моей свекрови.

— Алис, чай готов, — родной голос Жени звучит ласково.

И как он только меня терпит?

Плетусь на кухню. Горячий чай успокаивает, а ещё лучше работают поцелуи мужа в мои острые худые плечи.

— Я никогда не дотронусь до другой женщины, лисёнок. Никогда тебе не изменю! — шепчет в самые губы и покрывает моё лицо поцелуями.

Ставлю чашку на стол и обнимаю Женю:

— Ты самый лучший мужчина на свете! Мне так с тобой повезло.

Женя усаживает меня на кухонный стол, раздвигает мои ноги и властно прижимает к себе. Сильные пальцы уверенно сжимают волосы на моём затылке, и я запрокидываю голову, разрешая ему ласкать меня грубо. Кончиком языка касается кожи на шее, опалая горячей волной. Я шумно выдыхаю воздух, сжав край стола руками. Чувствовать его близость — потребность. Смысл моего существования в эту секунду. Жадно всасывает кожу, прикусывает, повторяет снова, доводя до дрожи. Острая боль и дикое возбуждение заставляют рассудок помутнеть.

Женя отрывается от моей шеи, пару секунд смотрит на мои губы. В зрачках его первобытный блеск, похотливый и беспощадный, предвещающий такую ночь, которой не было уже очень давно. Семейная жизнь съедает страсть, и чтобы так завестись спустя пять лет, нужно постараться. Мой скандал пошёл только на пользу!

Переводит взгляд в мои глаза, и в мгновение с треском рвёт мою ночную рубашку. Пуговицы плещут в стороны, а я невольно вскрикиваю. Затыкает меня грубым поцелуем, вынуждая рваное дыхание вырываться из грудной клетки, а внизу живота распалается огненный шар. Опытные сильные пальцы скользят в кружевные мокрые трусики, находят бугорок и ловко выводят узор.

— Я люблю тебя! — всхлипываю, уткнувшись в его шею.

Быстро избавляемся от лишней одежды, ведомые только одной потребностью на двоих — поскорее слиться воедино и наслаждаться острым удовольствием. Сегодня можно стонать

и не бояться разбудить ребёнка, можно заниматься любовью где угодно, в любом уголке нашей квартиры, не только под одеялом в спальне. От этих мыслей кровь приливает к щекам, и я краснею.

Женя заполняет собой моё пространство, горячее, влажное, послушное.

— Алиса, детка! Как же хорошо! — рычит.

Ускоряет движения, ухватив длинными пальцами мои бёдра, заставляет задохнуться в удовольствии и счастье. Я принадлежу ему каждой клеткой тела, все частички души целиком и полностью его. Удовольствие настолько сильное, что я вскрикиваю при каждом новом толчке, инстинктивно двигаю бёдрами.

Словно дикие сумасшедшие звери мы впиваемся друг в друга губами, языки сплетаются, пару раз ударяемся зубами. Мы неумолимо приближаемся к развязке, к вершине наслаждения, к извержению вулканов. Хриплые стоны срываются на крик, Женя долбит так, что я не могу дышать. Вспышка яркого оргазма зарождается внутри и волной разливается внизу живота, доводя до крупной дрожи руки и ноги, заставляя протяжно стонать ЕГО имя.

Заканчиваем одновременно.

Я улыбаюсь и утыкаюсь лбом в плечо мужа.

— Продолжим? — пошлая ухмылка очень многообещающая.

— Я хочу вместе принять ванну, — отзываюсь, опускаясь со стола.

Делаю шаг в сторону коридора, но Женя прижимает меня к себе, накрывает руками сзади, образуя вокруг меня никому не видимое пространство из тепла и уюта.

В эти минуты я самая счастливая.

В эти минуты я дома.

После долгой прекрасной ночи, сонная и приятно уставшая, я выхожу на улицу. Цветущий тёплый май одаривает пространство приятными ароматами, и я вдыхаю полной грудью. Зажмуриваюсь, подставляя лицо навстречу тёплому ветру.

Погода шикарная.

Заберу у свекрови Василиску и поедем вместе гулять в парк. Уток покормим. А может забежим на аттракционы, покатаемся, поедим сладкую вату.

Подхожу к киоску, чтобы купить сигареты и минеральную воду. Быстро расплачиваюсь.

Закуриваю на ходу, выдыхаю дым в воздух, прячусь за углом киоска. Жду маршрутку и люблюсь на распустившиеся тюльпаны, сжимая в тонких наманикюренных пальцах сигарету.

— Здравствуйте, пачку презервативов, пожалуйста, — улавливаю знакомый мужской голос.

Сердце безжалостно сжимается от боли, а адреналин растекается под кожей.

С опаской выглядываю из-за угла, и тут же встречаюсь глазами с высоким красавцем.

— Алиса? — Стрельцов расплывается в удивлённой улыбке.

Хочется провалиться под землю. Сбежать. Только бы не видеть его, не берeditь старые раны. Но воспоминания, как груда камней, падают мне на голову, не давая шанса опомниться.

Прячусь за киоском, прислоняюсь спиной к стене и зажимаюсь. Может, показалось? Может, это вовсе и не Дима?

— Алиса! — голос звенит где-то над ухом, и я роняю сигарету себе под ноги.

— Привет, Дим, — старательно улыбаюсь, пряча волнение.

Главное, чтобы не заметил, как мои руки прошибает крупной дрожью.

Пять лет прошло. Мы не виделись с тех самых пор, как я застала его с другой.

— Привет! — сияет радостью. — А ты какими судьбами тут?

— Я живу недалеко, — голосок дрожит.

— А куда собралась? На работу?

— Нет, — качаю головой. — За дочкой еду, она у свекрови ночевала.

— Так ты замужем? — блеск у Димы в глазах меркнет.

Изучающе осматривает кольцо на моей правой руке.

— Замужем, — отрываюсь шёпотом.

— Значит, мечты сбылись, — недовольная ухмылка на его лице удручает.

— Сбылись.

— Муж то хороший? Не обижает?

"Скорее я его обижаю, чем он меня" — проносится в мыслях бегущей строкой. После вчерашней ссоры всё ещё чувствую себя глупо, хоть мы и активно мирились всю ночь.

— У меня самый лучший муж на свете, — улыбаюсь.

Дима мнётся на месте, опускает взгляд, снова смотрит на меня.

— Свекровь где живёт? — спрашивает после недолгой паузы.

— На Забайкальской.

— О, мне как раз по пути! — Стрельцов снова сияет довольной улыбкой. — Подвезти?

— Нет, не нужно.

Сердце взволнованно трепещет.

Дима стал ещё красивее. С лёгкой щетиной, в модных солнцезащитных очках и кожаной куртке — идеален во всём, как всегда с иголочки. Приятный запах мужского парфюма опьяняет, и я на мгновение перестаю дышать.

— Да ладно, Алис, давай подвезу, — настойчиво.

Смотрит на меня с нежностью, заставляя старые раны кровоточить. Я любила Диму до потери пульса, до безумия, но эта любовь, казалось, померкла и растворилась.

Казалось.

Стрельцов растягивает губы в улыбке и протягивает мне руку, и я безумно хочу согласиться поехать с ним. Куда угодно. Знаю, не должна, не правильно. Я замужем, у меня ребёнок. Но Дима снова рядом, и я утопаю в неконтролируемом желании задержать это мгновение. Не хочу прощаться. Не хочу, чтобы он уходил.

За пять лет боль от предательства притупилась и вымылась из памяти. Передо мной как будто другой человек. Нет, не так. Человек тот же, с которым шесть лет назад я познакомилась, в которого бросилась с головой, как в омут, для которого цвела и порхала, подобно бабочке. С которым строила совместные планы, и влюблялась ещё сильнее в его слова, в его поступки, в его склад ума и образ мышления. Тот человек, которого я любила без остатка, порой забывая о гордости. Он вновь кажется самым лучшим. Будто не было измены.

Отгоняю навязчивые мысли и качаю головой.

— Моя маршрутка, — указываю глазами на подъехавший транспорт. — Мне пора, Дим.

— Рад был встрече! — кричит мне в спину.

Я невольно оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него ещё разок. Машет мне рукой, заставляя щёки покраснеть.

Я замужем.

Я люблю своего мужа.

У нас замечательная семья.

Старательно напоминаю себе об этом, но Стрельцов способен одним взглядом выпотрошить все воспоминания и заставить усомниться в собственном счастье.

Сажусь возле окна и смотрю на него сквозь запачканное стекло. Закуривает и вальяжной походкой подходит к припаркованной ауди.

Сглатываю ком в горле, мешающий дышать. Набираю в лёгкие воздух и закрываю глаза. Нельзя.

Нельзя поддаваться эмоциям.

Дима — предатель. Я высекла эту фразу себе на сердце, но почему-то сейчас она не имеет никакого смысла.

— Маааама! — звонко кричит Василиска и обнимает мою ногу. Ласково глажу её по рыженькой головке.

— Привет, Алисочка, проходи! — свекровь выплывает из комнаты вслед за малышкой веселушкой.

— Здравствуйте, Анастасия Сергеевна, — стараюсь улыбнуться, но чувствую себя не в своей тарелке.

— Васю я уже покормила супчиком, мы поиграли в прятки, нарисовали единорога, — на ходу сообщает свекровь, скрываясь на кухне.

— Ма, показать тебе лисунок? — дочка тянет меня в комнату. — Во какой единолог!

— Очень красивый! Ты умничка! — хвалю малышку, а у самой слёзы выступают.

Я боялась встретить Стрельцова.

Жила с панической тревогой, что если увижу его, то чувства опять нахлынут.

Скрываюсь в ванной комнате, смотрю на себя в зеркало. Напуганная собственной реакцией, мыслями, желаниями.

Да почему же всё так-то, а? Женя очень любит меня, Василиса обожает своего папу. А я, получается, предаю их. Своими грязными мыслями. Своим необузданным желанием поговорить с Димой, узнать женат ли он, есть ли у него дети. И если нет...

— Алиса, чай готов! — зовёт Анастасия Сергеевна, и я морщусь.

Это не любовь.

Я не люблю Стрельцова.

Умываюсь холодной водой. Щёки горят пожаром. Смотрю в свои светло-зелёные глаза, сильно сжимаю пальцы, даже костяшки белеют. Хочется закричать, просто проораться, чтоб отлегло.

— Мама, чай готов! — Василиска скребётся в дверь.

— Выхожу, милая! — голос безбожно дрожит.

Анастасия Сергеевна сидит во главе стола, уже успела и пирожки на тарелке разложить, и бутерброды приготовить, и конфеты в вазочку насыпать, и чай мне навести.

Сажусь на стул. Подставляю холодные ладони к раскалённым щекам и закрываю глаза. Василиска забирается мне на колени, хватает из вазы конфету.

— Алис, у тебя всё хорошо? Щёки у тебя красные! — взволнованный голос свекрови звенит в ушах.

— Всё хорошо, — распахиваю глаза и беру в руки белую чашку. — Спасибо за чай с угощениями.

— С Женой поругались? — вкрадчиво интересуется, следит за каждым моим движением.

— Нет, я просто... — одёргиваю себя, чтобы не взболтнуть лишнего. — Я просто устала немного.

— До утра чтоль не спали? — недвусмысленная улыбка Анастасии Сергеевны говорит о многом.

Я улыбаюсь и киваю.

— Ма, а почему вы с папой не спали до утра? — Василиска округляет глазки, и её выражение лица становится совсем кукольным.

— Мама и папа смотрели кино, — объясняет свекровь, а потом переводит добрый взгляд на меня. — Про любовь.

— А мне ты не лазлешила мультики долго смотлеть! — обиженно заключает дочка и кладёт в рот вторую конфету.

— Ты ещё маленькая, — напоминает дочке Анастасия Сергеевна.

— Маленькой быть холошо, — Васька тянется за третьей конфетой.

— Василис, ты куда больше хочешь, в парк покормить уточек или на аттракционы? Не сомневаюсь, что дочка выберет уток.

— Я хочу в палк! Утки меня ждуют! — весело взвизгивает девчушка, крепче уцепившись за мою руку.

В центральном парке как всегда уютно и красиво. Особенно сейчас, когда уже распустились цветы и повсюду зеленеет молодая травка. Город проснулся и ожил, будто после долгой спячки. Зима была морозная, редко кого можно было встретить на улице. Даже молодые мамочки с колясками не гуляли. Зато сейчас народу очень много. Василиска крепко держит мою руку своей маленькой ладошкой, вприпрыжку идёт рядом, светясь от счастья. А у меня в душе огромная дыра, и в мыслях только одно проклятое имя.

Дима.

Мы с Женей приняли решение переехать, как только узнали о моей беременности. Я жутко нервничала в том городе, где жил Стрельцов, боялась пересекаться с ним, дрожала при мысли, что мужчина может найти меня и испортить только-только начинающуюся новую жизнь.

И Дима меня нашёл. Спустя пять лет в другом городе. Что он вообще тут забыл?

Василиска, увидев уток, отпускает мою ладонь и несётся к пруду:

— Утиии!

— Осторожнее, милая! — ускорю шаг вслед за непоседой дочкой.

Пока Василиска отламывает кусочки белого хлеба и бросает в воду, а перекормленные жирные утки никак не реагируют, я на секунду закрываю глаза. Подставляю лицо тёплому ветру и глубоко вдыхаю пьянящий аромат цветущего мая.

Нужно успокоиться.

Дима был тут проездом. Он не искал меня целенаправленно. Это всё просто мои домыслы. Да и зачем ему я? Он сам сделал выбор пять лет назад, притащив любовницу в нашу постель. Свобода. Это всё, что ему по жизни нужно.

Глупо сейчас всё это в мыслях прокручивать. Но от тёплых воспоминаний, которые так и роятся в голове, нет никакого спасения.

И почему мозг так устроен, что вычёркивает болезненные моменты, а всё лучшее сохраняет? Нет, конечно я помню, что Стрельцов мне изменил, что когда-то заставил меня выть в подушку, но... это почему-то померкло. Зато в памяти всплывает тот вечер, когда Дима меня поцеловал. Помню, как тогда впервые почувствовала, что сердце грохнулось в пятки, а в животе запорхали разноцветные бабочки.

— Ма, почему утки не хотят хлеб? — Василиска дёргает меня за край куртки, вырывая из воспоминаний.

— Кто-то уже покормил их, — пожимаю плечами.

— А можно мне на мостик? Может, вон та утка ещё голодная! — дочка выразительно строит глазки и надувает пухленькие губки.

— Пойдём, — берёмся за руки и шагаем по деревянному мосточку.

Василиска присаживается на корточки, бросает в воду хлеб. Жирная птица подплывает и, на радость моей малышке, лениво съедает угощение.

— Урааа! — кричит Василиска и резко поднимается с места, вертится, словно юла,

оступается.

Брызги разлетаются в стороны.

Я вскрикиваю, а в глазах темнеет. Сердце стучит так сильно, что заглушает все остальные звуки. В одно мгновение скидываю лёгкую курточку и делаю шаг к краю моста.

Дрожу, как осиновый лист, и не решаюсь прыгнуть за дочкой. Малышка барахтается, кричит, уходит под воду.

Я не умею плавать. И Василиса тоже.

Замираю, открыв рот, паника хватает меня за затылок и утаскивает в свою пучину мрака и холода, парализует и душу, и тело.

— Помогите! — наконец-то выдавливаю, собственный отчаянный крик оглушает.

Словно раненое животное падаю на колени и тянусь к дочери дрожащей рукой. Она вот тут, рядом, стоит только опуститься в воду, и я легко смогу её достать, но липкий ужас обволакивает. Я не могу и с места сдвинуться, парализованная собственным страхом. Так и реву, стоя на коленях, а сердце медленно разрывается на кусочки.

— Помогите! — вырывается из груди с хрипом, больно обжигает горло.

Рядом пронесится мужчина, и, скинув куртку на ходу, ныряет вниз головой. Я цепляюсь ногтями за край моста, смотрю на поверхность воды с надеждой.

Как только голова Василиски показывается над водой, я нервно всхлипываю:

— Милая, Васечка, доченька! — тяну к ней дрожащие руки и на мгновение замираю, когда узнаю в нашем спасителе Димку.

Стрельцов ловко подплывает к мосту, прижав к себе Василису. Девочка громко откашливается, выплёвывая воду. Беру её на руки и сильно прижимаю к себе. Она рядом. Живая. Моя родная сладкая девочка.

Какая же я идиотка! Не уследила. Не успела ухватить её и не дать упасть. Дочь начинает истерично плакать, и я обхватываю её мокрое личико ладонями, хаотично покрываю его поцелуями. Губки у неё синие и дрожат.

— Ты в порядке? — Дима заглядывает в мои глаза с тревогой.

Я могу только кивнуть в ответ, и снова прижимаю малышку к себе.

— Нужно её раздеть, — голос Стрельцова отрезвляет.

Вася вся мокрая до нитки. Поспешно расстёгиваю на ней куртку, стягиваю мокрый розовый свитер с белыми ромашками, обувь, джинсики и майку. Дима заботливо накрывает голое тельце девочки моей курткой, и едва я успеваю застегнуть молнию, заворачивает ещё и в свою. Поднимаю на него ошарашенный взгляд.

— Пошли, — приказывает Стрельцов, и я машинально подхватываю Василису на руки.

Ноги всё ещё дрожат после пережитого кошмара.

Дима быстро ведёт нас через парк к своей машине, дочка всхлипывает на моих руках.

— Холодно? — спрашиваю я, но девочка упрямо молчит.

Стрельцов заводит мотор своей ауди и включает печку. Становится жарко. Сажу на заднем сидении, всё ещё не в силах отпустить малышку ни на секунду. Моя девочка. Испугалась.

Губки у моей зайки всё ещё синие. Хотя и май, вода ледяная. И пусть в воде она была не больше минуты, успела замёрзнуть.

— Спасибо! — перевожу взгляд на Диму.

Он сидит за рулём, пронзающим взглядом смотрит на нас через зеркало заднего вида.

— Куда вас отвезти? — слабая улыбка скользит по его лицу.

— Да не надо, мы...

— Алиса! — рывкает, тормозя мои пламенные речи. — Ты сейчас о ребёнке думай, а не о своей гордости.

Сглатываю ком в горле и стыдливо опускаю взгляд. Если бы его не оказалось рядом, если бы он не пришёл к нам на помощь, то... даже думать об этом страшно до боли. Смотрю на спящее личико Василисы, и слёзы обжигают мои щёки. Я бы не пережила, если бы произошло что-то ужасное. Громко всхлипываю, не сдержавшись, зажимаю глаза. Я чуть не лишилась самого важного человека в своей жизни.

— Так куда ехать? — Дима поворачивается к нам, смотрит через плечо.

Называю адрес и машина легко срывается с места, звеня покрывками.

По пути мы молчим, и только подъехав к подъезду, я решаюсь снова поблагодарить Стрельцова:

— Дим, правда, спасибо тебе!

— Да не за что, Алис.

Поджимаю губы. Сердце трусливо жмётся.

— Знаешь, я бы хотел пригласить тебя на ужин, — тихий голос мужчины разрезает тишину.

— На ужин? — надеюсь, что мне послышалось.

— Я бы на твоём месте не отказывал сразу. Хотя бы подумай.

Отрицательно качаю головой.

— Я замужем, — напоминаю то ли ему, то ли самой себе.

— Я знаю, — отмахивается. — Это просто ужин. Не свидание. Это будет твоё спасибо за спасение девочки.

Я молчу. Прижимаю к себе спящую малышку с рыжими высохшими кудряшками.

— Алис, запиши мой номер. И подумай до выходных.

— Хорошо, — сдаюсь.

Записать номер — ни к чему не обязывает. Его номер будет у меня, и что? Я никогда ему не напишу и не позвоню. Удалю как только войду в квартиру. Зато сейчас Дима от меня отстанет и спокойно уедет. Достаяю телефон и смотрю в глаза Стрельцова, залитые неподдельным блеском.

— Восемь, девятьсот двадцать пять... — начинает диктовать, и я быстро нажимаю цифры на дисплее.

Дома я быстро развешиваю мокрую одежду дочки в ванной, пока она смотрит мультик и отогревается горячим молоком с мёдом. Моё тело всё ещё потряхивает от одного воспоминания, как Вася шлёпнулась в воду, как беспомощно барахтались на поверхности, а после медленно пошла на дно.

Я знаю, какого это — тонуть.

Я тонула дважды.

Первый раз я была совсем малышкой, ничего толком не помню. Меня тогда спас папа, кинувшийся в воду вниз головой, будто стрела.

Точно также, как сегодня Стрельцов отважно нырнул за моей девочкой.

Когда случился второй раз, я уже училась на первом курсе медицинского института. Мы собрались с одногруппниками на озере. Я не планировала заходить в воду, даже купальник с собой не брала. Но один из парней решил, будто я пытаюсь всех обмануть и соврала о паническом страхе. Он затащил меня в воду легко и смеясь, пока я извивалась в его руках и захлёбывалась истеричными воплями, отпустил, и я тут же пошла на дно.

Вытащил меня он же, когда точно убедился, что я не пошутила. Мы уже прошли курс о первой медицинской помощи, так что подруги смогли меня откачать.

С тех пор я боюсь утонуть даже в ванной.

Теперь и Василиса унаследует мой страх.

Заглядываю в комнату к дочке. Сидит и смотрит в экран телевизора, зажав маленькими ручками кружку.

— Василис, ещё не допила молочко? — тихонько спрашиваю я, и малышка вздрагивает.

Переводит на меня напуганный взгляд и громко всхлипывает, губки дрожат, и слёзки быстро скапливаются в глазах.

Что же я наделала... Титул самой худшей матери можно с позором мне вручить! Обнимаю дочку, крепко прижимаю к себе и целую.

— Васечка, что ты хочешь? Давай мама купит тебе что-нибудь? М? Шоколадку может? — шепчу, словно в бреду. Никакие сладости не помогут моей девочке пережить этот стресс.

Василиса со мной не разговаривает. Только утыкается лбом мне в плечо и глазки закрывает, отчего моё сердце разрывается в клочья.

Садимся на полу у телевизора. Дочка снова смотрит мультик, а я обнимаю её крепко. Не отпущу от себя больше никогда. Всегда буду рядом. За руку буду держать.

И как я Жене расскажу, что случилось? Муж будет очень огорчён произошедшим. Естественно, он не скажет, что я виновата, что недоглядела. Но точно об этом подумает. А если узнает Анастасия Сергеевна, то будет полный звездец!

К вечеру Василиска засыпает прямо на полу, облокотившись на меня спиной. Переносу дочку в кровать и устало плетусь на кухню. Я сегодня даже ужин готовить не в состоянии. Сажусь за кухонный стол, яростно растираю виски.

Нужно отвлечься. Иначе эти самоуничтожающие мысли меня сожрут.

Беру телефон, чтобы позвонить сестре и... замираю, глядя на экран.

В телефонной книге появился новый контакт. Дима. В порыве собираюсь стереть его номер, но руки не слушаются. Если бы не он, я бы потеряла самое дорогое, что у меня есть.

К счастью, сестра звонит сама, вырывая меня из попытки попрощаться с прошлым, так внезапно ворвавшимся в мою жизнь.

— Привет, Алиса! — голос Юли звучит бодро и весело.

— Привет, — выдыхаю.

— Ооо! Я уже чувствую, что у тебя что-то случилось. С Женей поругалась?

— Нет. Мы сегодня с Василиской гуляли в парке и...

Я закрываю рот рукой, начиная задыхаться. Перед глазами вновь всплывает тело дочки, медленно идущее ко дну.

— И что? — сестра требует продолжить.

— Вася упала с моста прямо в воду! — выпаливаю дрожащим голосом.

— Господи, Алиса! — с ужасом. — Как малышка?

— Сейчас спит.

На пару секунд повисает тишина.

— Ты ни за что не поверишь, кто её из воды вытащил, — начинаю говорить первая.

— Ну-ка, удиви меня. Ты? Переборола свой страх и спасла дочь?

— Если бы... Ваську спас Стрельцов.

— Кто? — Юля закашливается.

— Мой бывший.

Нет надобности напоминать. Сестра прекрасно его помнит. Дима ей сразу не понравился. Она всё нос воротила, говорила, что не отдаст меня за него замуж, что он мне не пара. Будто её сердце чувствовало подвох. Их ненависть друг к другу была взаимной. Дима тоже Юлю не любил. При каждом удобном случае они ругались до трясушки, заставляя меня принимать чью-либо сторону. Как бы я не пыталась держать нейтралитет, каждый убеждал меня в своей правоте, поливая грязью другого. Но как можно было выбрать между любимым мужчиной, который одним взглядом будоражит кровь, и сестрой, которая после смерти родителей взяла меня под опеку и вырастила?

— Что Стрельцов забыл в твоём городе? — недовольно бубнит Юля, готовясь промывать мне мозг.

— Я не знаю. Мы толком не пообщались. Я была в шоке из-за того, что случилось с Васей.

— И правильно! Алиса, не вздумай с ним общаться, поняла? Он разрушает твою жизнь, милая, — настойчиво предостерегает сестра.

— Я знаю, — шепчу одними губами.

Входная дверь хлопает, Женя пришёл. Быстро прощаюсь с Юлей, и выхожу встречать мужа.

— Где Василиска? — блестит счастливыми глазами, целует меня в лоб. — Я по вам очень соскучился.

— Жень, мне нужно тебе кое-что рассказать.

— Так, слушаю, — муж стягивает с себя лёгкую курточку и целует меня в губы, с желанием, с напором.

— Подожди, — упираюсь ладонями в его широкую грудь. — Мы сегодня были в парке, уток кормили, и я не доглядела за Василиской. Она с моста в воду упала.

Слёзы вновь накатывают удушающей волной.

— Где моя дочь? — испуганно рывкает Женя.

— Сейчас всё хорошо, она спит.

Муж с облегчением выдыхает.

— Нам помог незнакомый мужчина, — вру я, чтобы не вызывать ревности и подозрений.

Знаю, что не правильно. До одури неприятно обманывать, но так будет лучше. Всем от этого будет спокойнее. Особенно Жене, который бережёт меня и мою душу от всяких напастей. Даже разрешил мне не работать, чтобы могла спокойно заниматься бытом и воспитывать ребёнка.

Женя тянется, чтобы меня обнять, а я невольно отстраняюсь.

— Что-то случилось? — интересуется муж, изучая мою реакцию.

А я снова думаю о Стрельцове. Нервы медленно спутываются в узлы, прошлое меня засасывает.

— Всё хорошо, — пикаю в ответ и скрываюсь в спальне нашей малышки, чтобы остаться наедине с собой.

...

На пороге в квартиру меня сразу же встречает Таня, миловидная девушка, тоненькая, хрупкая, с рыжими волосами и в очках.

— Димочка, — с придыханием шепчет, запуская тёплые руки мне под куртку. — Ой, а ты чего весь мокрый?

— Я не в настроении, — выдаю слишком сурово.

— Поняла, — Таня поджимает пухлые губки и отстраняется. — Что случилось?

— То, что и должно было случиться! — прохожу в спальню, стягивая мокрую одежду.

— Ты её нашёл? — проходит вслед за мной, скрестив руки под грудью.

— Нашёл. У неё муж, ребёнок, счастлива она. Понимаешь? — улыбка больше похожа на звериный оскал.

Таня хлопает глазами и растерянно покусывает губу.

— Раздевайся и в койку, быстро! — рявкаю, а сам устало закрываю лицо ладонями и тяжело выдыхаю.

Таня ободряется и послушно скидывает с себя лёгкое домашнее платье, оставаясь в дорогом красном кружеве.

— Я скучала по тебе, — плачет девушка, но мне её нежности нахрен не сдались.

Стягиваю с себя трусы и толкаю рыжеволосую на кровать, не церемонясь срываю с неё кружева, надеваю презерватив и вдалбливаю в её пространство. Таня скулил, всхлипывает, впивается пальцами в простынь, сминая её под собой.

Таня для меня — просто красивое тело. До безумия похожее на Алису.

Я потерял вкус к сексу в тот момент, когда невеста застучала меня с другой. После этого казуса я долго не мог смотреть на других женщин, во всех искал её черты.

У одной были зелёные глаза, как у Алисы, другая была такая же худенькая и маленькая, у третьей такая же родинка над губой. Собирал её образ по осколкам, стараясь получить желаемое удовольствие, но секс завершался скучно и однообразно. Я кончал не испытывая ни капли эмоций. Раньше от любой новой тёлки крышу срывало, а теперь тишина. Чистая механика. Физиология.

Сначала думал, что Алиса меня прокляла.

А потом в моём арсенале появилась эскортница Таня. Как две капли воды похожая на Алису.

И я купил её, трахнул, впервые за три года испытал долгожданную разрядку.

А сейчас смотрю на её тело, грациозно изгибающееся под моим напором, и снова ничего не чувствую.

Мне нужна Алиса. Неповторимый оригинал, а не дешёвая пародия.

У Василисы с утра поднялась температура. Выходные начинаются "прекрасно".

— Это я виновата, — укоризненно смотрю на своё отражение в зеркале и закрываю глаза.

— Перестань! Такое случается, — Женя обнимает меня за талию и целует в макушку.

— Если бы я внимательнее за ней следила, то ничего бы не произошло! — вновь ощущаю подступающую волну слёз.

Дышать тяжело.

— Лисёнок, милая моя, ты ни в чём не виновата. Ты отличная мама, просто так сложились обстоятельства.

— Да? — резко отталкиваю от себя мужа. Сама не ожидала, что взбешусь.

В жилах закипает кровь, и я отчаянно сжимаю руки в кулаки. Сколько можно постоянно со мной сюсюкать? Хоть бы раз не жалел меня, а открыл глаза на суровую реальность.

— Жень, мне это надоело! — шиплю сквозь зубы, тихо, чтобы Василиска не услышала.

— Милая, ты чего? — муж ёжится, смотрит в мои заплаканные красные глаза с недоумением.

— Я устала, что ты постоянно общаешься со мной, как с маленьким ребёнком! — складываю руки под грудью в оборонительном жесте.

— Так ты и есть ребёнок, Алиса!

На мгновение теряюсь, но тут же беру себя в руки:

— Хочешь сказать, что я инфантильная?

— Лисёнок, остынь! Я хочу сказать, что люблю тебя.

— Мне всё это надоело!

— Ты жизнью недовольна? — вскидывает бровь, продолжая улыбаться.

Я для него как зверушка, которая даже в бешенстве вызывает усмешку.

— Я довольна всем, кроме того, что ты не воспринимаешь меня всерьёз!

Женя меняется в лице.

— И как же я тебя воспринимать должен? Ну-ка объясни! — выдыхает мне в губы жаром.

Я замираю, будто предохранитель включается. Что я вообще, мать его, творю? Скандал на ровном месте — это что-то новенькое. Часто моргаю, а муж так сильно стискивает челюсти, что скрежет зубов слышен.

— Что за тупые наезды, Алиса?

— Я... Я... не знаю, — качаю головой.

— Что с тобой происходит? М? Сначала чуть не развелась со мной из-за того, что на работе задержался, в изменах подозреваешь постоянно, кружку мою любимую разбила.

— Я куплю новую.

— Не надо! — отмахивается.

— Жень, я...

— Что? У меня такое чувство, будто ты меня разлюбила, Алиса.

Его слова, как пощёчина.

— Нет! Что ты такое говоришь...

— Или может ты никогда меня не любила?

Словно ледяной водой из бренспойта. Я открываю рот, но ком в горле мешает говорить.

— Молчишь? — укоризненно колит взглядом. — Мне нужно подумать, я доеду до мамы.

Поджимаю пальчики на ногах, и суставы с болью хрустят.

Что же я творю! Обидела самого лучшего мужчину на свете, который пылинки с меня сдувал. А всё из-за чего?

А из-за того, что всю ночь думала о другом мужчине. Вспоминала Стрельцова и сгорала со стыда. Муж меня во сне в охапку сгрёб, как большой медведь, прижал крепко. Раньше так тепло было на душе от этого, а сегодня холодом повеяло.

Дима вернулся. Ворвался в мои мысли, как безумный вихрь. Снёс по пути моё трепетное семейное счастье, отнял радость. Взамен теперь у меня есть тревожность, что всё развалится. Семья моя развалится!

Женя быстро собирается, перед выходом заходит к Василиске в детскую, чтобы поцеловать. Громко хлопает входной дверью.

Я вздрагиваю.

Ушёл.

Мать его, ушёл!

От стыда у меня даже кончики ушей горят. Ну ничего, муж остынет. Я извинюсь перед ним. Обязательно куплю ему новую кружку, взамен той, которую о стену в порыве гнева расколола. Он меня любит.

И ведь я тоже! До безумия люблю!

Только вот мысли сейчас помешаны на другом мужчине. Далёком, как неизведанная планета.

Это пройдёт.

Пройдёт ведь?

— Мамулечка! — Василиска хрипло шумит, закашливается.

Быстро иду в детскую. Дочка лежит в постели, обнимает большого белого мишку, которого Женя ей подарил.

— Как ты себя чувствуешь?

— Получше, — слабо улыбается. — Мамулечка, почитай мне книжку.

— Хорошо, — хватаю с полки сказки и сажусь к моей девочке.

Василиска укладывается ко мне на плечо, изучает картинки в книжке, слушает внимательно мой голос. И засыпает.

Осторожно встаю с кровати, укутываю девочку одеялом, умиляюсь, как смешно она губки сложила. Сопит, сладкий котёнок, и сердце заходится от нежности.

Женя так хотел девочку... Когда я была беременна, каждый день мне животик целовал и разговаривал с ним. Гладил ласково, щекой прижимался. И твердил: "там маленькая принцесса живёт, красивая как мама".

Хватаю телефон, чтобы стереть номер Стрельцова. Не правильно это всё. Не должна я была записывать его номер и пустые надежды давать.

Прошлое должно оставаться в прошлом.

Захожу в телефонную книгу, быстро нахожу его номер. Рука невольно вздрагивает, и я случайно нажимаю на кнопку вызова. Адреналин растекается по венам жаркой волной.

— Чёрт! — ругаюсь и отменяю звонок.

Нервно вздыхаю, закрываю глаза. Ну что за дура, ну как так можно. Надеюсь, Стрельцов не додумается перезванивать, у него же не записан мой номер. Кто вообще перезванивает неизвестным номерам?

Выдыхаю.

Мобильник яростно жужжит в руке. На экране это проклятое имя. Стискиваю зубы, борясь с желанием ответить. Ловлю пальцем зелёную трубку и смахиваю вправо.

— Алё! — голос Стрельцова звенит эхом в ушах.

Молчу. Тело прошибает крупной дрожью. Закрываю рот рукой. Нельзя. Нельзя отвечать.

— Алиса, это ты?

Мурашки бегут по позвоночнику.

Сбрасываю вызов и отключаю телефон. Господи, зачем я вообще взяла трубку!? Мало мне боли он причинил? Ещё захотела?

Пока Василиска спит, готовлю обед и прибираюсь на кухне. Липкие грязные мысли роятся в голове. Может, стоит встретиться со Стрельцовым? Дать ему отпор, предупредить, чтоб не лез ко мне, не приближался. Мне и самой от этого легче станет. Выскажу всё, что думаю.

Я ненавижу Диму. И если он об этом узнает, то сразу же от меня отстанет.

Перезваниваю второй раз — абонент вне зоны доступа. Сучка! Телефон отключила. Это только подтверждает, что звонила на самом деле Алиса.

Захожу в соцсети и быстро нахожу её страницу. Алиса Зимина. Чертовка, которая отняла у меня жизнь.

— Димочка, — Таня хлопает ресницами, невинно, будто ангел. — Когда мы вернёмся домой? Меня там клиенты ждут.

— Подождут твои клиенты, — безразлично.

— Ну Дим! Ты обещал, что мы уедем всего на пару дней!

— Послушай, Таня! Ты можешь прямо сейчас собрать вещи и уехать. Ты мне больше не нужна, — эскортница вздрагивает от моих слов и растерянно хмурится.

— Раньше ты говорил, что я лучшая женщина...

— Среди шлюх, да. Ты лучшая! — злорадствую.

Таня обиженно надувает губы и выныривает из постели. Накидывает шёлковый халатик поверх обнажённого тела. Худая, красивая, с торчащими сосками, отчётливо виднеющимися сквозь тонкую ткань. Я никогда не спрашивал, почему она выбрала эскорт. Мне это не интересно. Вряд-ли Таня занимается этим из-за собственного удовольствия, а услышать историю о больном родственнике, которому срочно требуются миллионы на операцию, я не хочу.

Таня скрывается за дверью, а я возвращаю взгляд на экран.

Алиса. Листаю фотки. Опять. Кажется, что последние полгода я буквально живу на её странице. Каждый день по десять раз захожу. Ещё никогда женщина не была для меня такой недоступной, желанной, манящей. Её зелёные глаза смотрят выразительно, сочные губы с ума сводят. Ни одной фотографии с мужем и с дочкой. Никакого намёка, что она замужем, даже фамилию не сменила. Если бы я знал, что у неё семья, возможно и не сунулся бы сюда, не искал бы её. Но сейчас, когда нашёл, я не отступлюсь. Муж не стенка, подвинется. А дочь...

Красивая у неё малышка. На неё похожа.

...

Женя возвращается ближе к вечеру. Не один.

Анастасия Сергеевна входит в квартиру, как к себе домой. Василиска тут же бежит их встречать с громким криком:

— Баааабушкаа! Пааапаа!

Обнимаются в прихожей. Образцовое семейство.

— Алис, я звонил тебе, хотел предупредить, что с мамой приеду. У тебя телефон выключен, — муж приветливо улыбается.

Остыл. Теперь упорно будет делать вид, что не было утренней перепалки.

— Разрядился наверно, — отмахиваюсь.

После того, как я случайно позвонила Стрельцову, включать мобильник страшно. Не хочу, чтобы Дима снова мне перезванивал. Даже подумываю, а не купить ли новую сим-карту, чтобы уж наверняка избавиться от прошлого.

— Василис, ты как себя чувствуешь? — Анастасия Сергеевна берёт малышку за руку.

— Я холошо, нарисовала челепаху! — дочка сразу же тянет бабушку в комнату

хвастаться рисунком.

Вася очень любит рисовать.

— Лисёнок, — Женя прижимает меня к стене, заглядывает в глаза и с осторожностью, будто боится моей реакции, заправляет мне волосы за ухо. — Прости меня.

— И ты меня прости, — шепчу, обхватив его руками за шею.

Муж осторожно целует в губы, и я тут же реагирую. Запускаю язык в его рот, играю.

— Ммм... — стонет Женя, сильнее придавив меня к стенке.

— Так! Молодёжь! Ребёнок смотрит! — свекровь грозит нам пальцем. — Пойдём, Василиса, чай попьём. Бабушка привезла пирожки с повидлом.

Я весело усмехаюсь, прижавшись к Жене. Мой родной. Самый дорогой мужчина в моей жизни. Рядом с мужем мне ничего не страшно, а Стрельцов... пусть идёт к чертям собачьим.

Диме удалось растопить лёд, которым всё это время были покрыты мои светлые воспоминания. Он взбудоражил мой рассудок и довёл меня до ручки. Но я точно знаю, кого люблю. И точно знаю, что никогда не смогу предать своего мужа.

— Мама поживёт пока у нас, ладно?

— Зачем? — непонимающе хмурюсь.

— Затем, что нам нужно развеяться. Василиске уже лучше, она побудет с бабушкой. А мы с тобой сегодня идём в ресторан, потом переночуем в гостинице.

— Звучит заманчиво, — пошло прикусываю губу, дразню Женю игривым взглядом.

Наш любимый ресторанчик "Алмаз" в центре города встречает прекрасной живой музыкой и разноцветными огнями. Женя галантно отодвигает мне кресло, и я присаживаюсь за столик у окна. Медленно опускаются сумерки, тёплый весенний вечер перетекает в лунную ночь. Небо неспеша распускается звёздами.

Пока делаем заказ, я флиртую с мужем. Так тепло на сердце, что кричать от радости хочется. Сбрасываю с ноги туфлю, задумав гениальный план по соблазнению.

— Алис, что ты делаешь? — Женя робко улыбается, когда ногой провожу по его голени.

— Что такое? — хлопаю ресницами.

— Люди же увидят!

— Пусть посмотрят, позавидуют, — нога скользит выше, по колену, упираюсь пальчиками в пах.

Как же тесно в его штанах! Возбуждённо облизываю верхнюю губу, смотря в серебристо-серые глаза мужчины. В его зрачках вспышки проносятся. Голодный. Ненасытный.

Хочет меня, как пять лет назад. Все эти долгие годы заводится с пол оборота, стоит только лёгкий намёк дать. И это безумно греет изнутри, заставляя трепетать под внимательным блестящим взглядом.

— Я уже жалею, что сразу не повёз тебя в гостиницу, — рычит.

Откидываюсь на спинку кресла, осторожно массирую ногой твёрдый член сквозь ткань брюк. Женя закрывает глаза, гладит сильными пальцами мою ступню, сжимает.

— Щекотно! — хихикаю я.

— Лисёнок, прекращай. Иначе мы уйдём отсюда голодные.

— Я очень... очень голодная! — прикусываю губу и глажу свою шею рукой. Знаю, что Женя понимает мой намёк.

Обожаю с ним играть. Дразнить. Раззадоривать. Будить в нём зверя.

На секунду перевожу взгляд в зал ресторана. Страшновато всё таки, что кто-то на нас

смотрит. Мы едва ли не занимается сексом прямо здесь, на этом столике.

Вздрагиваю и перестаю дышать, холодная волна окатывает от макушки до кончиков пальцев.

Тёмный взгляд, налитый ненавистью и ревностью, прошибает насквозь. Стрельцов сидит у бара, далеко от нас, держит в руках широкий бокал с напитком янтарного цвета. Рот скошен в однобокую хищную улыбку, больше напоминающую оскал.

Я быстро одёргиваю ногу, отворачиваюсь к окну и прикладываю ладони к горящим щекам.

— Алис, что с тобой? — голос мужа звучит отдалённо и будто в замедленном режиме.

Цепляюсь взглядом за вывеску напротив ресторана, буквы пляшут, плывут.

— Алиса!? — Женя тянется ко мне, легко качается моей руки.

— А? — испуганно отшатываюсь. — Мне нужно в туалет, я сейчас приду.

Встаю с места, схватив сумочку. Стремительно пролетаю к дамской комнате. Выдыхаю, выглядываю из-за угла.

Место, где сидел Дима, пустое. На баре стоит на половину пустой бокал. Неужели показалось? Может, это и не он вовсе... галлюцинации. Просто молодой человек с таким же типажом, как у Стрельцова, а моё встревоженное сознание само всё додумывает и дорисовывает.

Что вообще Дима может тут делать?

И почему, чёрт побери, я так реагирую!

Разозлившись, плююсь на своё отражение в большое зеркало над раковиной. Стужу ладони в холодной воде и прикладываю к лицу. Щёки покалывает, но я успокаиваюсь.

Возвращаюсь в зал, где меня ждёт напуганный муж и уже поданный заказ.

— Всё хорошо, — говорю тихо, но уверенно, опередив расспросы Жени.

Пока едим, муж начинает рассказывать о своей работе, а я с опасением кошусь в сторону барной стойки.

Наверное, мне и правда показалось.

— Что ты собираешься делать? — спрашивает Таня, стоя у входной двери с дорожной сумкой в руках.

Уезжать собралась. Обиделась.

— Найду её мужа, припугну. Если понадобится, приму более жёсткие меры.

— Ты психопат, Дима! — девушка взволнованно теревит ремень сумки.

— Может быть, — бросаю на эскортницу молниеносный взгляд.

Таня бледнеет, поджимает пухлые губки, превращая их в одну тонкую полоску.

— Она же счастлива без тебя. Мужа любит, дочка у них. Зачем ты вообще туда лезешь?

— Алиса принадлежит только мне, — закипаю от ярости.

Когда увидел её в "Алмазе", сначала растерялся. Эта дрянь рядом со своим мужиком от счастья чуть ли не светится. Заигрывает с ним на глазах у всех, никакого стыда.

Повзрослела Алиса. Перестала бояться показывать свои желания при людях. Раньше шикала "На нас же смотрят, прекрати!", а теперь сама своей ногой...

Чёрт!

На месте этого жалкого подонка должен быть я.

Всепоглощающая ревность накрывает с головой, и волком выть хочется. Разорвать собственными руками и Алису, и мужа её. Своими же зубами загрызть! Я обязательно найду способ вернуть её, заставлю приползти ко мне на коленях. Ноги будет мне целовать и в любви вечной клясться. Не захочет по хорошему, так я заставлю по плохому.

— Прощай, Дима, — плачет Таня, касается тонкой рукой ручки двери.

— Стой, — торможу её.

Смотрю на Таню, а вижу другую женщину. В штанах моментально становится тесно, когда представляю вместо шляхи мою милую Алису.

— Не смотри так, — растерянно. — Ты меня пугаешь.

— Я ведь хорошо тебе плачу, Таня. Почему ты так спешишь к своим клиентам?

Молчит, морщит аккуратный носик.

— Я думаю, что ты понадобишься мне здесь, — губы невольно вздрагивают в улыбке.

— Я хочу свободы, Дим, понимаешь?

— Ты сама продалась. При чём не за дёшево.

— Я знаю, — качает головой и тяжело вздыхает.

— Останься, — уже не просьба, скорее приказ.

Таня бросает дорожную сумку, и та с грохотом падает ей в ноги.

— Мне нужно семь миллионов, чтобы...

— Не продолжай, — не хочу выслушивать исповедь шляхи. — Будут тебе твои миллионы.

— Мне нужно срочно, — уточняет девушка.

— Если сможешь вернуть Алису, я дам намного больше.

— Но... Как я могу тебе помочь?

— Скоро узнаешь, — мой гениальный план уже созрел, осталось только пару деталей обдумать. — А сейчас иди в спальню.

— Опять? — ошарашенно расширяет глаза.

...

Ночь в отеле была волшебной. И небо в алмазных звёздах увидела, и вихрем счастья на Юпитер чуть не унеслась. Женя был пылким и страстным со мной, как никогда. Его влажные ласки на моём пульсирующем клиторе до сих пор вгоняют в краску, и я осторожно беру его за руку, продолжая смотреть в окно такси. Мимо проносятся многоэтажки, цветные вывески магазинов и кафешек, зелёные бульвары и многолюдная набережная, а в голове бегущей строкой жаркие слова мужа, сказанные бархатным хриплым голосом прямо мне в губы: "Ты лучшее, что со мной случилось!"

Женя сильнее сжимает мои пальцы, смотрит на меня, улыбается. Будто мысли мои прочитывает и романтично-эротичное настроение чувствует.

Мне этого не хватало. Свободы. Драйва. Нежности до самого утра. Кляत्व, что навеки, что никому не отдаст.

Василиска бежит встречать нас, ухватив с собой новые рисунки. Папу обнимает первым.

— Привет, котёнок, — Женя гладит малышку по рыжим кудряшкам, а моё сердечко заходится от нежности.

Женю дочка явно любит больше, я даже невольно ловлю нотки ревности. Ну ничего, это возраст такой. Начнутся мальчишки, свидания, косметика... и прибежит ко мне за дружеским советом. Я уже решила, что бы ни случилось, никогда не ругаться на неё. Это моё святое правило в воспитании, засевшее в подкорке ещё с подросткового возраста, когда ответственность за меня упала на плечи старшей сестры.

— Мамуууля, — Вася виснет у меня на ноге, и я наклоняюсь, чтобы поцеловать.

С кухни доносится аппетитный запах пирога с мясом. Анастасия Сергеевна, видимо, постаралась.

И не только с пирогом.

— Где мои приправы? — интересуюсь у свекрови, когда не обнаруживаю баночки с травами на привычном месте.

— И тебе доброе утро, — женщина приветливо улыбается, распахивает духовку, и аромат мясного пирога усиливается.

Даже в животе жалобно урчит от голода. Заглядываю в холодильник, непонимающе моргаю.

— Вы размораживаете холодильник? — колючий взгляд вновь падает на свекровь.

— Алиса, ну что ты как маленький ребёнок! Сама же видишь, что размораживаю, — Анастасия Сергеевна ставит пирог, вдыхает аромат и довольно жмурится. — Ммм, послушай только, как пахнет!

— Вас попросили посидеть с внучкой, а не наводить порядок в чужом доме, — говорю осторожно, боясь обидеть.

— В чужом? — свекровь нагло усмехается. — Уж кто — кто, а я в эту квартиру финансов вложила побольше некоторых.

Без зазрения совести напоминает мне, чего семье Захаровых стоил переезд. Да, уговорить женщину продать трёшку в областном центре и разменять её на две квартиры поменьше в другом городе было сложно. Но это был единственный выход, чтобы увезти меня от прошлого. И Женя не задумываясь пошёл на этот шаг.

Анастасия Сергеевна была жутко недовольна, нос от меня воротила. Наши отношения не складывались с самого начала, всю мою беременность женщина фыркала и плевалась, но как только родилась Василиска, лёд надломился. Свекровь внезапно полюбила и внучку, и меня заодно. Или мне казалось, что полюбила.

— Я понимаю, что вы хотели помочь, — сильно сжимаю пальцы, ногти впиваются в ладони до боли. — Но не стоит так делать, если вас об этом не просят.

— Алиса, твой холодильник скоро начал бы вонять. Ты когда последний раз его мыла вообще? — Анастасия Сергеевна демонстративно закатывает глаза. — А приправы хранить на виду? У тебя маленький ребёнок! Вдруг Василиса бы взяла, рассыпала. Или не дай бог съела бы!

— Анастасия Сергеевна, — шиплю сквозь зубы, эмоции бьют фонтаном, боюсь, что не сдержусь и повышу голос. — Василиса уже не малышка, она прекрасно понимает с чем можно играть, а с чем нет!

— Ей всего четыре года!

— Ей уже четыре! Она достаточно большая и послушная.

— Ах, вот значит как! — свекровь фыркает, поставив руки в бока. — Алиса, я это всё делаю, потому что ты не справляешься с бытом! Я вообще поражаюсь, как Женя с тобой, такой неумёхой, живёт! Когда ты последний раз свойские пироги готовила? М? А пельмени когда лепила? Всё покупное, химическое. А ты, между прочим, не работаешь. Интересно, чем ты занимаешься дома целыми днями?

Хлопаю ресницами, растерявшись от наглости.

— Я воспитанием занимаюсь, с Василиской играю, слежу за ней, — начинаю оправдываться, а сердце набирает ритм.

— Следишь? Если бы ты за ней следила, она бы не упала в пруд! И не заболела бы!

Мой подбородок отчаянно дрожит от обиды, и я сильно сжимаю челюсти.

— Анастасия Сергеевна, вам лучше поехать домой!

— Алиса, — внезапно появившийся муж берёт меня за плечи, осторожно сжимает и заглядывает в глаза. — Иди к дочке, я сам поговорю с мамой.

Напряжённо выдыхаю и исполняю.

Василиса снова что-то рисует, трогаю её лоб, проверяя на наличие температуры — холодный.

— Мам, Алиса права, ты не должна наводить порядки у нас, это не правильно. Моя жена прекрасно справляется со всем, а ты на неё наговариваешь, — слышу голос Жени.

— Плохо она справляется! — недовольно бурчит свекровь.

— Мама, меня всё устраивает. Алиса хорошая хозяйка, прекрасная мама.

— Ты, значит, на её стороне!?

— Она моя жена! Конечно я буду защищать её.

— А я твоя мать! Я тебя вырастила! Воспитала только не правильно, раз ты так перед женщиной...

— Достаточно! — вспыхивает Женя. — Собирайся, я отвезу тебя домой.

Хлопок двери отзывается эхом в голове, и я осторожно выглядываю из детской.

— Алис, ты на маму не обижайся. Она какая-то нервная последнее время, давление у неё скачет, — Женя вернулся.

Отвёз Анастасию Сергеевну домой. И пробыл у неё до самой ночи.

— Я не обижаюсь, — растерянно вздыхаю.

— Как Василиса?

— Всё хорошо, уже спит. Я приготовила ужин, — улыбаюсь.

...

— Я нашёл компанию, в которой работает этот Захаров, — осведомляю Таню, а та мучительно закатывает глаза.

— Оставил бы ты в покое эту семейку. Вот что тебе ровно на жопе не сидится? Сдалась тебе эта Алиса, — недовольно бурчит девушка, отворачиваясь от меня.

— Сдалась. Алиса будет моей!

— Ну нашёл ты компанию, где её благоверный работает, дальше что?

— Дальше? — по лицу проносится яростная ухмылка. — Они как раз сейчас ищут партнёра. Нужно сделать так, чтобы Захаров очень сильно напрягся.

— И что?

— И то, Танечка, что тогда ему будет не до семьи. Пока Захаров будет решать проблемы на работе, я быстро присвою Алису себе.

— Ага, — саркастично хихикает девушка, начиная меня конкретно так вымораживать. — Они пять лет уже вместе, Дим. Пять лет! Думаешь, так просто будет запудрить мозги Алисе?

— Ты мне в этом поможешь, — глажу Таню по щеке тыльной стороной ладони, и та смущённо отворачивается.

— Прекрати, — выговаривает строго, колит взглядом из под густых ресниц.

— Иди в кровать, — приказываю.

— Дим, я...

— Это не обсуждается. Ты обязана доставлять мне удовольствие по первому зову, малыш.

...

Неделю спустя

Достаю из духовки вишнёвый пирог и осторожно ставлю на стол.

— Ма, а это точно вкусно? — Вася с любопытством тянет пальчик к румяной корочке.

— Не трогай, горячо, — выговариваю тихо. — Пирог будем пробовать после ужина, когда папа придёт.

— А когда он плидёт? — малышка дует пухлые губки и распахивает глаза.

Как у кота из Шрэка. Один в один. Глажу Василиску по голове и улыбаюсь.

Тут же хлопает входная дверь, и довольный ребёнок несётся встречать папу.

— Пливееет! — тянется в объятия к Жене.

Муж привычно целует дочку, интересуется как прошёл день, смотрит её новые рисунки.

Моя простая и размеренная жизнь вернулась на круги своя. Я даже почти не думаю про

Диму. Иногда только накрывает. Всё реже и реже. Скоро совсем забуду.

Стрельцов, конечно, хорошо шатнул маятник, заставил меня откопать в памяти старые воспоминания, собрать по крупинкам счастливые моменты.

Хорошо, что он больше не появляется. Не звонит. Скорее всего те случайные встречи были последними. На улице всё ещё страшно ходить, озираюсь по сторонам, ищу его в толпе прохожих повсюду. И в магазине, и в парке, и на детской площадке.

Но его нет.

Как появился, так и исчез.

После ужина купаю Василису, Женя укладывает её спать, пока я прибираюсь на кухне. Вишнёвый пирог получился очень вкусный. Почти весь съели. Анастасия Сергеевна была права, своё нужно печь. Тем более я умею. И время свободное у меня есть.

— Алиса, — Женя подходит ко мне со спины и обхватывает за талию, крепко прижав к себе. — Я так устал сегодня, ты не представляешь.

— Что такое? — поворачиваюсь к мужу и целую его в нос.

— У нас новый партнёр. Готовим большой проект. Будем строить детский центр.

— Хорошее дело, — прижимаюсь губами к его шее, щекочу дыханием кожу и наслаждаюсь волной его родных мурашек.

— Мне поручили заниматься архитектурой. Завтра встреча с Дмитрием Борисовичем.

Сердце опускается в желудок, и меня чуть не выворачивает приступ тошноты.

— С кем? — кажется, теряю самообладание.

Ладонки невольно потеют, и на лбу выступает испарина.

— Наш новый партнёр, по совместительству заказчик. Стрельцов Дмитрий Борисович.

Я сглатываю ком в горле, мешающий дышать, а тело прошибает крупной дрожью.

— Алис, с тобой всё хорошо? — Женя гладит меня по голове, и я утыкаюсь лбом в его широкую грудь.

Нервно вдыхаю горячий воздух, ухватившись рукой за край Жениной футболки.

Этого не может быть! Как так вышло, что Стрельцов будет сотрудничать с моим Женей? Зачем вообще Диме строить детский центр в нашем городе? Странное вложение денег. Конечно, мой бывший богатый человек, влиятельный. У него несколько своих бизнесов, которые приносят ему немаленький доход. Деньги девать стало некуда, решил такой странной благотворительностью заняться?

— Мне сегодня мама звонила, — шепчет Женя, не замечая, как я медленно стораю заживо. — Она скучает по Василиске, просила завтра привести её.

Выдыхаю, стараясь собрать всю волю в кулак. Женя никогда не видел Диму. О моём бывшем муж ничего не знает. Только имя и факт измены.

— Алис, ты меня вообще слушаешь? — по доброму усмехается, делая шаг назад.

Отрываюсь от его тела и невольно облизываю пересохшие губы.

— Лисёнок, я тут подумал, — хитро щурится. — Может нам пора задуматься о втором ребёнке?

Его слова эхом разливаются в моей голове, не сразу улавливаю смысл услышанного.

— Второй ребёнок? — переспрашиваю, закрыв глаза.

— Ты заболела? — заботливо целует в лоб. — Вроде не горячая.

— Я немного устала, — демонстративно зеваю. — Пойдём спать.

Утром звонит Анастасия Сергеевна. Извиняется. Отходчивая она женщина, добрая. И очень любит внучку. Пусть меня она не может принять, но Василиска — её отдушина, её

счастье. Я тоже извиняюсь, что вспыхнула. Странная ссора получилась, глупая. Быт мы с ней ведём по-разному, и представления о комфорте у нас разные, вот и выливается всё это в глупые перепалки. Хорошо, что Женя на моей стороне всегда. Это ещё раз доказывает его необъятную любовь ко мне.

Везу Василиску к бабушке в гости, после возвращаюсь домой. У подъезда замечаю припаркованную ауди. Как у Стрельцова. Нервно осматриваю красивую иномарку. Бабульки на лавке тоже любят машину, шушукаются между собой.

Пробегаю мимо, хочу скорее скрыться в подъезде. Мне есть чем заняться в квартире одной. Ванну с пеной приму. Сделаю пилинг. Вечером Женя придёт с работы уставший после нервного дня, а я его встречу в одном прозрачном халатике. От собственных мыслей пульс учащается. Второй ребёнок — не такая уж абсурдная идея. Малыши у нас получаются славные. И я всерьёз задумалась, а почему бы не родить? Конечно, от сигарет придётся отказаться, но я и так хотела давно бросить.

— Алиса! — знакомый голос обрывает цепочку мечтаний, и я цепенею от ужаса.

Дима!

Тревожно смотрю через плечо. Мужчина стоит рядом с иномаркой, приветливо улыбается. Держит в руках два стаканчика с кофе.

— Доброе утро! — стреляет тёмными глазами.

— Что ты тут делаешь? — выцеживаю сквозь зубы.

Видеть его не хочу. Тем более здесь, у своего подъезда. Ещё и на глазах у местных сплетниц.

Надеялась, что Стрельцов от меня отстанет, но не тут то было.

— Я тебя жду. Вот, кофе нам взял. Ты же любишь капучино с апельсином и корицей, — нагло демонстрирует мне пластиковый стаканчик.

Бабульки замолкают и внимательно слушают наш разговор.

— Дим, я спешу, — отмахиваюсь.

— Куда тебе спешить, Алис? М? — выразительно поднимает бровь. — Муж на работе, дочка явно не дома одна тебя ждёт. Бабушке сдала?

— Сдала. Но это не твоё дело.

— Ну что ты такая холодная, Зимица!? Садись в машину, кофе попьём. Отогреемся.

Бросаю недобрый взгляд на бабулек. Смотрят на меня, ожидая ответа. Громко цокаю языком и подхожу к ауди. Стрельцов распахивает передо мной дверь, и я ныряю в салон.

— Столько лет прошло, а ты почти не изменилась, — мягко улыбается, внимательно следит за дорогой.

— Изменилась, — нервно кручу в руках стаканчик с вкусным напитком.

Пить боюсь, мало ли что у Стрельцова на уме, может он что-то подмешал. Но аромат просто великолепный.

— Да нет, всё такая же, — мужчина осматривает меня с интересом. — Красивая.

Тяжело вздыхаю, сильно сжав руку. Пластик мнётся в ладони.

— Да расслабься, я ни на что не намекаю. Ты же замужем, — стреляет ядовитым взглядом на мой палец в обручальном колечке.

— Ты решил построить детский центр? — смотрю в лобовое стекло.

— Да, думаю, что это хорошее вложение. А ты откуда знаешь?

— Знаю, — поджимаю губы.

Дима многозначительно поднимает брови:

— В "Алом парусе" работает кто-то из твоих знакомых?

— Муж.

— Я не знал, — кривит рот в улыбке. — Как его зовут?

— Зачем тебе эта информация?

Молчит. Красиво поворачивает руль, и иномарка послушно съезжает к озеру.

— Алис, мы же не чужие люди, — щурит хитрые глаза, тормозя рядом с водой.

Вид красивый. Здесь безлюдно, тихо. Нет городской суеты. Будто мы вдвоём на планете остались.

— Дим, я не хочу с тобой общаться, понимаешь?

— Почему?

Качаю головой, залипаю взглядом на густой зелёной траве, растущей у берега. Боль отчаянно давит на виски, прошлое тяготит и манит одновременно. Дима рядом, здесь, со мной. Не понятно чего он хочет, зачем приехал, к чему вообще этот разговор? Мозгом понимаю, что не должна была в его тачку садиться, но сердце попало в ловушку.

Меня только начало отпускать после прошлых встреч, и вот он опять нарисовался. Темноглазый, с растрёпанными волосами, манящий и сексуальный. Своей взрывной энергетикой душу мне разрывает в ошмётки.

— Как зовут твою малышку? — Стрельцов берёт свой кофе и делает жадный глоток.

— Василиса.

— Сколько ей?

— Четыре.

— Это получается, вы заделали ребёнка сразу после нашего расставания?

Медленно моргаю, заметно нервничаю. Дима точно увидит, что я не в порядке.

— Сразу.

— Брак по залёту, — присвистывает.

— У меня с Женей всё по любви.

— Вот я и узнал, — смеётся, заставляя с непониманием заглянуть в его глаза. — Имя твоего мужа узнал. Женя. А он случайно у тебя не архитектор?

— Архитектор.

— Захаров Евгений Андреевич?

Невольно свожу брови на переносице.

— Да ладно! Выходит, я буду сотрудничать с твоим мужем, — Дима расплывается в улыбке. — Вот это да! Не ожидал, что наши с тобой пути вот так сойдутся.

— Дим, ты только не говори ему, что ты мой бывший. Ни к чему Жене лишний стресс.

— Конечно, вместо проекта будем тебя обсуждать, — саркастично фыркает.

Я молчу. Если Женя узнает, что будет строить детский центр для моего бывшего, то взбесится. Слишком много хлопот было со мной, пока я тяжело переживала измену и привыкала жить заново и доверять. А если до мужа дойдут слухи, что я виделась с Димой, то это будет капитальный трюндец.

Он надумает себе всякого. Он меня не простит.

— Ты почему кофе не пьёшь? Я старался, твой любимый нашёл, — Стрельцов смотрит на меня в упор.

— Не хочу.

— Да ладно, Алиса. Ты что, боишься?

Сердце предательски ёкает, когда сильные пальцы мужчины уверенно обнимают мой стаканчик с напитком, его рука слегка касается моей кожи, и я нервно закрываю глаза. По телу проносится электрический разряд, покалывающий, почти болезненный.

— Всё хорошо? — Стрельцов замечает мою реакцию, изучающе следит за мной, забирает мой кофе и делает глоток. — Ммм... зря ты не пьёшь, очень вкусно.

Возвращает мне стакан и улыбается добродушно. Будто ничего не происходит, и я не дрожу от случайного прикосновения.

— Зачем ты делаешь это? — недовольно хмурю брови.

Глаза Димы блестят. Бешено. Яростно. Как у дикого животного. Кончиком языка он облизывает кофе со своих губ, заставляя меня сильно свести колени.

Ну почему всё так? Мерзкая, отвратительная реакция, которой не должно быть. Он — предатель, причинивший мне слишком сильную боль, оставивший меня без права на счастливую жизнь, перекрывший доступ к кислороду. Заставивший меня всех подозревать в изменах.

А у меня низ живота узлами стягивается в приступе нежданного возбуждения.

Димин язык способен был за пару минут довести меня до рая. И сейчас этот его жест пробуждает во мне животный инстинкт.

Отвернувшись, я осторожно пробую кофе.

— Алиса, — Стрельцов шепчет почти что мне на ухо, и щёки вспыхивают.

Я всхлипываю, зажмурив глаза.

У меня есть муж. И ребёнок. Двадцать минут назад я задумывалась о том, что мне нужно рожать второго малыша. А теперь сижу тут, со своим бывшим.

И хочу его.

— Отвези меня домой, — безапелляционно чеканю я, не поворачивая головы.

— Алиса, — с придыханием повторяет Стрельцов.

Кажется, его губы стали ещё ближе ко мне. Обжигает дыханием, заставляя жаркую волну пронестись между лопаток.

— Мне нужно домой, — грубо.

— Родная моя, — ладонь мужчины накрывает моё колено.

Сжимает пальцы, сильно, уверенно. Скользит вверх по лёгкой ткани моих джинс,

заставляя рассудок закутаться пеленой тумана.

Я невольно ёрзаю на сидении, забывая сделать вдох. Дима касается губами моей щеки, чувствую свежесть его дыхания, покалывание щетины на нежной коже.

— Отвали от меня! Придунок! Я не твоя! — кричу, придя в себя.

Резко взмахиваю рукой и бью Стрельцова по щеке.

— Ой, — закрываю лицо ладонями, смотрю на Диму сквозь пальцы.

Мужчина озадаченно трёт место удара, в глазах смятение и растерянность.

— Извини, — выдыхаю. — Просто ты позволил себе лишнего.

— Я отвезу тебя домой, — выговаривает с излишней серьёзностью и заводит машину.

Отворачиваюсь, устремляя взгляд в окно. Ну я и идиотка!

Почему сразу не пошла домой?

Зачем мне вообще это всё нужно?

Дима всё тот же мерзавец, который опьяняет своими чарами и будоражит воображение. Шесть лет назад я уже попала на его крючок, и всё закончилось огромной зияющей дырой в грудной клетке. Он не тот человек, с которым я могла бы попробовать восстановить дружеские отношения. Он явно не на дружбу настроен.

Главное, чтобы Женя не узнал про эту встречу. Лучше бы муж вообще никогда бы не догадался, что новый партнёр "Алого паруса" — мой бывший.

Ауди тормозит у подъезда, и бабушки на лавке снова устремляют на иномарку горящие интересом глаза.

— Алис, прости, я не хотел, чтобы всё так вышло, — шепчет Дима, сильно сжав пальцы на кожаном руле. — Просто ты для меня такая...

— Прощай, Дима. Я не хочу продолжать разговор. Надеюсь, мы с тобой больше никогда не пересечёмся, — бросаю я, вылетая из машины.

Словно пуля мчу к подъезду мимо шушукающихся бабулек.

...

Алиса сбегает, оставляя в салоне приятный цветочный аромат, скрывается в подъезде, оставляя меня наедине со своими возбуждёнными мыслями и каменным стояком.

Скоро у меня встреча с её благоверным, на которую я не могу явиться в таком виде.

Резко скрываюсь с места, машина звенит крышкой. Сначала заеду домой, где меня всегда ждёт готовая на любые извращения эскортница.

Только вот я перестал получать с Таней удовлетворение. Одна долбёжка и физиологическая разрядка. Эмоции и удовольствие просто умножены на ноль.

Хотя бы что-то.

По дороге накрывает сильнее.

— Сука! — стучу руками по рулю, сильно стискиваю челюсти.

Какая же красивая. Далёкая. Недоступная. Моя.

От Алисы пахнет сексом. И я точно знаю, что она меня хочет на уровне низменных инстинктов, знаю, что она возбудилась. Своей собственной рукой чувствовал, как дрожит её хрупкое тело, своими глазами видел, как покрывается мурашками от горячего дыхания кожа.

Зимица будет моей.

Вхожу в квартиру, Таня выходит с кухни с кружкой чая в руках. Смотрит на меня не моргая, задавая немой вопрос. Не ожидала, что я приеду так рано, должен был вечером вернуться.

— На колени, — хрипло рычу, расстёгивая ширинку.

Члену тесно в штанах.

— Что? — Таня нервно улыбается.

— Сделай мне минет, быстро!

Не дожидаясь ответа хватаю девушку за волосы и опускаю её вниз. От неожиданности кружка падает на пол, чай разливается по прихожей.

Горячие губы сжимаются тугим кольцом и скользят по стволу. Влажно и быстро. Глубоко. С силой сжимаю рыжие волосы, представляя Алису. Башню сносит! Вколачиваюсь в горло, сильнее и быстрее. Рычу от наслаждения.

Таня всхлипывает, упирается руками в мои ноги, толкает, будто хочет отстраниться. Но финал уже близок, и я не даю ей шанса вдохнуть.

Как же я хочу Зимину. До боли в паху. Выть готов, лишь бы в следующий раз на месте шлюхи оказалась она. Моя. Моя Алиса.

После потрясающего минета от лучшей эскортницы в моей жизни, я с пустыми яйцами еду в строительную компанию "Алый парус".

Название идиотское.

Мне не нравится.

Наконец-то я встречусь с мужем Алисы. Может, посмотрю на него в живую и наконец-то пойму, что такого она в нём нашла, раз сразу после нашего разрыва решила построить новые отношения.

Нет.

Не просто отношения.

Семью!

Замуж ведь выскочила, родила малявку.

Чёрт! Сильно стискиваю челюсти, становится душно. Как я всё просрал? За один миг. Мне необходимо было быть более расчётливым и осторожным. Можно же было спокойно получать удовольствие на стороне в отелях, но нет... стукнуло в голову притащить ту девку к нам домой. Это же адреналин. Драйв!

Стоит признать, что я не боялся потерять Алису до тех пор, пока она своими бомбически большими глазами не посмотрела на меня в прихожей в тот день, когда застучала за изменой. В её взгляде не было ни ненависти, ни сожаления за потраченное на меня время, ни ярости. Пустота. Холод. Лёд. До сих пор мурашки под кожей от воспоминаний. В тот момент я конкретно напрягся. И, собственно, больше и не расслаблялся, преследуемый маниакальным желанием вернуть Зимину в свою жизнь, в свою постель. Отсутствие удовольствия во время секса только подстёгивает это желание. Хотя пятнадцать минут назад с Таней всё получилось. Закончил ей в рот, ярко и красочно, представляя Алису.

Вхожу в небольшое здание, офис "Алого паруса". Меня уже ждут.

Конечно, я озолочу эту компанию своим проектом. Детский центр. Первое, что на ум пришло. Мог бы построить стриптиз клуб, тоже весьма популярное место. Но Алиса бы не оценила.

А мне важно, чтобы она думала, будто я изменился.

— Добрый день, — стараюсь выдержать сдержанную улыбку, протягивая руку сероглазому мужчине.

Это он. Захаров Евгений Андреевич. Благоверный моей Алисы. Отец её ребёнка.

— Здравствуйте, Дмитрий Борисович, проходите, — приглашает меня за стол переговоров.

Нам предстоит первичное обсуждение архитектурных деталей, которые я вовсе не обдумывал. Потому что мне плевать, как будет выглядеть здание. Я здесь для других целей.

Пока Захаров красочно описывает мне свои наработки, я внимательно слежу за каждым его движением. Станный он. Нервный? Нет, говорит уверенно. Тут что-то другое, скрытое от глаз.

Не понимаю, чем он так Алису зацепил? Заурядной внешностью? Способность зарабатывать хоть какие-то бабки? Или она бросилась в объятия первого встречного раны залечивать, а потом просто не смогла уйти?

Если так, то увести её будет проще, чем я себе представляю. Пусть побрыкается. Так даже интереснее. Триумф после взятия неприступной Зиминной будет грандиознее, эпичнее.

Вглядываюсь в черты лица Евгения Андреевича. Девчушка Алискина вовсе на него не похожа. Прищуриваюсь, продолжая искать сходства, но не нахожу.

А может..? Может... Ребёнок не от мужа, а от... меня?

Закашливаюсь.

— Воды? — Захаров тормозит пламенное представление будущего здания.

Киваю.

Словно по взмаху волшебной палочки открывается дверь, и в переговорную wpłyвает девушка в сером брючном костюме. Невзрачная, как мышь. Потерялась в этой серой массе, будто специально так одевается.

Для чего? По лицу скользит ухмылка.

Девушка ставит передо мной стеклянный стакан с водой и удаляется. Также бесшумно, как и появилась.

— У вас в офисе какой-то особый дресс-код? — вскидываю бровь.

— Да. Только строгая одежда. Без вычурности, без пафоса, — отзывается собеседник.

— Без изюминки, без сексуального подтекста, — продолжаю за него.

— Чтобы ничего не отвлекало от работы, — Захаров согласно кивает.

Падкий на женщин? Боится, что изменит Алисе? Проверим его на прочность. Обязательно проверим.

После недолгих переговоров, останавливаемся на самом простом варианте. Детскому центру ни к чему излишняя помпезность и шик.

...

Вода в ванной уже остыла, а я упорно продолжаю в ней сидеть не обращая внимание на то, как по телу бегают мурашки.

Поджимаю колени и обнимаю их руками. Меня шатает от собственных мыслей и чувств.

Молю только об одном. Лишь бы Женя никогда не узнал, что я виделась с бывшим. Запрыгнуть в тачку к Стрельцову на глазах у соседских бабушек — сплетниц было слишком опрометчивым решением. Уже представляю, как муж пройдёт мимо лавочки, на которой расселись старухи, будто вороны на проводах, и те ехидно улыбнутся, подкинув фразу: "Алиса то твоя с каким-то мужиком на иномарке разъезжает".

Запускаю пальцы в мокрые волосы и сильно сжимаю. До боли. Хочу отогнать дурное предчувствие, но оно лишь усиливается. Совесть колет меня острыми иглами.

Дура!

Стучу кулаками по воде, и брызги разлетаются в стороны.

Какая же я идиотка! Ненавижу саму себя за свою слабость! На что я повелась? На что понадеялась? Думала, Стрельцов со мной хочет обсудить балет "Щелкунчик" или оперу "Порги и Бесс"? Не тут то было!

Бывший появился с конкретной целью — испоганить мою жизнь, вывернуть наизнанку душу, разрушить тот мирок, который мы с Женей трепетно выстроили за эти пять лет.

Дима не остановится.

Если он чего-то хочет, то обязательно этого добьётся.

Особенно теперь он точно не свернёт с намеченного пути. Я же сама поддаюсь.

Волю в кулак. Чувства на замок. Сердце под семь печатей. Чтобы не достал, чтобы не потревожил, чтобы не разбередил прошлое.

Больше я не дам повода вторгаться в моё пространство и разрушать моё настоящее счастье.

Собираюсь встретить Женю во все оружие. Красивое бельё, укладка, макияж. И игривое настроение, сделать которое помогает полбутылки белого сухого вина. Завтра голова будет болеть, когда поеду забирать Василиску от бабушки, зато сегодня расслаблюсь и получу удовольствие от секса.

И хоть на немного забуду о Диме.

Женя входит в квартиру, когда я лежу на постели в спальне.

— Быстро в душ и ко мне! — командую не вставая.

Прислушиваюсь. Муж расстёгивает молнию куртки, разувается, скрывается в ванной комнате.

Когда появляется на пороге нашей спальни, я как раз собираюсь включить расслабляющую музыку.

— Я приготовила ужин, — улыбаюсь, осматривая мускулистое тело мужчины.

Полотенце на его бёдрах так соблазнительно завязано, что хочется упасть перед ним на колени и...

— Я очень голоден, — Женя прерывает поток моих мыслей, скидывая полотенце.

Я шумно выдыхаю, позабыв и о музыке, и об ужине.

Подхожу к мужу, пристально смотрю в его красивые серебристые глаза, гипнотизирую. Осторожно провожу ладонью по плечу, обнаружив на нём капли воды. Не вытер после душа. Касаюсь кончиком языка его шеи, вдыхая запах родного мужчины.

Вот где чистый кайф и желание жить!

Слизываю капли воды, кусаю за мочку уха. Реакция не заставляет себя ждать. Женя с хриплым стоном поджимает губы, горячие ладони ложатся на мои ягодицы, сжимает пальцы, притягивая меня к себе. Чувствую твердость мужского достоинства собственным телом и схожу с ума.

Резким движением спускаюсь на корточки, облизываю головку члена с жадностью, играю, дразню.

— Алиса, не затягивай. Я же голодный, помнишь? — его глаза темнеют, покрываясь поволокой похоти.

— Помню, — прекрасно понимаю, о каком голоде идёт речь.

Медленно веду губами по стволу, до самого основания, вырывая из глубины бархатистый стон.

— Лисёнок, не медли!

Разжимаю губы и ласкаю языком. Снизу вверх. Даже не думаю подчиняться. Сегодня играем по моим правилам. Хочу нежности, ласки, азарта.

— Алиса! — Женя сильно сжимает пальцами дверной косяк.

Усмехаюсь и продолжаю издеваться. Долго. Мучительно. До тех пор, пока муж не взрывается от желания. Подхватывает меня и одним движением сажает на себя, прижимает спиной к стене, ухватив под бёдра. Скрещиваю ноги на его торсе, чтобы не упасть.

— Ну, держись! — угрожает, медленно заполняя моё пространство собой.

Мне никогда не приходилось притворяться. Женя постарался, чтобы изучить меня, и теперь точно знает, как мне нравится, как сделать мне очень приятно. И я уже готова.

Но муж надо мной издевается. Мстит. Толкает бёдра, замирает, смотря мне в глаза.

— Ещё! — жалобно скулю, закрыв глаза.

Женя повторяет движение один раз, другой, третий, задевая сокровенную точку внутри, и снова застывает с выжидающим выражением лица.

— Ну же! Ещё! — задыхаюсь от собственного возбуждения, ёрзаю на его члене.

Начинает медленно, ускоряется. Прижимается ближе, ловит губами мои стоны, глотает их, тяжело дышит, опалая лицо жаром. Я близко, удовольствие уже подкатывает волной, стягивая низ живота узлом.

На секунду открываю глаза, готовая забиться в экстазе. Передо мной мелькает тёмный взгляд карих глаз и довольная улыбка другого мужчины.

Чужого.

Не моего.

Я громко вскрикиваю и стучу кулаками в широкую грудь.

— Тебе больно? — Женя останавливается, испугавшись моей неадекватной реакции.

Тяжело дышу, опустившись ногами на твердую поверхность. Колени предательски дрожат.

— Женя! Родной мой! — обхватываю мужа, сильно прижавшись всем телом.

Привидеться же такое! Рожа бывшего во время бурного секса — это просто предел! Конец света!

Из глаз брызгают слёзы, обжигают. Хаотично целую Женю в грудь.

— Лисёнок, что случилось? Я сделал тебе больно?

— Нет, — отрываюсь от него, вытираю слёзы. — Прости.

Сбегаю в ванную, закрыв за собой дверь на замок.

— Ну что, Танечка, сегодня мы купим тебе парик и цветные линзы.

— Это ещё зачем? — девушка морщится, глядя мне в глаза.

— В новом образе ты поедешь вместе со мной в офис, чтобы покорить сердце Захарова Евгения Андреевича.

— Что? — даже зрачки расширяются. — Дима, ты совсем с ума сошёл? Я приехала с тобой сюда не для этого!

— А для чего же? М? Лёгких денег заработать своей "кормилицей"?

— Я не буду в этом участвовать! — взвизгивает, но тут же оказывается прижата к стене.

Хватаю Таню под бёдра, заставляя обнять ногами мой торс.

— Дима, я не хочу соблазнять женатого мужчину, — с надрывом пищит, пытаюсь поставить ступни на пол.

Уверенно кладу широкую ладонь ей на горло, нажимаю, перекрывая воздух.

— Пусти, — хрипит. — Пожалуйста.

Нажимаю сильнее.

Я бы всё отдал, чтобы на её месте сейчас была Алиса. И я уверен, что скоро так и будет. Зимина сама приползёт ко мне, когда узнает, что её муж подонок и изменщик. Осталось только Тане хорошо сыграть свою роль и соблазнить Захарова.

Эскортница закрывает глаза, жадно хватая губами воздух. Отпускаю ладонь, и Таня закашливается.

— Ты маньяк! — бьёт меня по плечу. — И как только меня угораздило связаться с тобой!

— Знаешь, солнышко, — хватаю её грудь и сильно сжимаю. — У тебя нет выбора. Тебе же нужны деньги.

Таня тяжело вздыхает и закрывает глаза.

— Нужны, — выговаривает шёпотом.

— Значит, ты сделаешь всё, что потребуется.

Уже через полтора часа рыжеволосая Таня, которая так сильно похожа на мою Алису, превращается в красивую брюнетку с тёмными карими глазами. Смотрит на себя в зеркало, поправляя искусственные волосы парика.

— Не нравится мне всё это, — снова заводит свою шарманку.

— Тань, ну сколько можно, а? Заебала, честно! — звонко шлёпаю её по заднице.

Хороша в своём новом образе. Даже жаль, что мы уже опаздываем, а то бы я попробовал испытать удовольствие с ней такой.

— Мне не идёт всё это, — вздыхает.

Красное платье сидит на ней, как вторая кожа. Уверен, что Захаров оценит. Я же оценил!

— Стрельцова Татьяна Борисовна. Запомнила? Моя сестра. Учишься на архитектурном...

— Ещё сто раз повтори! — огрызается. — Поехали уже.

В офисе сегодня тихо. Как будто все вымерли. В приёмной нас встречает безликая девушка в сером костюме:

— Доброе утро! Евгений Андреевич вас ждёт.

Вхожу первым. Здравомоемся.

— Познакомьтесь, это Танечка, моя сестра, — представляю ослепительную девушку, вошедшую следом.

Эскортница кокетливо моргает, растягивая губы в доброжелательной улыбке.

— Мне рассказали, что вы лучший архитектор в этом городе, Евгений Андреевич! — с придыханием, взволнованно.

— Кто же вам это сказал? — Захаров сияет.

"Ну же, Женечка, фас!" — проносится в моих мыслях.

— Мой брат сказал. Я как раз тоже учусь на архитектора, хотелось бы послушать вас, что-то новое для себя узнать.

Таня великолепная актриса. Туповата немного, но внешность выручает. Главное, чтобы ничего лишнего не взболтнула и хорошо отыграла свою роль.

— Если нужно, я готов вам заплатить. Тане будет полезен ваш опыт, — учтиво улыбаюсь.

— Нет, что вы! Я готов поделиться знаниями с такой очаровательной девушкой, — Захаров скользит липким взглядом по Танькиной фигурке.

Процесс запущен.

...

Телефон разрывается где-то на кухне, и я оставляю занятия с дочкой.

— Привет, Юль! — отвечаю на звонок сестры.

— Алиса, ты почему не звонишь? — обиженно. — Я за тебя переживаю!

— Да а что звонить лишний раз, ты же постоянно на работе.

— Ну уж не постоянно! — недовольно бурчит Юля. — Как у вас с Женей дела?

— Всё хорошо, — закрываю глаза, сдерживая тяжёлый вздох.

Вчера нам с мужем не удалось поговорить, и то, что произошло во время секса — так и осталось в моменте. Признаться, что нечаянно увидела другого мужчину, тем более моего бывшего, сволочь и гада, я бы не смогла даже под угрозой быть расстрелянной. Это же ещё умудриться надо! А придумать что-то я не успела. Моя реакция — исключительная. Нужно было сразу соврать, что больно, и дело с концом! Но нет же, поддаюсь эмоциям, разрыдалась, как полоумная. Я пытаюсь оправдать себя тем, что просто растерялась... но не выходит. И стыдно, и неловко. От одного воспоминания кончики ушей краснеют, и щёки пожаром горят.

Стрельцов, словно беспощадное цунами, снова накрыл меня своей волной, заняв все мысли. И как бы я не выгоняла его из своей головы, он там застрял. Крепко врос в моё больное сознание. Корни пустил.

— Кого ты обманываешь? Я же чувствую, что что-то не так! — голос Юли режет по сердцу острым лезвием.

— Правда, всё хорошо! — отмахиваюсь.

— Алис, у меня отпуск через неделю. Вот думаю, может мне к вам приехать? Я по Василиске соскучилась, сколько уже её не видела. Она меня, наверно, уже забыла.

— Не забыла. Мы видео с тобой часто смотрим, я ей про тебя рассказываю.

— Ой, здорово как! Так ты не против, чтобы я приехала?

— Приезжай, мы только рады!

— Женю предупреди, чтобы сюрприза не получилось!

Теперь главное дождаться сестру и не сойти с ума от собственных мыслей, которые

меня изрядно шатают из стороны в сторону.

Юля придет, и мне будет с кем поговорить, с кем поделиться переживаниями, тревогой, мыслями и чувствами. Юля должна меня понять. Она мудрая женщина, обязательно даст совет как позабыть Стрельцова. Ну или хорошую затрещину по голове влепит, тоже очень действенный метод.

— Мамуль, а мы гулять пойдём? — Вася садится за кухонный стол и требовательно впивается в меня взглядом.

— Хочешь погулять?

— Ну конечно, — выдаёт слишком серьёзно для её возраста. — Стланные воплосы задаёшь! — копирует интонацию Анастасии Сергеевны.

Я улыбаюсь.

На улице свежий ветерок дарит чувство свободы, и пока Василиска носится по детской площадке в компании мальчишек, я мечтаю о том, как здорово всё таки будет сделать второго ребёнка. Сидела бы сейчас, коляску качала. Голова была бы занята мыслями о малыше, а не о бывшем недоделанном женихе, разбившем мне когда-то сердце на мелкие осколки.

И почему меня так по нему кроет? Что за подстава такая?

— Здравствуйте, — ко мне на скамейку подсаживается незнакомая девушка.

Кошусь на неё с недоумением.

— Я Аля, живу с вами в одном подъезде. Ваша девочка с моим Мирошкой подружилась, и он очень хочет в гости к вам, — незнакомка приветливо улыбается.

— Алиса, — протягиваю ей ладонь для дружеского рукопожатия.

— А ваша дочка в садик ходит?

— Нет, я домохозяйка. Занимаюсь её воспитанием сама.

— А мы вот недавно переехали, никого не знаем, совета спросить не у кого. Тяжело в новом городе, — пожимает плечами.

— Понимаю вас, — многозначительно вздыхаю, предаваясь воспоминаниям. — Мы с мужем тоже переехали сюда из мегаполиса.

Тяжело было первое время. Я беременная, город не знаю. Женя упорно искал работу, денег едва хватало. Тяжёлое было время. Настоящее испытание для наших чувств. И мы его успешно прошли. Неужели сейчас я позволю бывшему сломать моё счастье?

Наблюдаем за детьми, мило беседуя. Аля оказывается очень приятная, прикольная. Много болтает, много хохочет, слушает внимательно. Замужем, тоже планируют второго малыша.

Думаю, подружатся не только наши дети.

С самого утра тружусь, как пчёлка. Готовлю стол к приезду сестры. Василиска крутится рядом, пробует продукты для салата, уже успела откусить огурец и съесть крабовую палочку.

— Будешь мне помогать? — сажаю её за стол, глажу по рыжим кудряшкам.

— Буду! — уверенно отвечает дочь.

— Давай, сначала нужно высыпать кукурузу в кастрюлю, вот так, — помогаю Василисе своей рукой.

— Ма, а тётя Юля подалки пливезёт?

— Конечно, — отзываюсь с хитрой ухмылкой.

Мы с Юлей договорились, что она купит племяннице детский мольберт и новые краски.

— А какие? — настойчиво интересуется Василиска.

— А это сюрприз.

— Сюлплиз? — с недоумением. — А бабушка говолит, что не любит сюлплизы.

— Поверь, такой сюрприз понравился бы даже бабушке!

— Ну ладно.

— Теперь нужно порезать крабовую палочку. Справишься?

— Поплобую.

Стою рядом и слежу за каждым движением маленьких ручек. Василиса очень самостоятельная и смышлёная, я стараюсь не баловать её, учить самообслуживанию. Видела бы Анастасия Сергеевна, как уверенно Василиска обращается с ножом, пришла бы в ужас! Как так, ребёнку всего четыре года, а я уже такое ей разрешаю! Кошмар! Что за мать!

Наслушалась, когда дочка в декабре помогала мне готовить стол к новому году. Ух, шуму то было!

К двенадцати часам мы с Василисой управляемся с едой и идём на прогулку. Тут же встречаем Алю вместе с её сынишкой Мироном.

— Милон, пливет! — Василиска тут же вовлекается в игру, позабыв обо всём на свете.

Сладкий у неё возраст. Самый прекрасный.

— Как дела? — Аля лучезарно улыбается.

— Да потихоньку, сегодня моя сестра приезжает, — осведомляю собеседницу.

— Как здорово! Слушай, а может нам в честь этого устроить вечеринку? — в глазах Али проносятся искры. — Я в этом городе ничего не знаю, а так хочется праздника! Хоть в караоке бы сходить или в бар.

— В бар? — кажется, будто я ослышалась.

— Ну да, а что такого? Развеемся!

— Думаю, моя сестра этого не оценит, — поджимаю плечами. — А вот в караоке можно. Юлька петь любит.

— Прекрасно! Значит, созвонимся вечером.

— Хорошо!

Я уже давно никуда не хожу без Жени. Да и подруг у меня в этом городе нет, пойти не с кем. В студенческие годы мы с одногруппниками часто бывали и в ночных клубах, и в ресторанах. А сейчас... наверно, переросла я то беззаботное время. Да и как то не тянет на приключения больше, хочется сидеть на попе ровно в своём собственном мирке.

Хотя, развеяться мне не помешает. Остыну. Перестану на Женю обижаться, что весь с

головой погрузился в свою работу. Новый проект — это замечательно, я очень рада, что карьера мужа стремительно поднимается ввысь, но, кажется, последнюю неделю он совершенно забыл, что у меня есть потребности в его ласках и любви.

Я всё понимаю.

Архитектор — это ответственность.

Стараюсь не нервничать и не устраивать скандалов, но сердце предательски ёкает каждый раз, когда в ответ на мои поцелуи Женя говорит едкое "Лисёнок, я устал".

Юля приезжает в середине дня, мы долго обнимаемся в коридоре и обсуждаем сразу всё на свете. Василиса уже успела распечатать свои подарки и с увлечением рисует в детской. А мы на кухне пьём чай.

— Так что со Стрельцовым твоим? Больше не объявлялся? — Юля колит меня льдыстым взглядом, и я едва заметно напрягаюсь.

— Дима сотрудничает с моим мужем, — устало закрываю глаза и тру виски.

— Вот тебе и прикол! Женя знает, что Дима тот самый твой бывший?

— Конечно нет! И я надеюсь, что никогда не узнает!

— Ну а ты? — сестра делает паузу, многозначительно изгибает бровь. — Ты больше не виделась с ним после того, как он вытащил Василиску из воды?

Тяжело вздыхаю и отвожу взгляд.

— Нет, — растерянно.

— Обмануть меня хочешь? Алиса, я тебе воспитывала столько лет после того, как мама с папой погибли. Я тебя насквозь вижу, не забывай!

Прикусываю губу, больно. Сильно сжимаю пальцы рук, до хруста.

— Мы виделись один раз, — выдавливаю из себя с неохотой, будто признаюсь в чём-то отвратительном и позорном.

— Что он хотел?

— Меня, — усмехаюсь с нервозностью.

— Тебя? — сердито переспрашивает Юля.

— Да. Он пытался приставать, но я дала отпор. На этом всё. Больше он не лезет в мою жизнь.

— Сомневаюсь, что он успокоится. Дима твой явно страдает шизой, он от тебя не отстанет. Не просто так он начал сотрудничество с Женей.

— Не говори ерунды! Это совпадение. Дима не знал, что Женя мой муж.

— Наивная моя Алисонька, — с трепетом и теплотой произносит Юля.

— Я уже давно не наивная. Я уверена, что их сотрудничество — чистой воды совпадение!

— Ну-ну, — с издёвкой. — Дай бог, чтобы это на самом деле было так.

Я замираю, стеклянными глазами уставившись в стену.

— Ну что ещё? — усмехается сестра.

— Я не могу выкинуть Стрельцова из головы с тех самых пор, как мы пересеклись.

— Вернуть его хочешь? — Юля испуганно таращит глаза.

Я молчу. Стыдливо опускаю взгляд и молчу. Потому что сама не могу ответить на этот вопрос. Я знаю, что счастлива с мужем, знаю, что мне нравится заботиться о нём, делать для него разные приятные мелочи, проводить с ним время. Я скучаю по нему, когда его долго нет. А когда Женя улыбается или крепко сжимает мою руку, мне становится спокойно и тепло. Если это не любовь, то что?

Конечно, я люблю свою семью, и без Жени не представляю себя.

Но почему тогда мне так хочется ещё разок увидеть Диму?

— Алиса, — сестра накрывает мою руку своей ладонью и осторожно сжимает, заставляя заглянуть ей в глаза. — Если не можешь себя пересилить, вернись к Стрельцову.

— Что? — я ошарашенно распахиваю рот.

— Вернись, — с иронией продолжает Юля. — Мало тебе дерьма было? Хлебни ещё раз! А потом ещё. И ещё. Пока оно из ушей твоих не потечёт.

— Юль, я...

— Что ты? М? Что? — пальцы родственницы сжимаются сильнее, причиняя моей коже дискомфорт.

— Я не хочу к нему возвращаться!

— Уверена?

Сглатываю ком в горле, перекрывающий кислород:

— Уверена!

— Славно, — Юля отпускает мою руку и улыбается.

— Моя соседка Аля зовёт нас сегодня в караоке, — перевожу тему. — Ты же любишь петь! Если не сильно устала с дороги, то мы можем сходить и развлечься.

— Заманчиво.

...

Секс с Таней вновь не принёс должных эмоций, хотя драл я её знатно, по традиции представляя Алису. Она нужна мне, как воздух. После нашей последней встречи я чувствовал, как адреналин бушует в венах, остро и необузданно разрывался, заполняя Танин рот белой жидкостью. А сейчас... вновь ничего.

Даже простая встреча с Алисой возвращает мне яркое наслаждение.

Что же будет, когда я наконец-то смогу войти в неё!?

— Почему ты такой? — едва слышно шепчет девушка, выныривая из постели.

— Какой?

— Грубый! Неужели нельзя быть хоть немного понежнее? — складывает руки под грудью и надувает губы.

— Тань, всё. Иди, — взмахиваю рукой в сторону двери. — Хотя постой.

— Чего ещё? — обиженно хлопает ресницами.

— Как дела с соблазнением Захарова? Я что-то не вижу результатов.

— А ты думал, так просто очаровать женатого? — мажет по мне недобрый взглядом и отворачивается. — Хотя о чём это я? Ты сделал Алисе предложение, а потом трахался с другой!

— И что? — изгибаю бровь.

— И то, Дима. И то! Нормальные люди так не поступают. Если бы ты ей не изменял, сейчас бы не было всей этой клоунады с соблазнением Захарова.

— Так ты даже с этим справиться не можешь!

— Мне нужно время. Прошла всего неделя.

— Прошла УЖЕ неделя! — укоризненно поправляю её слова.

— Евгений Андреевич любит жену и дочку. Я не могу просто раздвинуть перед ним ноги, понимаешь?

— Именно это ты и должна сделать.

— Да не станет он изменять Алисе, как до тебя не доходит?

— Тань, иди. Иначе я опять разозлюсь и нагну тебя прямо у окна.

Эскортница кривится и выходит из комнаты.

Захаров оказался крепче, чем я ожидал. Сам видел, как Таня прогибает спину, ставит локти на стол и заглядывает с томным волнением в его глаза. Другой бы уже раскололся, но этот святоша держится. Даже ни намёка на то, что Таня его сексуально привлекает. Может, он импотент?

Эскортница кокетливо смеётся с его шуток, игриво наматывает на палец тёмную прядь парика, говорит низким эротичным голосом, но это его не берёт.

Раз Захаров не сдаётся, пора придумывать план Б.

— Дим, тебе кофе заварить? — Таня заглядывает в комнату, и над моей головой будто лампочка загорается.

Эта шлюшка ведь почти копия Алисы! И раз Захаров не соблазняется, значит нужно подставить его жену, предоставив Евгению Андреевичу компромат об измене.

— Ты куда? — Таня озадаченно моргает, застав меня одетого в коридоре.

— Не могу я больше сидеть на месте. Мне нужно её увидеть.

— Кого? Алису?

— Тань, — шумно вздыхаю. — Делай свою работу. Напиши Захарову ласковое сообщение, предложи ему провести вечер вместе.

— А толку то! Суббота, он с работы сразу к семье своей поедет, — отмахивается.

Хлопаю дверь.

Завожу мотор и срываю машину с места. Наверно, эскортница права. Я — одержимый маньяк. Я не должен разрушать семью.

Но меня бесит, что Алиса счастлива без меня. Да, я виноват во всём сам, но я всё исправлю. Я верну её любой ценой.

Торможу у подъезда Алисы. Вечереет. Воздух становится более прохладным, и я открываю окно, вдыхая полной грудью. Моментально всплывают флешбэки.

Помню, как впервые увидел её...

... В квартире шумно. Музыка орёт так, что уши закладывает и окна дребезжат. Отмечают успешную защиту дипломов. Студенты меда умеют отрывать по полной.

— О, Димка! Пришёл! — Светка с бутылкой в руках и пьяными блестящими глазами встречает меня на пороге.

— Я вам тут покрепче принёс, — улыбаюсь, окинув сестру взглядом.

— Водку? — глаза её радостно расширяются.

— Водку. И закуску. Мать узнает, что ты в квартире тусовку устроила и выпорот тебя, — усмехаюсь.

— И тебя заодно! — Света подмигивает. — Отнеси пакет на кухню.

Послушно исполняю. Вхожу в просторную кухню и замираю. Рыжеволосая девушка сидит на подоконнике перед открытым настежь окном, в её пальцах тонкая тлеющая сигарета. Не замечает меня, пялится на огни вечернего города. Внимательным взглядом скольжу по фигуре, обтянутой красной кофтой и светлыми джинсами. Худая. Даже слишком. Взгляду не за что зацепиться. Раньше я не видел её среди Светкиных подруг. Скорее всего незнакомка — тихоня, которая редко посещает шумные вечеринки, а сегодня решила хорошенько погулять в честь защиты диплома. Девушка подносит сигарету к губам и жадно затягивается, стряхивает пепел в банку от кофе, по лицу скользит загадочная улыбка.

А я как извращенец продолжаю залипать на её губах. Красивые, сочные, выкрашенные размазанной помадой в цвет кофточки. В штанах становится тесно от мысли, что она может вытворять этими губами.

Незнакомка тушит сигарету и оборачивается, театрально прикладывает ладонь к сердцу и улыбается:

— Вы меня напугали!

— Прости, — оживаю. Убираю водку в холодильник под пристальным взглядом рыжеволосой. — Я старший брат Светы — Дима.

Красотка недоверчиво морщит носик:

— Алиса.

Красивое имя. Ей подходит. Хорошенькая она, симпатичная, даже необычная. Рыжие волосы и зелёные глаза навевают мысль о чём-то магическом. Родись она в семнадцатом веке, её первую сожгли бы на костре.

— Почему не веселишься со всеми? — задаю первый вопрос, пришедший в голову.

— Устала, — дёргает плечами и прикусывает губу.

Чёрт! От этого её жеста кровь моментально отливает от мозга в причинное место. Стояк упирается в молнию на джинсах, причиняя неудобство. Хорошая она такая, смотрит невинным взглядом. Ну ангел во плоти, по-другому и не скажешь.

— Может, отвезти тебя домой? — вскидываю бровь.

— Нет, домой я пока не хочу, — девочка заправляет за ухо прядь, и у меня крышу срывает.

Да, я часто хочу Светкиных подруг. Но чтобы вот так, до боли в паху, до озноба под кожей — впервые. Алиса действительно имеет какую-то ведьмовскую силу.

— Дим, вот ты где! — Света хватается меня за руку. — Слушай, а может ты нас в клуб отвезёшь?

— Всех?

Сестра собрала большую часть одноклассников, около двадцати человек. Даже нарушив все правила, столько в мою машину не влезет.

— Нет, не всех. Меня, Катю и Дашу. Алис, а ты поедешь?

Рыжеволосая смотрит мне в глаза гипнотизируя, околдовывая. Девчонка явно напрашивается. Если она согласится поехать в клуб, то я сегодня же затащу её в койку, не оставив шанса на отказ.

— Соглашайся, будет весело! — сестра будто хочет помочь моим желаниям стать явью.

— Ну ладно, — Алиса несмело растягивает рот в улыбке.

— Супер, тогда через час выезжаем.

Час. У меня есть целый час, чтобы узнать рыжеволосую поближе. А дальше клуб, танцы, алкоголь, беспамятство... и утром она проснётся в одной постели со мной.

Как только Света исчезает в гостиной, откуда доносятся пьяные голоса подпевающие песням, я предлагаю Алисе выпить водки. На удивление, девчонка соглашается сразу. Пока пьём, устраиваю допрос. С кем живёт, где, сколько лет, почему пошла учиться в медицинский.

Весь час я чувствую, как приятно от неё пахнет и не могу перестать представлять, какой вкус имеют её губы. Должно быть, они сладкие. Как сахар. Ну или мёд. Наблюдаю за её реакциями и прихожу в восторг от того, как краснеют её щёки от смущения при каждом моём комплименте. За час на кухню входило много народу, то покурить, то за закуской, но я их почти не замечал, очарованный красивой юной девчонкой.

— Ну что? Едем? — Света показывается в дверном проёме, кинув на Алису не добрый взгляд.

Сестра обычно предупреждает всех своих подруг о том, что я бабник и со мной можно провести только одну ночь. Всего одну. И ничего больше.

Отвожу Светку в сторону и прижимаю к стене.

— Ты чего? — пытается вырваться.

— Свет, Алисе не слова о том, какой я плохой, ок?

— Что? — смеётся мне в лицо. — Дим, не трогал бы ты её. Она такая хорошая, правильная. Не удивлюсь, если до сих пор целка.

— Целка? — удивлённо моргаю. — Теперь я хочу её ещё больше.

— Какой же ты... — шипит Света, но фразу не заканчивает.

Какой же я..?

Богатый. Успешный. Уверенный в себе. Поэтому девчонки и пицчат от меня. Сколько Светкиных подруг сами на меня запрыгивали, уже не сосчитать. А тут Алиса со своими наивными глазами и застенчивым румянцем на щеках, разрывающая меня в клочья. Я хочу её, а если я что-то хочу, то я это получаю.

— Дим, оставь эту девочку в покое. Она рано родителей лишилась, сиротка. Вон Дашка не против с тобой переспать, займись лучше ей!

— Я и без тебя знаю, кем мне лучше заняться. Если скажешь Алисе что-нибудь плохое про меня, я пожалуюсь родителям, что ты дом в блатхату превратила.

— Сдалась она тебе! — фыркает.

— Всё, Свет! Давай-ка собирай своих...

Вырвавшись из воспоминаний, устало вздыхаю и тру переносицу. Эти дикая похоть с первого взгляда медленно переросла в какие-то особые чувства, и я захотел сделать Алису своей навсегда.

Но спустя год облажался, попался на измене.

— Молодой человек, — дверь моей машины распахивается, и на меня смотрит размазёванная симпатичная женщина.

— Аля, это не такси, — знакомый голос врывается в слух, и я с интересом наклоняю голову.

Алиса стоит в десяти шагах от моей машины. Окидываю её взглядом с ног до головы. Нарядилась. Босоножки на высоком каблуке, короткое платье в обlipку, открывающее шикарный вид на длинные ножки, глубокий вырез декольте и красные губы. Пару секунд залипаю на них, вспоминая как вырвал первый поцелуй. Сладкий.

Хватает одного взгляда, чтобы кровь снова закипела в венах.

Только вышли из подъезда, и тут же сюрприз. Машина Стрельцова. Я замерла всего на мгновение, не успев затормозить соседку Алю, с размаху распахнувшую дверцу ауди.

— Аля, это не такси, — выщеживаю, стараясь прервать поток обволакивающей липкой паники.

Смотрю в глаза бывшего и моментально покрываюсь мурашками. Выразительный тёмный взгляд с игривым блеском и его коронная однобокая ухмылка запускают особый химический процесс в теле, прошибая адреналином.

— Перестань смотреть! — шикает Юля, берёт меня за руку и одёргивает.

Отворачиваюсь и прикусываю язык, чувствую солоноватый вкус крови. И голова кружится.

— Аля, отойди от машины, — продолжает командовать Юля, а я цепенею.

Вновь бросаю кроткий взгляд из-под ресниц на Стрельцова. Что он тут забыл? Зачем опять приехал? Караулит меня?

Сестра обхватывает пальцами моё предплечье и встряхивает. Едва ли это мне сейчас поможет.

— Ну садитесь, красавицы. Я вас подвезу, — Дима хитро прищуривает глаза.

— Поехали, девчонки! — весело щебечет Аля и заныривает в салон ауди. — Чего застыли то?

Головокружение набирает силу, а ноги становятся ватными.

— Что он тут забыл? — со злостью шипит Юля, впившись пальцами в моё плечо.

— Я не знаю, — растерянно плакаю в ответ и часто моргаю.

Смотрю в глаза сестры с явной мольбой о помощи.

— Мы с ним не поедem! — шикает мне на ухо, притянув к себе.

А я и не хочу с ним ехать.

Сейчас у меня только одно желание — отмотать время на шесть лет назад и не познакомиться с Димой никогда. Если бы я только знала, что всё будет так сложно и запутанно, если бы кто-то предупредил меня, что он станет главным моим проклятием и причиной нескончаемой боли! Я бы никогда не ответила взаимностью на его симпатию, не позволила бы поцеловать меня в тот вечер!

— Эй, не успеем до одиннадцати и придётся платить за вход! — торопит Аля, тыкая пальцем по своим наручным часам.

— Выходи из машины, — голос Юли звучит как гром. — Мы с ним не поедem.

— Юль, а ты что такая злая? — Стрельцов усмехается.

— Вы знакомы? — ошарашенная Аля дёргает бровями, изучающе оглядывает Диму, потом переводит туманный взгляд на меня.

Шумно выдыхаю, закатив глаза. Стрельцов меня преследует, прохода не даёт. И самый сок — дома мой муж. Женя наверняка уже знает, что владелец этой чёртовой иномарки — Стрельцов, заказчик строительства детского центра. И Женя может лицезреть всю эту картину из окна. От одной мысли под кожей проносится холод. Как я потом объясню мужу, почему за нами вместо такси приехал новый партнёр "Алого паруса"?

— Садитесь, я вас отвезу куда вы там собрались, — Дима мажет взглядом по моей фигурке. — В таком виде.

До безумия хочется одёрнуть подол слишком короткого платья.

— Мы с тобой не поедem, — безапелляционно выдаёт Юля, подходит к машине и вытягивает Алю из салона. — Езжай туда, откуда приехал.

— Столько лет прошло, а ты всё такая же форменная стерва, — с вызовом бросает Дима.

— Я всё сказала, — сестра громко хлопает дверцей тачки и поворачивается ко мне.

Взгляд у неё недобрый, будто хочет испепелить меня. Я нервно качаю головой, стараясь собрать мысли в связную и образную речь по своей защите. Знаю, что сестра уже себе напридумывала, будто Дима тут не спроста появился.

— Юль, я...

— Даже слушать не хочу! — перебивает, не давая шанса оправдаться. — Тебя, видимо, жизнь ничему не учит!?

— Я уже сказала, что между мной и Димой ничего нет, я не собираюсь общаться с ним и уж тем более рушить свою семью из-за него!

— Тогда какого хера он тут забыл? — взмахивает руками.

— Я не знаю! — растерянно.

Господи, да что за подстава такая, а? Неужели Стрельцов так и будет появляться в моей жизни раз в неделю и терзать мою душу болезненной волной воспоминаний?

— Кто это был? — Аля с интересом провожает взглядом отъезжающую иномарку.

Придётся ещё и перед ней оправдываться! От стыда краснею до кончиков ушей. Соседка теперь подумает, будто я гулящая, а темноглазый красивый владелец ауди — мой любовник. От собственных мыслей тошно становится и выть хочется.

— Это Алискин бывший собственной персоной, — Юля взрывается от ярости. — Всё, пошли домой! Никаких караоке!

— Да ладно тебе, Юль! Подумаешь, бывший. Он может кого другого подждал, а не Алису, — Аля растерянно улыбается.

— Я никуда не поеду, — упрямится сестра. — И ты тоже, — одаривает меня презрительным взглядом.

— Алис, ты же меня не бросишь? — соседка с надеждой берёт меня за руку.

Возвращаться домой в таком потерянном состоянии и на ватных ногах я не хочу. Придётся объяснять Жене, что случилось. Между нами и так в последнее время очень много недопонимания. Я ещё не объяснилась за ту ситуацию, когда сбежала в ванную комнату во время секса, оставив мужа наедине с недоумением, а теперь ещё и ввалюсь в квартиру с пылающими щеками и разорванным сердцем.

Наше такси медленно подъезжает к подъезду.

— Юль, пожалуйста, давай поедem в караоке. Я не могу сейчас пойти домой, я... — закрываю глаза, боясь продолжать собственную фразу.

Юля не так поймёт. Расценит не верно.

— В шоке от встречи с бывшим? — продолжает за меня Аля, вопросительно приподняв бровь.

— В шоке не то слово! — оживляюсь.

— Да уж! Наверно у всех есть такой бывший мудака, который как заноза в заднице! — Аля задорно хихикает.

— Ладно, — Юля вздыхает. — Поехали.

В такси Аля начинает предаваться воспоминаниям и рассказывает о своей первой

школьной любви, красочно и живописно, эмоционально размахивая руками и смеясь. А я сижу и молчу. Кошусь на мрачную сестру, и сердце кровью обливается. Неизвестно, что она себе напридумывала и какие выводы сделала.

В караоке успеваем проскочить бесплатно, сразу заказываем себе пиво и сырную тарелку на закуску. Аля продолжает болтать, пока мы с Юлей метаем друг в друга искромётные взгляды.

— Пора песни заказывать! Юль, Алиса сказала, что ты хорошо поёшь! — беззаботная Аля, кажется, не замечает повисшего напряжения и не отдаёт отчёт о возникшей ситуации.

— Да, петь я люблю, — ядовито выдаёт сестра, не отрывая от меня взгляда.

— Так пойдём закажем что-нибудь классное! Мы же не просто так сюда приехали!

Аля вытягивает Юлю из-за стола. Я тоже встаю. Хочу посмотреть на себя в зеркало, скорее всего щёки всё ещё красные.

Иду в уборную на непослушных ногах, прихватив с собой сумочку на всякий случай.

Заворачиваю за угол, скрываясь от глаз, и тут же застываю.

— Вот ты и попалась, рыбка!

Пульс предательски учащается и оглушающе грохочет в ушах, когда врезаюсь в грузное тело мужчины.

— Ты шпионишь за мной? — упираюсь ладонями в широкую грудь, стараясь отстраниться.

— А что, если да? — его горячие руки на моей талии способны прожечь дыру не только в моём лёгком платье, но и спалить кожу. Уже чувствую запах жареного.

— Дим, отпусти! — настойчиво требую, заглядывая в тёмные глаза.

Мой милый предатель. Мой самый худший кошмар. Моя ахиллесова пята.

— А ты попробуй вырваться, — нагло усмехается, сильнее притянув меня к себе.

— Я сейчас буду кричать!

— Ты же знаешь, мне нравится, когда ты кричишь, — бархатистый голос прямо на ухо парализует, и я на мгновение теряюсь.

— Стрельцов! — с ненавистью. — Я не твоя игрушка!

— Ошибаешься, Зимица. Ты моя. Только моя, — сладко протягивает последний звук, опьяняя и подхлёстывая моё больное сознание.

— Я Захарова! — огрызаюсь из последних сил.

— Куколка, мне похер на кольцо у тебя на пальце, — выдаёт слишком пафосно, и меня воротит.

Дверь в уборную распаивается, и Дима, не теряя ни секунды, заталкивает меня внутрь.

Стрельцов проходит вслед за мной, щёлкает замком и загорается в кровожадной улыбке.

Я в ловушке.

— Только попробуй прикоснуться ко мне! — звучит неубедительно.

— И что ты сделаешь? — ухмыляется.

Чувствую себя глупой мухой, попавшей в липкие сети паука — убийцы.

— Дима, я серьёзно! Отпусти меня, а то пожалеешь, — почему-то мои угрозы звучат как детский лепет.

Стрельцов облизывается и делает шаг в мою сторону, стремительно сокращая дистанцию. Дрогнув от страха, я отступаю, но пространство уборной оказывается слишком крошечным. Лопатки соприкасаются со стеной, и я закрываю глаза.

— Прошу тебя, отпусти! — обречённый шёпот сопровождается внезапно прыснувшими

слезами.

— Как же я могу тебя отпустить, куколка?

Проводит тыльной стороной ладони по моей щеке, дышит мне в губы. Я отворачиваюсь, с трудом набираю воздух. Грудь колышется в глубоком декольте, и взгляд хищника ныряет туда. Я действительно попала, и спасти меня некому. Дима издаёт возбуждённый рык, разрывающий рамки дозволенного, наглой рукой скользит по моему бедру, сминая пальцами платье. Я задыхаюсь от отчаяния и скулю от обиды.

Он считает, что имеет право так со мной поступать, врваться в мою жизнь после всего, что между нами было.

— Почему ты не дала мне шанса всё объяснить? Почему сбежала? — зарывается лицом в моих волосах, говорит тихо.

— Ты не оставил мне выбора!

— Та девка ничего для меня не значила. Я любил только тебя. Ты моя первая и последняя искренняя любовь.

Меня тошнит от его слов. Выворачивает от мерзкой близости. Он — опасный, расчётливый, привыкший добиваться того, чего хочет. Любой ценой. У него нет ни чести, ни морали, ни принципов. Самовлюблённый урод, не умеющий любить и сострадать. Его желания превыше всего, даже если кому-то от этого придётся мучаться, разбиваясь на осколки.

— Алиса, — настойчиво хрипит мне в губы, задирая подол платья на талию. — Я скучал по тебе.

Дрожь проносится от лопаток вниз, упираюсь ладонями в его тело и отталкиваю. Да только где уж мне с ним справиться.

— Я хочу тебя, — пальцами ловит резинку кружевных трусиков и тянет вниз, медленно и мучительно.

— Нет, пожалуйста, — задыхаюсь слезами.

— Позволь мне показать, как сильно я скучал! — хватая мою руку и прикладывает к своей ширинке.

Лёгкое покалывание прошибает ладонь, когда чувствую его член.

Если бы я знала, что всё будет так, если бы я только могла всё исправить. Я бы никогда не поехала в это караоке. Липкая паника лишает меня возможности соображать.

Дима накрывает мои губы, и отвращение стремительно сменяется жаром внизу живота. Я не должна чувствовать это порочное влечение, но меня шатает, как пьяную. Я дерзко отвечаю на его поцелуй, запустив язык в его рот.

"Какая же я сволочь" — бегущей строкой проносится последняя здравая мысль, прежде чем окончательно броситься в топку собственных запретных желаний.

Я хочу его.

Дико хочу.

Когда Алиса отвечает на поцелуй, моё сознание вспыхивает ядерным взрывом. Я так давно о ней мечтал, так давно её хотел, искал и скулил от неудовлетворённости другими женщинами. Она стала особым видом наркотика, неповторимым и бесподобным. Я столько раз прокручивал в голове, как Зимина приползёт ко мне сама, рыдая горькими слезами. Как будет просить, чтобы я трахнул её.

А в итоге по глупому зажал в туалете какого-то дешёвого бара — караоке, не в силах совладать с собственным голодом.

Башню сносит от запаха её кожи, от сладких губ, трепетно впивающихся в мои, от языка, блуждающего в пространстве моего рта. Болезненное желание вдолбиться в неё борется с невыносимой тягой заставить её страдать и мучаться. Мне будет мало, если я просто воспользуюсь ей. Она меня возненавидит ещё отчаяннее.

Мне нужно, чтобы Зимина задыхалась от желания быть моей. Мне нужно не только её тело.

Разжимаю ладонь на её заднице, отстраняюсь и смотрю в зелёные чарующие глаза, полные безумной похоти. Потёкшая тушь и размазанная красная помада предают ей особый шарм. Алиса переводит дыхание, не разрывая зрительный контакт. Замерла, сильно сжав челюсти и кулаки. Всё бы отдал, чтобы прочитать её мысли в этот момент.

— Я даю тебе шанс свалить, — грубо нарушаю повисшую тишину, наблюдая, как тает туман порока и страсти в её взгляде.

Алиса будто выходит из под гипноза.

— Я тебя ненавижу! — шипит, оправляя подол платья.

Отталкивает меня со своего пути. Слышу, как открывается замок и хлопает дверь.

Ушла.

Сбежала.

Сжимаю пальцы.

В сердцах наивно надеялся, что останется, не совладеет с собственными желаниями.

Сука!

С размаху вдалбливаю кулаком по стене.

Ушла! Она ушла! Высоко подняла голову и гордо упорхнула прямо из моих рук. Облизываю губы, чувствую её вкус. Сладкий. Разрывной.

Капли крови падают на пол, и только сейчас чувствую покалывания в руке. Разбил костяшки о стену.

Вдыхаю полной грудью воздух, пропахший её духами.

Дверь распаивается, и я быстро освобождаю туалет для мужика, желающего поссать. Смываю кровь в раковине. Руку бы перевязать. В машине есть аптечка.

Выхожу на улицу. Прохладный летний воздух бьёт в виски. Неужели я смог отпустить Алису? Сам. По своей воле. Она бы сдалась. Оборона её пала слишком быстро, и именно это меня смутило. Муки совести бы загрызли её изнутри, если бы сейчас мы сгорели от страсти и безумия. Я хочу добиться совершенно не такого эффекта, хотя самому держать себя в руках слишком сложно. Зимина должна хотеть не просто страстного секса, а жизни со мной, совместного будущего, семьи. Алиса должна меня любить, как до измены.

Перевязываю разбитые костяшки и достаю из бардачка сигареты со спичками. Я давно

бросил, но чувствую потребность перевести дух. Затягиваюсь и выпускаю густой дым в салон своей тачки. Столько раз орал на Таню, когда она парила новомодный девайс в моей машине, а сам вот так, едким сигаретным запахом заполняю пространство. Самому же потом мерзко будет.

Невольно морщусь. И дёрнул же чёрт за яйца затащить Зимину в этот проклятый туалет. Себе же хуже сделал. Стояк просто каменный, того и гляди штаны порвёт. И никакая Таня мне не поможет. Ни одна женщина в мире не сможет подарить столько же наслаждения, сколько дала Алиса.

Выбрасываю сигарету после пары затяжек и возвращаюсь в караоке-бар. Незаметно сажусь за столик в углу.

Зими́на старшая во всю горланит песни, обнявшись с размалёванной красоткой, которая перепутала мою тачку с такси.

Алиса сидит за столом. Макияж поправила. Пустой взгляд её замер в стакане с пивом. Бледная, еле живая. Даже не смотрит по сторонам, утопая в собственных мыслях. Наверно, уже страдает от того, что чуть не наставила своему благоверному мужу рогов. Захаров в отличии от неё держится стойко, не поддаваясь на Танины половые чары.

...

Закрываю глаза и усердно отгоняю навязчивые мысли. Я тварь. Я сволочь. Я падшая женщина, которая не смогла побороть собственные отвратительные желания. Я чуть было не отдалась бывшему прямо в туалете! При том, что счастлива с мужем. Если Женя узнает про это, он не раздумывая выкинет меня из своей жизни. Вычеркнет. Будто и не было меня.

Я знаю, какую удушающую боль приносит измена человека, которого считала своим самым близким, родным, вросшим под кожу и в подкорку. Но я пошла на этот шаг добровольно, бросилась в бездну чуть ли не с разбегу, стоило только Диме надавать.

Ненавижу его. И себя. И свою слабость перед ним.

Хватаю стакан с пенным напитком и делаю жадный глоток. Освежает.

Аля с Юлей заканчивают песню и идут за столик, и я нервно свожу колени. Заметят, что со мной что-то не так. Устроят допрос.

Особенно Юля. Она меня растила, родителей мне заменила. Сестра меня насквозь видит, как книгу прочитывает. От неё ничего не скроешь!

Вот и сейчас я кожей чувствую её надменный взгляд.

— Что с тобой? — сестра садится напротив и смотрит в мои глаза.

— Ничего, — хрипло выговариваю я.

— Алис, давай теперь с тобой споём! — Аля на веселе, отпивает пиво и хватает сырную палочку.

— Алиса, пойдём на разговор, — Юля неприятно морщится.

Ничего хорошего этот жест не предвещает.

Выходим на улицу, и я закуриваю. Непослушные руки дрожат.

Аля тоже выходит вслед за нами:

— Девчонки, да вы чего? Самый разгар веселья! Там мужчины петь собрались!

Сестра пристально наблюдает за каждым моим движением, примечая всё: и дрожь в теле, и шальные глаза, и смятение.

— Говори, что случилось, — голос Юли, как раскалённая сталь. — Куда ты ходила, пока мы пели?

— В туалет, — рявкаю. — По нужде!

— Да? — Юля обводит глазами улицу, и тормозит взглядом на ауди.

Тяжело вздыхает.

Возвращает взгляд на меня. Молниеносный. Прошибающий дрожью.

— Его машина? — коварный смешок.

— Не знаю!

— Алиса, это его машина? — настойчиво переспрашивает, а я молчу.

Затягиваюсь густым дымом. Идиот Дима. Не мог припарковаться где-нибудь подальше?

— Что между вами? — продолжает сестра, закипая как чайник.

— Ничего.

— Алиса, ты совсем никаких границ не видишь? Любовника себе завела в лице бывшего? — от этих слов меня передёргивает.

— Любовника? — Аля присвистывает.

— Юль, отвали! — выкидываю сигарету в урну и отворачиваюсь.

— Стой! — родственница хватает меня за плечи и разворачивает к себе. — Я и не думала, что воспитаю из тебя такую...

Разочарованно вздыхает вместо того, чтобы закончить фразу.

А я лишь закрываю глаза.

Юля уходит обратно в бар, а я поджигаю губы и издаю мучительный стон.

— Алис, а я на твоей стороне, — начинает Аля. — Мужья это хорошо, но иногда так хочется почувствовать себя желанными, горячими, любимыми. В браке ведь страсти почти нет, там бытовуха бесконечная.

— Что ты несёшь? — невольно морщусь, окинув соседку брезгливым взглядом.

— Что? Не так чтоль? — фыркает. — Все изменяют! Все! Думаешь, мужья наши верные?

Хочу ответить, что в Жене не сомневаюсь ни капли, но язык не поворачивается. Я предала его. Если бы Стрельцов не остановился, если бы не отступил...

— Алис, это ведь даже не измена! Сама подумай, — рассуждает Аля, наклонив голову на бок. — Ты же не собираешься семью рушить, уходить от мужа. А то, что кто-то третий дарит тебе недостающие эмоции — нормально.

— А ты своему мужу изменяешь?

— Да, — выдаёт без зазрения совести. — Он об этом знает. И у него тоже была любовница.

— Омерзительно, — закатываю глаза.

— Вы, наверно, мало лет вместе прожили. Знаешь, поговорка такая есть — хороший левак укрепляет брак.

— Аля, хватит, — хочу закрыть уши ладонями, лишь бы этого всего не слушать.

Домой мы едем в полной тишине. Я сгораю заживо от позора.

В ванной яростно чищу зубы, стараясь стереть следы поцелуя и привкус его губ. Моюсь в горячей воде, смывая запах чужого мужчины.

Собираюсь бросить платье в стирку, но застываю в моменте. Прикладываю к лицу и жадно вдыхаю. Ткань сохранила запах Димы. Опьяняющий и невыносимо желанный.

После тяжёлой ночи и литра слёз голова жутко трещит, того и гляди взорвётся. Накидываю халат и иду на кухню, чтобы выпить обезболивающие препараты, но застываю за стеной, так и не осмелившись сунуть нос на кухню.

— Как дела с Алисой? Доволен семейной жизнью? — Юля сидит за столом с кружкой ароматного кофе в руке.

— Сейчас много работы, — отзывается голос мужа, и у меня душа уходит в пятки.

Если Юля расскажет ему что-то, то это будет полный звездац. Да, я поступила плохо, неправильно, мерзко. Но Дима меня соблазнил! Неизвестно чем бы всё закончилось, если бы я продолжила вырываться. У Стрельцова явные наклонности к садизму, и всякие извращения его только подстёгивают и заводят. Он бы не отступил.

— Жень, я тебя не про работу спрашиваю, — недовольно выговаривает моя сестра.

Представляю, каким испепеляющим взглядом она окидывает сейчас моего мужа. Стою за стеной, плотно прижавшись к ней спиной, а от волнения испарина выступает на лице и дыхание сбивается. Набираю воздух в лёгкие, и грудь прожигает агонией. Только бы Юля не напела Жене лишнего! Я боюсь его потерять. Я его люблю, а моя случайная слабость перед Стрельцовым была одноразовой. Я больше не подпущу Диму, буду внимательнее и осторожнее, чтобы у бывшего не было ни малейшего шанса прижать меня где-то и истерзать. Сжимаю потные ладони и закрываю глаза, стараясь отогнать дурное предчувствие.

— Да всё у нас хорошо, — бормочет муж, и, после короткой паузы, добавляет, — как у всех.

— Как у всех?

— Да. Явных проблем в отношениях у нас нет. Небольшие недопонимания случаются, но их мало.

— Ну-ну! — протягивает Юля, а я бледнею.

Это её многозначительное "ну-ну" в своё время оказывало на меня удивительное воздействие, и я передумывала делать то, что собиралась. Однажды во время стрессовой сессии я почти сдалась и плакала, что мне не нужно образование. И так нормально. Не все же должны быть умные. Собиралась всё бросить и уже готова была забрать документы, но Юлино "ну-ну" переубедило меня в считанные секунды.

— Жень, ты бы следил за ней повнимательнее, — хитрый голос сестры ощущаю физически, электрическими импульсами в подушечках пальцев.

— Что ты имеешь ввиду? — муж в явном недоумении.

— Подруга её новая, Аля. Не нравится она мне. Распутная девка.

— Аля? Соседка?

— Да. Запрети Алисе с ней дружить.

— Да брось, Юль. Алиса же не дрессированная собака, чтоб мои команды слушаться.

Сестра шумно вздыхает:

— Жень, поверь, так будет лучше.

Я собираю волю в кулак и захожу на кухню.

— Доброе утро, — приветливо улыбаюсь. — О чём болтаете?

— Да так, — бурчит Юля себе под нос. — Ни о чём.

— Выспалась? — Женя ловит меня за талию и сажает к себе на колени, не смущаясь

присутствия моей родственницы.

— Выспалась, — отзываюсь механически.

Чувство стыда меня грызёт, и я не могу ответить взаимностью на очередную порцию ласки от мужа.

— Я сегодня уезжаю, — траурно сообщает сестра.

— Ты же только приехала! — охаю.

— Я уже вещи собрала. Через полтора часа выезжаю.

Юля злится на меня. Взгляд у неё колкий и неприятный.

— Я поеду до мамы, заберу Василису. Пусть немного побудет с тётей! — Женя оживляется и уходит с кухни на сборы.

Я завариваю себе кофе. Сажусь рядом с Юлей.

— Мне даже за одним столом с тобой неприятно сидеть, — сжимает руку в кулак, закрыв глаза.

Я отпиваю ароматный напиток и молчу. Кончики ушей пылают. В тишине слышу собственный ускоренный пульс, тяжело дышу, стараюсь прийти в себя и не дрожать, как трусливый заяц. Сестра додумала вчерашнюю ситуацию, расценив все обстоятельства не верно, и я должна ей объяснить, что всё было не так, и Стрельцов вовсе мне не любовник.

— Всё, девочки, скоро буду! — на прощание кричит Женя, хлопнув дверью.

— Юль, — моментально начинаю я, смотря в её льдистые глаза. — Ты всё не так поняла.

— Да? — вскидывает бровь.

— Да, — на выдохе. — Дима просто преследует меня. Я не даю ему никакого повода, но он...

— Сука не захочет, кобель не вскочит, — отрезает сестра, и я на мгновение теряюсь.

Моргаю медленно, осматриваю надменное лицо родственницы.

— Юль, — жалобно продолжаю я. — У меня с Димой ничего нет. Я не хочу рушить семью. Ты же знаешь, что я не такая.

— Я уже ни в чём не уверена! — отмахивается Юля и встаёт, выливает остатки кофе в раковину и оставляет грязную кружку на столешнице.

То же самое с моей душой. Тоже грязная и оставленная.

Юля стремительно скрывается в детской, завершая наш диалог. Она меня не слышит, не понимает. В её голове кусочки пазла сложились в неправильную картинку, а она не хочет это признавать.

Ещё и Жене намекнула, что не всё так радужно, как он считает.

— Чёрт, — шиплю себе нос, опуская голову.

Василиска прощается с тётей на пороге, улыбаясь во весь рот.

— Плиезжай ещё! Пливози подалки!

— Хорошо, малышка, приеду, — Юля оттаивает при виде ребёнка, гладит Ваську по голове.

Женя стоит рядом со мной, осторожно касается моей руки одним мизинцем, оставляя на коже электрический импульс. Опускаю взгляд и прикусываю губу. Мне так стыдно перед ним за всё, что происходит сейчас. Я не хочу изменять любимому мужчине, но Стрельцов... Он действует на меня, как афродизиак. Окутывает своим пьянящим ароматом животной дикой страсти, и я по щелчку коварных пальцев лишаюсь способности сопротивляться.

Выходной день проходит спокойно. Женя занят работой. Сидит за компьютером уже

который час, пока я играю с дочкой.

У мужа много работы.

Всё навалилось.

Такое чувство, будто Дима специально его нагрузил, чтобы отвлечь от меня.

...

— Да, девочка моя, да! — хриплый голос разрывает тишину, когда я чувствую острое удовольствие от женских губ, быстро скользящих по стволу до самого основания.

Сильно сжимаю рыжие волосы, и Таня всхлипывает. Заполняю её ротик белой жидкостью, запрокинув голову, со звериным рыком.

— А теперь собирайся, — отталкиваю её от себя, и девушка падает на пол.

По её щекам катятся горькие слёзы обиды. Я перестал её трахать. Только минет, и ничего больше. Так я могу представлять Алису и наслаждаться сексом.

Таня скрывается в ванной. Слышу, как рыдает, громко всхлипывая. Она сама продалась, и мне её совсем не жаль. Думала, что я буду и платить ей, и ласку дарить? Наивная глупая шлюшка.

Проститутка, которая не может справиться со своей главной задачей. Захаров так и не соблазнился. Ещё одна такая непродуктивная неделя, и мне придётся воплощать в жизнь план Б. Раз сам не хочет изменять, значит изменит ему "Алиса". Сделаем с Таней горячих фото, и отошлём святоше Евгению. Хорошо, что эскортница похожа на Зимину. Хоть в чём то пригодится, кроме утех.

— Я готова, — плачет Таня спустя полчаса.

— Молодец, быстро собралась, — застёгиваю дорогую рубашку и окидываю Таню взглядом.

Принарядилась. Платье непростительно короткое, плечи открыты.

— Помнишь, что времени у тебя осталось до пятницы? Не сможешь переспать с Захаровым, денег не увидишь, — припугиваю самым действенным.

— Ты конченный, Дим. Тебе лечиться надо. Это клиника!

— А ты у нас психиатр, чтоб диагнозы ставить? — скольжу взглядом по её длинным ногам.

— Не обязательно быть психиатром, чтобы явные отклонения увидеть.

Шумно вздыхаю.

— Не боишься мне такое говорить, деточка? — веду бровью, надвигаясь на Таню. — Ты забыла, кто я? Сколько у меня связей? Если захочу, я тебя грохну. И мне ничего за это не будет!

— Не боюсь, — дерзко смотрит мне в глаза, будто нарываясь.

Хватаю за горло, впечатываю её в стену. Ударяется головой и жалобно стонет от боли.

— Тебе повезло, что ты мне пока что нужна, Танечка. Иначе я бы уже давно расправился с тобой.

В офисе "Алого паруса" сегодня душно. Таня исполняет нашу договоренность, выгибает спину будто сямская кошка, наклоняясь рядом с Захаровым, а тот вообще не реагирует. Эскортница прикусывает край ручки, соблазнительно вздыхает и задевает руку Евгения Андреевича своей грудью.

Без толку всё это. Захаров — кремень.

— Скоро обеденный перерыв, — девушка поправляет пряди парика с невинной улыбкой. — Может, сходим в кафе все вместе?

— Отличная идея! — я поддерживаю. — Евгений Андреевич, вы с нами?
Захаров бросает взгляд на часы.
— Да, можно пообедать, — пожимает плечами.

В кафе, куда мы дружно примчались, сегодня совсем нет народу. Оно нам на руку.

Таня садится рядом с Захаровым, и пока ждём заказ, он снова официально и сухо ведёт беседу о работе.

— А вы видели спортивный клуб на Речной улице? — Евгений Андреевич смотрит Тане в глаза.

— Да, конечно, — отзывается она, накручивая прядь искусственных волос на палец.

— Вот проект здания тоже разрабатывал я, — Захаров гордо поднимает голову.

— Ничего себе! — девушка резко кладёт ладонь поверх мужской руки. — Вы настоящий гений, Евгений Андреевич! Ой, как складно получилось. Гений Евгений!

Смотреть на них — одно удовольствие. Можно подумать, будто голубки воркуют. Ещё бы святоша немного раскрепостился и хоть как-то среагировал на женское обаяние. Но Таня ему совсем не интересна. Он убирает свою руку, осторожно и сдержанно. Заискивающий взгляд эскортницы не замечает.

— Когда утверждали проект этого здания, была гроза. Моя жена очень её боится, — губы Захарова дёргаются едва уловимой улыбкой. — Мне пришлось взять на совещание Алису, а заодно и дочку.

"Боже, перед тобой такая женщина! Знаки внимания оказывает, всячески пытается найти подход, а ты рассказываешь о семье? Серьёзно? Что ты за фрукт такой, Евгений Андреевич?" — морщусь от собственных мыслей.

— Так вы женаты? — Таня старательно изображает удивление.

— Кольцо на пальце вас не смутило? — пересекается взглядом с девушкой.

— Я... не заметила, — театрально охает, слишком наигранно.

Я обречённо закрываю глаза. Это провал. Раз он начал рассказывать Тане о своей жене и ребёнке, значит точно не будет изменять.

...

Когда Женя приходит домой, Василиска уже спит. Опять задержался на работе.

— Привет, — я выглядываю из детской комнаты и устало улыбаюсь.

— Привет, родная, — муж тоже устал.

Вздыхает, снимая лёгкую кофту и, быстро скинув обувь, тянется ко мне. Обнимает крепко, вдыхает запах моих волос, и сердце тревожно ёкает.

Родная.

Куда уж там.

— Жень, — на ресницах скапливается влага, и голос звучит как-то обречённо. — Прости меня!

Всхлипываю.

— За что, Лисёнок? — шепчет мне на ухо, целует в висок.

Как всегда нежный и любящий.

— За всё! — задыхаюсь слезами.

— Алис, у нас ведь всё хорошо? — муж отстраняется и заглядывает в мои глаза. — Вчера Юля со своим утренним разговором смуту навела, сегодня ты встречаешь меня в слезах.

Я готова не просто провалиться сквозь землю, а ещё и сгореть где-нибудь там, в адском

пламени. В преисподней мне самое место после того, как я ответила на грубый поцелуй бывшего, загораясь от страсти, как спичка. Мгновенно, с первого раза, будто по приказу.

Я игнорирую вопрос Жени, старательно вытираю влагу с лица.

— Голодный? — нерешительно улыбаюсь. — Я приготовила мясо по-французски.

— Моё любимое!

— И ещё я испекла булочки с корицей.

— Ммм...

— И ещё я... — давлюсь заготовленной речью.

... Я должна тебе признаться, что Стрельцов Дмитрий — твой многоуважаемый клиент, заодно и новый партнёр Алого паруса — тот самый мой бывший, после которого я не могу никак оправиться. И ещё он меня преследует...

— Что ещё, Алис? Ты меня уже пугаешь.

— Ещё я хочу завтра запечь рыбу фаршированную грибами.

— Готовь всё, что пожелаешь.

После ужина, лёжа в постели, Женя привычно целует моё острое плечо и прижимает к себе.

А мне не по себе от этого жеста. Да, я знала ещё в том баре — караоке, что гореть от стыда буду сильно. Позор не скоро отмоется, оставит отчётливый отпечаток в памяти и отразится на моём поведении. Но чтобы вот так! Душу наизнанку выворачивает, агонией по телу взрывается. Душевные муки я ощущаю физически.

Утром легче не становится. Дочка ласково трётся об меня, зазывая на прогулку. А я не могу объяснить ребёнку, что уже боюсь на улицу выходить! Стрельцов мне на каждом углу мерещится, даже во снах покоя не даёт. Я, наверно, с ума схожу? Нужно бы изучить на досуге признаки психических расстройств.

Перед обедом всё же выползаем на детскую площадку возле дома, и пока Василиска играет, я отхожу в сторону и прикуриваю сигаретку. Затягиваюсь, озираясь по сторонам. Нет, ну правда, тревожное расстройство я себе уже заработала.

— Алиса! Привет! — голос Али как всегда звучит весело.

Оборачиваюсь к источнику звука и встречаюсь взглядом с высоким мужчиной. Аля стоит рядом с ним, ухватившись под руку.

— Добрый день, — сухо выговариваю я.

Внимательно изучаю мужчину. Красивый, статусный, типичной европейской наружности. Наверно, Алин муж — бедолага, которому жена периодически наставляет рогов. Хотя, вроде Аля говорила, что он тоже любитель сходить налево. И у этих людей подрастает сынишка! Представляю, как они его воспитают с такими уставами.

"Хороший левак укрепляет брак" — звучит в голове противным голосом.

Невольно свожу брови к переносице.

Нет, я бы никогда не пошла на такое. Не смогла бы изменить. И тут как звонкая затрещина: "Да ты уже чуть не отдалась бывшему в туалете!"

— Алис, у тебя всё хорошо? — соседка взволнованно моргает.

— Всё прекрасно! — неправдоподобно.

— Слушай, Мирон соскучился по Василиске. Можно около пяти вечера зайти в гости? Ну, или ты с дочкой приходи к нам.

— Я сегодня буду запекать рыбу с грибами. Так что лучше вы к нам, — старательно натягиваю улыбку, но, кажется, получается какой-то оборонительный оскал.

Аля малопривычна мне после разговора о том, что измены — наша суровая реальность и изменяют все! Но наши детки сдружились, Василиса сегодня тоже интересовалась Мироном. Я не нахожу подходящей фразы, чтобы отказать.

После прогулки мы с дочкой заходим в продуктовый магазин. Я долго выбираю рыбу, потому что обычно такое не готовлю и понятия не имею, какую лучше взять.

Дёрнул же чёрт так соврать! Могла бы что-то более простое выдумать, но нет же! Тяжело вздыхаю, глядя на Василису.

— Ма, во какая лыба! — дочка разглядывает замороженного карпа широко распахнутыми глазами.

— Большая, — я киваю.

И почему я не создалась во всём мужу? Нужно набраться смелости и сказать, что Стрельцов Дмитрий — мой бывший. Да, Женя рассердится, что я не сообщила об этом сразу. Он будет в ярости от того, что не пожаловалась сразу, что бывший меня ещё и преследует.

Хотя можно ли это назвать преследованиями? Скоро месяц, как Стрельцов в городе, и за это время я с ним пересекалась всего четыре раза. Последний раз был незабываемо ужасным.

— Мам, — Вася дёргает меня за рукав кофты, привлекая внимание. — Выбилай уже сколее!

И правда, чего это я застыла в рыбном отделе?

Хватаю замороженную рыбину и расплачиваюсь на кассе.

Выходим из магазина, дочка крепко держится за одну руку, в другой я тащу пакет. Сегодня жарко, солнечно по летнему. Припекает. Скоро уже можно будет ходить на речку ножки мочить и загорать. В прошлом году Василиса вместе с папой с удовольствием купалась, но после того, как она упала с мостика и чуть не утонула, я даже не знаю, не испугается ли она лезть в воду. А то будет по берегу ходить вместе со мной.

На самом деле это печально.

Поворачиваю голову, и тут же роняю пакет из рук.

В десяти метрах от нас стоит Стрельцов, смотрит на меня пристальным взглядом и улыбается. По позвоночнику прокатывается холодная волна.

— Ма, ты чего? — Вася взволнованно моргает, крепче сжав свои маленькие пальчики на моей руке.

Сглатываю ком в горле и быстро поднимаю пакет. Снова смотрю на мужчину, прищуриваюсь.

Это не Дима... просто похож.

— Всё хорошо, малышка, — успокаиваю то ли дочку, то ли себя.

Да.

Я точно схожу с ума.

Как и договаривались, в начале шестого к нам приходят гости. Василиска и Мирон весело общаются, дочка хвастается своему другу новыми красками и мольбертом, а потом и вовсе решает устроить для мальчишки урок по рисованию. В ней живёт великий художник!

Завариваю для Али свежий чай, разрезаю торт, который она принесла.

— Алис, мне всё таки интересно подробнее узнать о твоём... ммм... любовнике, — начинает резко, и у меня в ушах тут же звенит.

— Он мне не любовник, — отзываюсь грубо, заливая в шампиньоны соус.

— Ой, меня можешь не обманывать! — взмахивает рукой. — Я не твоя сестра и нотации тебе читать не буду.

Я тяжело вздыхаю, поставив перед Алиным носом кружку с чаем.

— Да ну не вздыхай! Любовник у тебя видный, я обратила внимание сразу на его выразительные чёрные глаза.

— Аля, я тебе ещё раз повторяю: он. мне. не. любовник! — закипаю.

— А кто же он? — вопросительный взгляд упирается в меня требуя объяснений.

— Он мой бывший. И я оставила его в прошлом.

— Не заметно, — усмехается.

— Аля, я не хочу на эту тему разговаривать.

— Я видела, как ты среагировала на этого мужчину. Ты его хочешь!

Открываю рот, чтобы возразить, но собеседница бойко продолжает:

— И не спорь! Когда мы с твоей сестрой петь закончили, я обратила внимание, что ты помаду стёрла. Знаешь, какой вывод напрашивается?

Я обречённо закрываю глаза. Аля — моё наказание за грехи.

— Ну и какой же? — выцеживаю сквозь зубы.

— Что в туалет ты всё же ходила не одна. Кто-то съел помаду с твоих губ!

Щёки моментально вспыхивают румянцем. Вспоминаю этот дикий поцелуй, и вновь тону в потоке смущения и возбуждения. Дима так грубо набросился на меня, с такой яростью и голодом, что я просто не смогла устоять.

— Тебе нечего смущаться, — ласково щебечет Аля. — Это нормально!

— Это ненормально! — прижимаю ладони к покрасневшимся щекам.

— Измена с бывшим вообще не считается изменой!

— Аля, — возмущённо вскрикиваю. — Я не трахалась ни с кем в туалете!

— Просто поцеловались? Лёгкий петтинг?

Шумно выдыхаю:

— Так, давай заканчивать с этим разговором! Пей свой чай.

— А ты чего такая грубая? Я тебя поддерживаю наоборот, а ты...

— Аля, какая-то херовая у тебя поддержка! — взрываюсь. — Я не изменяла мужу и не буду! И мне противно от твоих слов.

— Хм, — соседка задумчиво изгибает бровь. — Не зарекайся. Жизнь длинная!

Оставляю нетронутый чай и начинаю готовить. Аля молча наблюдает за моими действиями. Что вообще у неё в голове? Она не ценит свою семью, раз способна на измены. И у неё совсем нет любви к своему мужу, раз она так легко прощает неверность.

Убираю противень с фаршированной рыбой в духовку и оборачиваюсь, пару секунд

смотрю на Алю.

— Алис, — снова начинает она. — А давно ты с этим бывшим разошлась?

— Пять лет назад.

— А дочке твоей сколько?

— Четыре года.

— Она от мужа?

Я зависаю, сначала даже не уловив смысл вопроса.

— Конечно от мужа! — нервно моргаю.

— Тогда ладно, — пожимает плечами. — Просто Василиса твоя не похожа на папу.

Аля решила окончательно вывести меня из себя. От злости даже волосы на голове шевелятся.

— Знаешь, Аль, вам с Мироном лучше пойти домой, — отсекаю я, сложив руки под грудь в оборонительном жесте.

— Домой? Я тебя обидела? — таким невинным взглядом смотрит, будто ангелок. — Прости!

— Я сегодня не в настроении, Аль. Скоро Женя придёт, хочу отдохнуть перед его приходом.

— Горячая ночка намечается? — вкрадчиво интересуется соседка, и я делаю очередной вывод о ней: без мыла в жопу влезет.

— Намечается, — соглашаюсь, лишь бы она отстала.

— Ладно, давайте тогда завтра на детской площадке встретимся, пусть детки поиграют.

Провожая гостей, Василиса улыбается и осторожно целует Мирошку в щёчку на прощание. Как только дверь захлопывается, Василиска со всей детской серьёзностью сообщает мне новость:

— А мы с Милоном лешили пожениться!

От такой радости я давлюсь воздухом и закашливаюсь. Я была готова к тому, что рано или поздно дочка начнёт говорить о мальчиках и отношениях, но никак не думала, что это случится в четыре года.

— Да? — удивлённо качаю головой. — У вас что, любовь?

— Любовь, — соглашается со мной Вася и кометой мчит в детскую.

Показывает мне новый рисунок, где она нарисовала себя в белом платье и Мирона рядышком.

— Это наша свадьба! — хвастается малышка.

— Как здорово! Очень красиво!

Нужно бы внимательнее следить за общением Васи и этого мальчика. С таким воспитанием, которое может дать ему Аля на пару со своим мужем, Мирон способен вытворить всё что угодно. Конечно, я объясняю дочке основы полового воспитания, даже книжку купила про это, но детское любопытство легко возьмёт верх. По сети сейчас много ужасных историй гуляет, начиная от того, как дети друг другу половые органы показывают и заканчивая...

Боже, о чём я думаю.

Аля довела меня до ручки.

После полдника мы с малышкой включаем мультфильм и устраиваемся на диванчике в обнимку. Глажу её по рыжим кудряшкам, а в голову закрадывается ужасная мысль.

У нас с Женей так стремительно закрутились отношения, и я забеременела мгновенно.

В том же месяце, в каком со Стрельцовым разошлась. И так-то, вполне возможно, что моя дочка...

Хлопает входная дверь, и Василиска тут же отрывается от мультика и бежит на звук.

— Папааааа! — визжит от восторга.

Я бросаю взгляд на часы. Женя сегодня пораньше.

Семейный вечер выдался прекрасным. Мы все вместе поиграли в железную дорогу, и, хоть душа моя не на месте после всего стресса, который я переживаю день ото дня, удалось немного забыться и расслабиться. Как в старые добрые времена, когда Стрельцов ещё не появился в нашем городе и не устроил мне персональный ад.

Женя сам укладывает дочку, пока я принимаю душ.

Жду его в нашей постели, и тут звенит телефон мужа. Сообщение пришло. Потом ещё раз. И ещё.

Тянусь за мобильником, чтобы отключить звук уведомлений. Застываю.

"Спасибо за прекрасный день!"

От какой-то Татьяны.

Сердце падает в пятки, как оборванная кабина лифта.

"Я сегодня узнала много нового и полезного" и красное сердце рядом.

Горло дерёт от сдерживаемой паники. Это, наверно, коллега по работе. Коллега ведь? Успокаиваю себя, как могу, а злобный внутренний голос продолжает колоть рассудок иглами. У Жени нет коллег с именем Татьяна. И коллеги никогда не писали ему в пол одиннадцатого ночи.

Пока Женя копошится на кухне, я стараюсь собрать остатки рассудка и не разрыдаться. Ничего такого эта Татьяна ему не написала, но отчего-то мне так больно, что сердце в груди железными тисками сжимается.

Откладываю телефон мужа обратно на столик и прикладываю ладонь к губам, кусаю её до физической боли, стараясь заглушить эмоции. Но слёзы всё равно скапливаются на ресницах и предательски капают на холодные щёки.

Успеваю смахнуть их перед тем, как Женя входит в спальню.

— Тебе кто-то написал, — сообщаю не своим голосом.

— Кто? — муж удивлённо улыбается, ступая плавно и грациозно к своему мобильнику.

— Не знаю, я не смотрела.

Женя берёт телефон в руки и, прочитав сообщения, начинает сиять от радости. Оголяет зубы в белоснежной улыбке и быстро печатает ответ, тем самым пронзает мою душу копьём отчаяния.

— Кто написал? — плаваю я, стараясь казаться непринуждённой.

— Да так, — отмахивается. — Это по работе.

По работе?

И смайлик в виде сердца, видимо, тоже по работе. Тяжело вздыхаю и отворачиваюсь к стене.

— Алис, ужин был просто восхитительный! — муж залезает ко мне под одеяло, его рука мягко скользит по моему бедру, нежно проскальзывает под ночную рубашку и обхватывает грудь. — Чем ещё ты меня сегодня порадуешь?

Щекочет дыханием кожу на шее, а я лишь зажмуриваюсь сильно и дышать перестаю.

Ладонь мужчины сжимается, находит пальцами мой сосок и уверенно мнёт. Обычно я возбуждалась от этого.

Но не сегодня.

— Женя, я устала! — шикаю, отодвигаюсь.

Я бы устроила настоящий скандал, если бы сама не провинилась. Душа требует срочно выяснить, кто такая эта Татьяна, сообщениям которой можно так радоваться и лыбиться, как ненормальный! Но я молчу. Нервы медленно растягиваются и превращаются в оголённые провода. Я целуюсь с бывшим, муж ведёт переписку с другой женщиной. Вот так и рушатся семьи. Всё начинается с маленьких недосказанностей, а дальше паутина лжи растёт как снежный ком, сметает всё на пути.

А что, если Аля права? Что если измены окружают нас везде и всюду, и проще смириться с этим фактом и закрывать глаза на неверность, чем выяснять что-то и устраивать трагедии? Так ведь и жить будет проще. Знать, что тебе изменяют, и принимать это как реальность, как норму. Но смогу ли я смириться, если от одной мысли, что муж касается тела чужой женщины, у меня в венах кровь останавливается и сердце стораёт в агониях?

Неужели Женя увлечён другой?

Если он тоже мне изменит, я не переживу.

— Алиса, — муж ласково целует меня в плечо. — Я люблю тебя.

Из моих глаз тут же прыскают слёзы.

— Я тебя тоже, — шепчу, скрывая дрожь в голосе.

Я снова не рассказала ему о том, что Стрельцов — мой бывший. Да и надо ли теперь во всём признаваться? После драки кулаками не машут! Да и что Женя сможет сделать? Моё чистосердечное только жизнь ему осложнит. Как он будет сотрудничать с Димой, если узнает правду. Нужно было говорить обо всём сразу, а не после случившегося поцелуя в туалете бара — караоке.

Ночные кошмары снова преследуют меня, и на утро я просыпаюсь не в настроении, будто с похмелья. Василиска просится в гости к бабушке, и оно мне только на руку. Оставлю дочку ей, а сама отдохну. Звоню свекрови и сообщаю о том, что скоро заедем в гости.

Анастасия Сергеевна встречает Василиску с трепетной улыбкой.

— Баб, а мы вчела в железную дологу иглали! — хвастается малышка, проходя в кухню.

— Ого, как здорово! — свекровь жестом зовёт меня вслед за ней.

Не спрашивая заваривает чай. Василиска трещит без умолку, рассказывая о маленьком "паловозике", который возит игрушки по комнате. А я застываю взглядом в одной точке, и глаза снова на мокром месте.

Мне не даёт покоя та мысль, что я теряю мужа. Теряю свою семью. Всё, что так дорого мне, рушится. Тот мир, который мы упорно возводили, взрывается, и меня накрывает камнями прошлого. Я целовалась с бывшим. Женя переписывается с другой женщиной. У нас так быстро появились тайны друг от друга, что голова кружится.

— Алиса, ты меня слышишь? — Анастасия Сергеевна грубо хлопает меня по плечу, и я испуганно вздрагиваю.

— Что?

— Ты голодная? Суп может хочешь?

— Нет, спасибо!

— Странная ты какая-то! — Анастасия Сергеевна ставит две кружки с чаем на стол, для меня и Василиски.

Дочка быстро расправляется с печеньями, допивает свой напиток и убегает в комнату.

— Что у вас с Женей происходит? — Анастасия Сергеевна сводит брови к переносице так, что между ними образуется глубокая складка.

— У нас всё хорошо, — выдаю я, молясь, чтоб этот допрос закончился.

— Меня не проведёшь! Я чувствую, что на горизонте буря! Сын мой последнее время сам не свой. Грубее чтоль стал. И ты теперь тут сидишь еле живая! Расскажи, в чём дело?

Я закрываю глаза.

— У нас всё хорошо, — повторяю, как мантру.

— Алис, — женщина осторожно берёт меня за руку, едва ощутимо сжимает. — Материнское сердце не обманешь. Я тебе совет дам, ладно?

Я молчу. Потому что если начну возникать, свекровь разозлится.

— Ты женщина, Алиса. Ты должна быть мудрой! В первую очередь нужно думать о счастье своего мужа, о ребёнке своём.

Собираюсь закатить глаза, но Анастасия Сергеевна тут же продолжает:

— Если у вас какие-то проблемы в отношениях, то нужно сесть и обсудить всё. Вы одна семья, вы — команда! Вы на одной стороне, вместе против проблемы. Только так браки и держатся. А если умалчивать и обиды таить, то всё сломается.

Открываю рот, чтобы что-то сказать, но мысли разбегаются в голове, их просто невозможно собрать в связную фразу.

— Алис, — осторожно продолжает свекровь. — Оставляй сегодня Василису у меня на

ночь, побудьте с Женей вдвоём, поговорите.

— Вы правы, — киваю, наконец подобрав слова. — У нас в последнее время действительно какой-то разлад в отношениях.

— Ну вот, — Анастасия Сергеевна подбадривает меня улыбкой. — Женя сказал, что вы второго малыша хотите. Сегодня у вас вся ночь, чтобы его сотворить!

Она права.

Нам нужно всё обсудить.

Я должна рассказать, что Стрельцов Дмитрий — мой бывший. Самой же спокойнее от этого будет. Умолчу лишь о том, что был поцелуй. И нужно выяснить, кто такая эта Татьяна. Я уже успела накрутить себе всякого, уже красочно представила, что мой родной мужчина с ней развлекается в перерывах между работой.

До вечера занимаюсь уборкой. Порядок в доме, порядок в голове.

Когда Женя появляется на пороге, бегу его встречать.

— Привет, Алис, — скидывает обувь.

Лицо у него серьёзное.

— Как дела? — обнимаю за шею в ожидании ответного жеста.

— Устал, — замирает, так и не притянув меня к себе.

Женя скрывается в ванной, а я, раздосадованная ситуацией, накрываю на стол.

— Женечка, нам нужно поговорить, — сажусь напротив мужа, заглядываю в его глаза.

— Ты представляешь, Стрельцов такой... слов нет! — обречённо выдаёт Женя, сильно стиснув в кулаке вилку. — Мы уже утвердили архитектуру здания, все детали обговорили. Сегодня я представил ему проект, а он знаешь что выдал?

Я моргаю.

— Сказал, что ему не нравится! Стиль, говорит, нужно поменять. Что-то более яркое сделать, помпезное. А поначалу все мои предложения отвергал, мол пышность не нужна, это же детский центр.

— Переделывать будешь?

— А куда деваться, Алис? Придётся переделывать.

— Жень, я хочу обсудить наши отношения, — начинаю я, но муж шумно выдыхает и устало качает головой.

— Алис, давай не сегодня. Я так устал!

Пару секунд я обдумываю ситуацию.

Ещё никогда Женя не отказывался от разговоров со мной, даже сильно уставший после нервного рабочего дня, он общался со мной как ни в чём не бывало, целовал, обнимал. А тут я первая к нему потянулась, а он взаимностью не ответил. А теперь и вовсе даже говорить со мной не хочет.

Прикусываю губу и чувствую, как сердце саднит. Может, Женя вовсе не на работе устал? Может, эта Татьяна его загоняла, бедного? От собственных мыслей тошнота к горлу подходит и голова начинает туманиться. Перед глазами мелькают цветные мошки. Не тронув ужин, я поднимаюсь из-за стола и быстро скрываюсь в детской.

Запускаю пальцы в волосы, обречённо смотрю на собственное отражение. Изменяет. Муж мне, скорее всего, изменяет. Не остановил меня на кухне, чтоб не уходила. Не пошёл следом за мной. Видит, что мне плохо, но не успокаивает как раньше.

Это мне бумеранг за мысли о Диме, за собственную слабость перед бывшим и за то, что ответила на его поцелуй.

Так мне и надо!

Лето уже полностью вступило в свои права. Сегодня на улице настолько душно, что дышать тяжело.

Но у меня большие планы на этот день. Пока Захаров готовит новый проект, я должен капитально заняться его женой. На прошлой неделе я узнал, что Алиса ко мне не равнодушна. Всё ещё вспоминаю тот поцелуй, и на губах оживает её сладкий вкус, а по телу дрожь проносится.

Подъезжаю к её подъезду, и с радостью отмечаю, что Алиса вместе с дочкой гуляют во дворе на детской площадке. Внимательным взглядом слежу за малявкой. Активная она у неё, носится как угорелая. То на одну перекладину залезет, то с горки скатится, то весело что-то закричит и запрыгивает на качели. Рыжие кудряшки уже взмокли от жары и беготни.

Алиса стоит рядом с песочницей, держит в руках большого розового зайца.

Выхожу из машины неторопливо, стараясь не привлечь внимание к своей персоне раньше времени. Медленно ступаю в сторону Зиминной.

— Ма, а давай тепель зайца будем катать! — взвизгивает малявка и спрыгивает с качелей прямо на ходу.

— Василиса, осторожнее! — Зимина делает замечание дочке.

— Ма, ну давай катать зайца!

— Давай.

В следующее мгновение Алиса сажает на качели розовую игрушку, а мелкая девчонка взрывается заразительным хохотом.

— Во как здолово заяц катается! Здолово, мама?! — требовательно смотрит на Алису.

— Очень здорово! — оживает в улыбке молодая женщина.

Образцовая семейка.

Видно, что Алиса очень любит свою малышку. Если ребёнок окажется моим, то у меня появится ещё один козырь в рукаве. Я запросто смогу шантажировать Зимину, и она сразу про своего благоверного забудет.

— Привет, — подхожу ближе и нарушаю идиллию.

— Здравствуйте! — Василиса деловито щурит взгляд.

— Дима? — глаза Алисы становятся размером с блюдца. — Ты что тут забыл?

Шипит, змеюка моя. Огрызается. Видимо, уже не помнит, как яростно впивалась в мои губы, как блуждала шаловливым языком в пространстве моего рта и как задышалась от собственных желаний.

— Я хочу с тобой поговорить, — вру.

В планах у меня совсем другое. Кое-что более масштабное.

— Нам не о чем разговаривать, — старается сохранять спокойствие, но я вижу, что она напряжена.

Или возбуждена.

— Ма, а кто этот дядя? — Василиса жмётся ближе к маме, позабыв про весёлые развлечения с зайцем.

— Это мой старый знакомый, — отзывается Алиса, взяв малышку за руку. — Мы уже уходим! — мажет по мне взглядом и хватает зайца за уши.

— Привет, малышка. Как дела? — заглядываю в глаза маленькой девочки, а у самого

кипяток по жилам растекается.

— Отлично! — звонким голосом отзывается она.

— Хочешь конфету? — достаю из кармана жевательную резинку.

— Хочу! — загорается блеском и переводит глаза на маму. — Можно?

— Я надеюсь ты ничего не задумал? — Алиса шикает на меня.

— Да ладно тебе, Зимина!

— Захарова!

— К чёрту! — закатываю глаза. — Давай поговорим, а Василиса пусть ещё погуляет.

Протягиваю жвачку девочке, и та ловкими пальцами распечатывает её и кладёт в рот.

Алиса тяжело вздыхает, разжимает ладонь и садится на корточки, сравнившись в росте с малявкой.

— Василис, беги поиграй на горке, хорошо?

— Холосо!

Девчонка улыбается и стремительно срывается с места.

— Что ты хочешь, Дим? — складывает руки под грудь, смотрит на меня исподлобья презрительно и недоверчиво.

Напоминает зашуганного котёнка.

— Я скучаю по тебе, — начинаю ласково, но с нажимом. — По твоим сладким губам, по туманному возбуждённому взгляду.

— Хватит! — цедит сквозь зубы.

— А ты? Ты скучаешь?

— Нет! — рывкает.

— В баре мне казалось, что ты очень по мне скучаешь. Что было бы, если бы я не остановился, м?

Зимина мучительно закрывает глаза и качает головой.

— Дим, это было безумием. Я не хотела всего этого. Я не скучаю. И такого больше не повторится. Я мужа люблю, понимаешь?

— А хочешь узнать, кого люблю я?

— Ты разве способен на любовь? — усмехается.

— Представь себе. И я докажу тебе, что ты мне очень дорога, Алиса. Я хочу всё вернуть.

— Поздно! — морщит носик и стреляет ядовитым взглядом. — Раньше нужно было думать. До того, как решил мне изменить.

— Алис, я молодой был, глупый.

— Это тебя никак не оправдывает, Стрельцов.

Да, она права. Она как всегда права. Мне стоило быть более расчётливым и осторожным. Я уже сто раз прокручивал это в голове и жалел, что притащил ту девку в дом. Есть же столько отелей, да даже квартиру снять на сутки можно было. А я оплошал.

— Алис, — хитро улыбаюсь, смотря в сторону детской горки, с которой с задорным хохотом скатывается рыжеволосая малявка. — Василиса моя дочь?

— Что? — Зимина замирает с открытым ртом, лишь глазами хлопает.

— Василиса от меня? — спрашиваю, затаив надежду.

— Ты с ума сошёл? — девушка бледнеет на глазах.

Она явно что-то скрывает. Это видно по её коже, в один миг ставшей блее сметаны. И по сбившемуся дыханию, которое она старательно пытается привести в норму.

— Ответь, Василиса ведь моя? — наступаю на Зимину, и та делает шаг назад.

— Она не твоя, Дима! С чего ты вообще это взял? — неуверенным смешком хочет от меня отделаться.

Но все её реакции только доказывают мою теорию.

— Алиса, признайся! И я обещаю, я всё сделаю для вас. Все твои мечты исполню! Весь мир к твоим ногам положу! Что тебе этот Захаров? Он просто офисный жук, зарабатывает в десятки раз меньше меня. Признайся, что Василиса от меня, и у вас с дочкой будет всё!

— У нас и так есть всё! — рявкает Алиса.

В этот момент у неё звонит телефон.

— Это Женя, — шепчет, взглянув на экран. — Молчи, пожалуйста. Я не хочу, чтобы он ревновал.

Прикладываю палец к губам, мол, клянусь не проронить ни слова. И пока Зиминая щебечет со своим благоверным, тут же иду к малявке.

— Как тебе конфета?

— Вкусная, — отзывается рыжеволосая и съезжает с горки.

— Знаешь, Василиса, я что-то не подумал об этом сразу. Нельзя бегать с жвачкой во рту, можно подавиться!

— Да? — девочка взволнованно моргает, смотря мне в глаза невинно и доверчиво.

— Да! — улыбаюсь. — Плюй жвачку в этот пакетик. Я выкину.

Василиса уверенно подходит ко мне и следует моему указанию.

— Вася, домой! — кричит Алиса, и малявка тут же реагирует.

— Пока, мамин долг! — машет мне маленькой ручкой, убегая вслед за Зиминой.

Я удовлетворённо выдыхаю, убирая пакетик с жвачкой в карман. Теперь у меня есть генетический материал Василисы, и скоро я удостоверюсь, что Алиса родила от меня.

Крепко сжимаю ручку дочки и бегу не оглядываясь с этой чёртовой детской площадки, мимо иномарки Стрельцова и старушек, неизменно сидящих на лавочке у подъезда. Все вокруг будто сговорились, спрашивая у меня одно и то же: точно ли Василиса ребёнок моего мужа? У меня в ушах гудит и сердце в груди предательски болью заходится, потому что я сама на этот вопрос ответа не знаю. Теперь и Димина очередь пришла об этом спросить. И как только догадался?! Как додумался до этого?

— Ма, давай в поезд иглать, — предлагает дочь, как только мы переступаем порог квартиры.

— Сейчас, мама только в ванную сходит, — разуваюсь и скрываюсь за дверь.

Бледная, как моль. Вскрылись все мои раны, а сверху ещё и соль сыпят своими подлыми вопросами.

Дима говорит правду? Что скучает? Что любит? Едва ли я в это верю! Что-то не доброе задумал явно. Охоту на меня открыл. Опытный и властный зверь. А я как пучеглазая бестолковая антилопа повелась...

Ещё и с Женей всё не слава богу! Мысль о тех сообщениях, которые пол одиннадцатого ночи написала ему какая-то Татьяна, просто выводит из себя, заставляя пульс учащаться. Умываюсь холодной водой, окидываю своё отражение придирчивым взглядом. Хочется самой себе по щекам настучать за то, что собственными руками жизнь свою порчу.

Выдыхаю.

За дверью меня ждёт четырёхлетний ребёнок, которого моя истерика явно напугает. Собрав нервы в кулак, выхожу к дочери.

Притворяться очень сложно. Но я мама, в первую очередь. Я должна быть сильной и стойкой, как оловянный солдатик! Всегда счастливая, всегда довольная.

Пока играем, я внимательно смотрю на Василису, будто вижу её впервые. Сознание ищет в ней черты двух мужчин. Законного мужа и бывшего.

Чей же ты, мой котёнок?

Василиса — моя копия. Нет в ней ничего ни от Захаровых, ни от Стрельцовых. И попробуй тут угадай.

После ужина укладываю Василису спать. Женя опять задерживается на работе, и я снова панически боюсь за нашу семью. Липкие щупальца страха бороздят по моему телу, заставляя меня тихо проваливаться в депрессивное состояние. Отвлекает только сказка, которую читаю для доченьки. В сказке нет ни боли, ни страха. Тут всегда счастливый конец — и жили они долго и счастливо. Добро всегда побеждает. Свет превосходит темноту.

Жаль, что в жизни всё не так. Казалось бы, мой хэппи энд уже произошёл, когда я вышла замуж и стала мамой чудесной крошки, но у судьбы порой такие гадкие планы, разрушающие и коварные.

Женя тихо входит в квартиру, когда Василиса уже спит. Я на цыпочках крадусь из детской, и тут же натыкаюсь взглядом на огромный букет красных роз.

— Лисёнок, — с трепетной улыбкой шепчет муж, которого почти не видно за ароматными цветами. — Прости меня за этот месяц, я будто из жизни выпал с этим проектом. Я люблю тебя.

— И я тебя люблю, — отзываюсь тихо, потому что горло дерёт от сдерживаемых слёз.

— Алис, я завтра на работу не поеду. Проведём день семьёй, съездим на пикник! — руки по-хозяйски обнимают мою талию.

Целует в макушку, и становится спокойнее. Муж — моя чудодейственная таблетка. Даже если сердце в ошмётки, а я будто стою на тонущем корабле, Женя всегда знает, как склеить то, что порвалось, как спасти меня от всех бед. И стыдно перед ним за то, что я натворила тогда в баре. Даже щёки снова пылают.

Раннее субботнее утро начинается с завтрака в постель. Нажарил яичницы с беконом и помидорами, улыбается довольно и кормит меня сам, ещё до конца не проснувшись. А я лишь глаза на него таращу и жую старательно.

— Вкусно? — расплывается в довольной улыбке, словно кот, обожравшийся сметаны.

— Угу, — выдаю я.

— Я ещё и кофе сварил, сейчас принесу!

Женя оставляет меня наедине с яичницей и мыслями, галопом скачущими в голове. Давно таких нежностей не было. И хоть момент прекрасный, портить его не хочется, но нотки ужаса закрадываются в певучую мелодию моей души. А вдруг муж так "извиняется" за что-то? За Татьяну, например. Что если у него была близость с другой женщиной, и вот это сказочное утро — попытка сгладить острые углы.

— А вот и кофе, — ставит на столик две кружки с ароматными напитками.

— Жень, — начинаю я, а у самой нервы как струна натянуты. — У нас всё хорошо?

— У нас всё прекрасно! — цепляет вилок бекон и отправляет мне в рот. — Я просто очень уставал на работе, и когда ты захотела поговорить о наших отношениях, повёл себя не красиво, как мудака. Я должен был тебя выслушать.

Перестаю жевать, слушая его бархатистый голос.

— Что ты хотела сказать, Лисёнок? — как выстрел в висок.

Я сейчас явно не настроена сваливать на любимого мужчину горькую правду о том, кем на самом деле является Стрельцов. Теперь ещё и мысли добавились, от кого я Василиску родила, и мне даже заикаться про Диму страшно. А вдруг Васька дочка Стрельцова?

— Алиса, ты чего? — Женя вновь цепляет вилок бекон, и осторожно, с нескрываемым напряжением, заглядывает мне в глаза.

Я молчу слишком долго.

— Жень, — приподнимаюсь на постели. — Давай всё обсудим позже.

— Как скажешь. Сейчас нужно позавтракать и собираться. Василиса очень обрадуется, когда узнает про пикник!

— Это точно! — заставляю себя выдавить улыбку.

Дочка скачет вокруг машины, счастью нет предела!

— Уллл, мы едем на пиммик! — коверкает слово, и мы с мужем переглядываемся, усмехаясь.

Ближайший час проводим в дороге, слушая весёлые детские песни. Женька отлично поёт, заразительно. И мы с Васей подпеваем.

Наше озеро, на которое мы ездим уже три года, находится за городом. Живописное и красивое, удивительно круглое, будто его не природа создала, а люди с точностью до миллиметра выкапывали. Золотой песчаный пляж пустует. Рано ещё, да и погода пасмурная. А у нас с собой большая палатка, будет где спрятаться от обещанного синоптиками дождя.

Женя разводит костёр, будем жарить сосиски, а я за ручку с Василиской гуляю вдоль берега. Пахнет хвоей и влагой. Сосновый лес, раскинувшийся вокруг озера, чуть слышно

скрипит размашистыми ветками.

— Ма, а какая лыба в этом озеле живёт? — дочка не идёт, а передвигается вприпрыжку. Дурачится.

— Разная. Карась, плотва, щука.

— Сюка? — переспрашивает Васька, и я невольно усмехаюсь.

— Да. Щука.

— Ма, а это что за делево? Ёлка?

— Это сосны, большие, старые.

— Ма, о! Смотри какие камешки! — Вася отцепляется от моей руки и начинает собирать рассыпанную на дороге гальку. — Давай их в воду блосать!

Я киваю, и мы, набрав камней, проходим ближе к воде. Занятие очень интересное, особенно для четырёхлетки, а я начала чисто за компанию, а потом увлеклась процессом. Показываю малышке как сделать на воде "блины", и та восторженно распахивает глазищи и пытается повторить.

— Девочки! Сосиски готовы! — голос мужа эхом разносится по лесу.

Малышка забирается на коленки к папе, чтобы дотянуться до глубокой тарелки с сосисками.

— Осторожно, горячее, — предупреждает Женя, ласково прижимает Васю к себе.

Зря я сомневаюсь в его отцовстве. У него с дочкой такая крепкая связь, что остаётся только завидовать. Я просто себя накручиваю. Пока Стрельцов в городе, спокойной жизни мне можно не ждать. И задержится он тут на всё лето точно, пока не построит этот чёртов детский центр. Впереди ещё три месяца ада, и за это время правда в любом случае всплывёт.

Поэтому после еды, пока Василиса играет в установленной палатке, я решаюсь на разговор.

— Жень, — прикусываю губу и опускаю взгляд, а ладошки трусливо потеют. — Я должна кое в чём признаться!

Муж вопросительно изгибает бровь.

— Это касается того, что было пять лет назад, — захожу издалека.

— Твоего бывшего? — Женя сразу соображает в какую сторону ветер дует.

— Да, — киваю, взгляд поднимать боюсь. — Дело в том, что мой бывший... это...

Мучительно вздыхаю, стараясь подобрать слова.

— В общем... Стрельцов Дима, который с тобой сотрудничает, это и есть мой тот самый бывший.

Улыбка стирается с лица моего мужа.

— Повтори, — выдаёт с напором.

Я сильно жмурюсь. Сомневаюсь, что Женя не расслышал мои слова.

— Стрельцов... — запинаюсь от страха. — Стрельцов — мой бывший.

Женя молчит. Я кожей чувствую его взгляд, и мне становится зябко. Потираю плечи, прогоняя непрощенные мурашки.

— Вот значит как, — наконец-то выдаёт муж, и я решаюсь на него посмотреть.

Он злится. Ноздри трепещут от разъярённого дыхания, и сам он весь напряжён.

— Почему сразу не сказала?

— Испугалась, — качаю головой. — Прости меня, Жень.

— Ты с ним виделась?

Я замираю, стеклянными глазами смотрю на воду с мелкой рябью, а со стыда хочется провалиться сквозь землю.

— Виделась один раз. Случайно пересеклись ещё до того, как он начал с тобой сотрудничать.

Муж размашистой пятернёй проводит по своей голове, явно о чём-то задумавшись, а после напряжённо выдыхает.

— Ладно, — устало трёт переносицу. — Работать с ним теперь будет намного сложнее.

— Это был ещё один пунктик, почему я молчала. Просто больше не хочу скрывать.

— Ты правильно сделала, что всё рассказала. Если бы узнал не от тебя, скорее всего разозлился, — Женя смотрит на меня со слабой улыбкой. — Ну всё, иди ко мне. Хочу обниматься.

— Подожди, — я вновь напрягаюсь. — Я прочитала сообщения на твоём телефоне от какой-то Татьяны. Кто она?

— Сестра твоего Стрельцова, — усмехается.

— Во-первых, он не мой. Чей угодно, но, слава Богу, не мой! — закатываю глаза. — И сестру его зовут Света, а не Таня.

— Может у него две сестры?

— Нет! — отрезаю я. — Жень, что у тебя с этой женщиной?

— Я тебе клянусь, ни-че-го! — скандирует муж. — Стрельцов привёл её, говорит, вот, Танечка, моя сестра, учится на архитектора, хочет перенять опыт и знания.

— Танечка! — недовольно фыркаю, сжимая пальцы до боли.

— Алис, нет повода для ревности.

— Мне кажется, Стрельцов что-то задумал! Танечку тебе подсунул. Разлучить нас хочет.

— Зачем? — Женя хмурится, будто что-то подозревая.

— Затем! Жень, он при встрече мне чуть ли не в ноги падал, в любви признавался. И сказал, что пожалею, если не соглашусь по-хорошему к нему вернуться! — приукрашиваю нарочно.

Описывать преследования не хочу. Уже соврала, что виделась с ним только один раз. Знаю, не правильно, мерзко. Не должно быть лжи в семье. Но я так сильно боюсь потерять Женю, что предпочту умолчать о всех подробностях. Тем более я разобралась в своих чувствах. Там, рядом с именем Стрельцова в моём сердце, стоит жирная точка.

— Ну, Таня эта на самом деле подозрительно себя ведёт, — Женя отводит взгляд в сторону. — Наряды у неё весьма вызывающие, и поведение такое же. Как у опытной проститутки.

— Па, а кто такая проститутка? — внезапно возникшая рядом Василиска пристально смотрит на нас.

Муж тушует, взволнованно моргает и бросает на меня вопросительный взгляд.

— Говори как есть, — пожимаю плечами.

— Это такая тётя, которая спит с разными дядями! — выдаёт Женя, и я едва сдерживаю смех.

— Спит с дядями? — испуганно уточняет дочка.

— Да, малыш. Это очень плохая тётя! — серьёзным тоном подтверждаю слова мужа.

День на природе проходит быстро. Успеваем и в мяч поиграть, и полежать в палатке все вместе, и потрепать щенка, которого привезла к озеру на прогулку влюблённая молодая парочка. Когда едем домой, на улице уже темнеет, и Василиска засыпает прямо в своём кресле.

Следующим утром провожаю Женю на работу в дверях.

— Я рада, что мы вчера поговорили, — целую его в выбритую щёку. — Будь осторожнее с этой Таней. И с Димой тоже.

— Как прикажешь, Лисёнок! До вечера.

В обед звонит свекровь, которая уже успела соскучиться по внучке, и я везу Василиску в гости к бабушке.

У самой накопились домашние дела. Приготовить нужно. И постирать. Да и по мелочи — пыль стереть, пол помыть.

У подъезда снова стоит эта проклятая ауди.

Я ускоряю шаг, чтобы пролететь в подъезд незамеченной, но это почти нереально.

— Алиса! — окликает знакомый голос, и я недовольно вздыхаю.

— Отвали от меня! Отвали! — вскрикиваю.

— Алиса, у меня к тебе серьёзный разговор! — Дима выходит из машины и идёт ко мне. Хорошо хоть бабульки сегодня не на посту. Лавочка пустая, но я уверена, палят из окон.

— Нам не о чем разговаривать, Дим. Я устала. Я не хочу тебя видеть! — тараторю быстро, а Стрельцов всё ближе.

Если побегу, он попытается догнать? До подъезда шага три, и я легко могу скрыться.

— Алис, я спрашиваю последний раз, — сверкает тёмными злыми глазами. — Василиса моя дочь? М?

— Да что ты пристал!?! — возмущённо взмахиваю руками. — Конечно она не твоя!

— Ты уверена?

— Дима, оставь в покое меня и мою семью!

— А если Василиса моя? Что тогда ты будешь делать? У меня достаточно связей, чтобы отсудить её у тебя!

Сердечко ёкает в груди, и я теряюсь.

— Ну, что молчишь?

— Она не твоя, — шепчу одними губами.

— Значит, ты сейчас сядешь в мою машину, и мы вскроем этот конверт, — бывший машет какой-то бумажкой прямо у меня перед носом. — Я сделал тест на отцовство.

В глазах темнеет, а ноги становятся ватными.

На этих подкашивающихся ногах я плетусь в его машину.

Перед глазами мельтешат тёмные пятна, а надежда на лучшее медленно тает, словно восковая свечка от жаркого пламени. Закрываю глаза, и дверца иномарки захлопывается. Чувствую себя в ловушке.

Стрельцов садится на водительское сиденье и бросает мне на колени конверт.

— Здесь откроешь, или прокатимся? — его голос эхом звенит в голове, и я закрываю глаза.

Всё равно всё плывёт.

— Поехали, — шепчу тихо, не слышу собственный голос из-за грохочущего учащённого пульса.

Дрожащими пальцами сминаю бумагу, а сама дышать боюсь. В этом конверте ответ на главный вопрос. Вся моя дальнейшая жизнь сейчас зависит от того, что я прочту, когда его открою.

Спустя какое-то время мне удаётся собраться и взглянуть на Диму. Он злорадно ликует. Моя неадекватная реакция, видимо, убедила его в том, что Вася — его дочка.

Дима тормозит у городского пруда. Знакомое место. Я поджимаю губы и молчу.

— Открывай, — приказным тоном произносит бывший, прожигая меня кровавым взглядом.

Непослушной рукой разрываю край конверта, внутри буря из отчаяния и страха. Скулить хочется. Спрятаться, забиться в угол и выть по звериному.

— Где ты взял генетический материал Василисы? — спрашиваю не своим голосом, хриплым и дрожащим.

— Следить нужно за ребёнком внимательнее! — язвительно оголяет зубы в улыбке.

— Серьёзно, Дим. Где?

— Помнишь я подходил к вам на площадке, дал дочке нашей жвачку?

Я тяжело вздыхаю. "Нашей дочке"...

— Понятно, — одними губами.

Достаю бумагу из конверта, а перед глазами всё плывёт от слёз. Влага с ресниц капает на буквы, а рассудок медленно погружается в мрак и холод.

— Ну что там? — нетерпеливо отбирает бумагу, а я закрываю лицо ладонями и истерично всхлипываю.

Повисшая тишина, кажется, длится целую вечность.

— Блять, — наконец-то шепчет Дима с нескрываемым разочарованием, и только после этого я могу открыть глаза и посмотреть на мужчину.

Он зол. Ноздри трепещут, на лице выступили раздутые синие вены.

— Твою мать! — сминает бумагу и отшвыривает её мне на колени, сильными пальцами стискивает кожаный руль так, что костяшки тонких пальцев белеют.

Я быстро хватаю листок, и, расправив его, нахожу главную строку: вероятность отцовства — ноль процентов.

Выдыхаю, притянув бумагу к своей груди.

— Я же сказала, что она не твоя, — губы дрожат в едва различимой улыбке.

— Сука! — взрывается Стрельцов и стучит кулаками по рулю.

Я вздрагиваю и интуитивно вжимаюсь в кресло.

— Ты всё равно будешь моей, — яростный взгляд припечатывает меня к сидению ещё сильнее. — Я люблю тебя, Алиса! Я дышать без тебя не могу! Я верну тебя любой ценой.

По лицу бывшего текут слёзы, а у меня сердце бьётся в бешеном ритме от страха.

— Дим, хватит! Я...

— Ты моя, Алиса! Моя! — тянет ко мне руку, а я не шевелюсь.

Будто парализовало от нахлынувшего ужаса.

Холодная ладонь Димы ложится на мою щёку, гладит нежно, осторожно.

— Отпусти, — пишу я, сдерживая новую порцию слёз.

— Ну почему ты такая холодная? А? Зимина... — шепчет тихо, большим пальцем проводит по моей нижней губе.

Цепенею от его прикосновений, и где-то под кожей проносится жаркая волна, опалает от шеи и вниз по позвоночнику.

— Дим, оставь нас в покое, пожалуйста! — медленно моргаю и забываю дышать.

— Я люблю тебя, — умоляюще шепчет.

А я лишь отрицательно головой качаю и всхлипываю:

— Я люблю Женю. Женя любит меня. А ты... ты ведь сам от меня отказался.

...

Алиса бледная, и кожа её холоднее льда. Смотрит на меня из-под густых ресниц, покрытых влагой. Дышит тяжело, колени мучительно сводит.

Бойтся меня.

Маленькая, хрупкая. Моя девочка. Когда-то она была нежная, как шёлк. Ласковая. Со своей бесячей всепрощающей любовью. Только вот измену она так и не смогла простить. Не переступила через гордость, не предала свои принципы. Оказалась сильнее и решительнее, чем я думал.

— Алис, я не смогу без тебя, — обречённо шепчу в пустоту, перебивая её рваное дыхание.

— Сможешь, — отзывается также тихо. — Отпусти меня.

И я отпускаю. Потому что осознаю, что насильно я её не удержу. У неё есть муж, ребёнок и счастье. Пока что есть.

Но я всё это разрушу.

И тогда Зимица сама приползёт. Сама будет проситься ко мне. В любви будет признаваться.

— Не боишься, что я расскажу твоему мужу, кто я на самом деле? — ухмылка скользит по лицу.

— Не боюсь, — Алиса гордо поднимает голову. — Он уже всё знает.

Алиса открывает дверь машины, впуская в салон свежий тёплый ветерок. Отъезжаю от пруда, оставляя её одну на берегу. В зеркало вижу, как зябко она потирает ладонями худые плечи, как слёзы смахивает, закрыв глаза. А у самого рассудок мутнеет.

Для того, чтобы так отчаянно и яростно ненавидеть, нужно очень сильно любить. И я верну её любовь.

— Таня! — рываю с порога, и тут же с кухни выходит рыжеволосая девушка.

— Ты не на работе, — не спрашивает, утверждает.

Знает, что сейчас её ждёт. Растёгиваю ширинку на ходу, предвкушая скорое удовольствие. Я касался Алисы. Обычно после такого у меня всё случается.

— Давай, девочка, отработай деньги, которые я тебе заплатил.

— Нет, — неожиданно выговаривает эскортница, и я удивлённо хмурю брови.

— В смысле "нет"? — непонимающе моргаю.

— Те деньги я уже отработала.

— Таня, не наглей. Знай своё место. Ты всего лишь шлюха.

— В первую очередь я тоже человек! — упрямо смотрит мне в глаза. — Я больше не хочу тебя ублажать, Дим.

Только сейчас замечаю в коридоре дорожную сумку. Значит, Танечка собралась уезжать. Опять.

— Я заплачу, Тань.

— Не надо, — улыбается. — На этом наши пути расходятся.

— У нас есть ещё одно общее дело. Ты не забыла?

Эскортница напряжённо выдыхает и устало качает головой.

— Я не хочу в этом участвовать. Не хочу разрушать семью. Ладно бы ты раскаялся за измену, понял свою ошибку! Но ты же никаких выводов так и не сделал.

— Сделал, — усмехаюсь. — В следующий раз я буду осторожнее подходить к выбору очередной пассии и тщательно скрывать походы налево.

— В этом ты весь, — Таня отмахивается и торопливо идёт на кухню.

Направляюсь следом за ней, хватаю за шею и прижимаю её к столу, наклонив перед собой. Член трётся об упругую задницу в крошечных шортиках, и кровь моментально отливает от башки.

— Пусти! — плачет девушка, а я в ответ ловким движением руки стягиваю с неё шортики вместе с кружевными стрингами.

— Ты сделаешь то, что должна, — наклоняюсь к её голове и шепчу в затылок.

Натягиваю резинку и, добавив смазки из тёмной баночки, врываюсь в её пространство.

Прийти в себя после пережитого оказалось сложнее, чем я думала.

За уборкой квартиры я не замечаю, как летит время. И мысли разные в голову лезут, но я старательно и их по полочкам раскладываю.

Всё таки я рада, что Стрельцов сделал тест на отцовство. Теперь я могу спокойно выдохнуть и жить как раньше, точно зная, что Василиса — плод нашей с Женей большой любви.

— Я дома! — муж появляется на пороге квартиры, и я бросаю дела и бегу встречать.

— Жень, нужно бы за дочкой съездить, — говорю в попыхах, пока он не разулся.

— Я с мамой говорил, Василиска переночует у неё, — цепкий взгляд зависает на мне.

— Значит, у нас свободная ночь, — протягиваю с улыбкой.

Как же давно у нас не было секса. Я за это время успела изголодаться. Утопая в собственных проблемах и додумывая ситуацию с сообщениями от Татьяны, я вовсе перестала жить. Существовала. Плыла по течению и ничего вокруг не замечала.

А теперь, когда всё наконец-то встало на свои места, и выяснялась правда, я могу выдохнуть.

— Устал на работе? — заботливо обнимаю Женю, утыкаюсь носом в его шею.

— Ну как сказать... Сложности с этим Стрельцовым очень изматывают, — мужчина притягивает меня в свои крепкие объятия. — Я не хочу говорить о работе, Лисёнок.

— Я не успела ужин приготовить, — виновато качаю головой.

— Не страшно, собирайся. Поужинаем в кафе.

Воодушевляюсь таким предложением и тут же бегу выбирать платье, и уже через полчаса я во все оружие появляюсь в спальне, где муж смотрит телевизор.

— Алиса, — восхищённо произносит мужчина, осматривая меня с ног до головы. — Какая же шикарная женщина мне досталась.

Женя подпрыгивает с постели и тут же прижимает меня к стене, накрывает губы жадным поцелуем и шаловливая рука скользит по моему бедру, сминая лёгкую ткань короткого платья.

— Ммм, — стонет мне в губы, наткнувшись пальцами на резинку чулок.

— Жень, нас ждёт кафе, — упрямо ставлю ладони на его широкую грудь и заглядываю в глаза.

— Лисёнок, кафе никуда не денется. Я соскучился, — скользит пальцами по моей ноге, пробираясь всё ближе к трусикам.

— Жень, — я невольно отстраняюсь и смеюсь. — Щекотно!

— Щекотно? — с ехидной ухмылкой переспрашивает и тут же специально скользит пальцами по внутренней стороне моего бедра, вызывая новую порцию щекотки.

Я взрываюсь смехом, отскакивая от мужчины. Как дети малые, зато столько счастья.

— Ну ладно, поехали, миссис Недотрога, — зовёт меня жестом руки, делая шаг в сторону прихожей.

— Поехали, — хитро щурю глазки, а с лица улыбка не сходит. — Мистер Приставун.

— Это я то Приставун?

— Да, — обгоняю Женю, но он снова сгребает меня в свои объятия.

— Если бы я приставал, ты бы так просто от меня не отделалась, Лисёнок. Уже стонала

бы на кровати!

Щёки моментально вспыхивают краской.

— Я проголодалась, — целую мужа в нос.

— А я то какой голодный, — берёт мою руку и притягивает ладонь к своей ширинке.

Чувствую, как пульсирует, как упирается в ткань джинс. Готов войти в меня в эту же секунду и отправить на седьмое небо.

— Я про еду, любимый, — отстраняюсь. — Жду не дождусь когда мы уже окажемся в кафе.

По дороге муж всё таки рассказывает о своей работе, а я делаю вид, что внимательно слушаю. На самом деле мысли всё ещё вертятся вокруг Стрельцова. Он оставил меня в полном смятении у того пруда, уехал. Но его слова крепко засели в голове. Он ведь не успокоится. Всё сделает, чтобы разрушить моё счастье. Повезло, что Женя у меня понимающий и не сильно ревнивый, другой бы на его месте уже взбесился и что-нибудь вытворил. Хорошо, что я замужем за адекватным Мужчиной — с большой буквы!

Муж заботливо усаживает меня за столик, официант дежурно приносит меню.

— Алис, у нас с тобой уже заходил вопрос о втором ребёнке, но мы ничего не обсудили, — начинает Женя.

— Я думала над этим, — листаю странички, рассматривая аппетитные блюда.

— И что ты скажешь?

— А ты кого хочешь, мальчика или девочку?

Женя расплывается в довольной улыбке и нежно накрывает мою руку своей большой тёплой ладонью.

— На самом деле я хочу ещё двоих, — сознаётся так, словно это большая тайна, вкрадчиво и осторожно.

— Двоих? — я удивлённо моргаю.

— Да. Ещё двух девочек, маленьких принцесс.

— Девочек, значит, — вздыхаю. — А я, наверно, хотела бы двоих пацанов.

— Ну, милая, пацанами должен заниматься отец. А ты сама знаешь, что с моей работой совсем нет времени на воспитание.

— Знаю, — согласно киваю. — Ты думаешь, что я не смогу вырастить из мальчиков настоящих мужчин?

— Я думаю, что воспитание мальчиков — задача отца.

— Я справлюсь, а ты поможешь, — возвращаю взгляд в меню, примечаю салат с морепродуктами, который хотела бы попробовать.

— Алис, нам нужно родить вторую девочку.

— Как будто у нас есть выбор! — фыркаю. — Пол ребёнка нельзя выбрать, к сожалению.

— К счастью! — поправляет муж. — А то ты бы выбрала мальчиков. Всех троих.

Усмешка скользит по лицу, и я перевожу взгляд в сторону окна. На город медленно опускаются сумерки. Летняя ночь обещает быть тёплой и лунной, уже виднеются первые звёзды — маленькие бледные точки на чернично-фиолетовом полотне. Фонари зажигаются все разом, прогоняют темноту, озаряют пространство. И у меня тоже так светло на душе, как в ясный день. Нет больше гложащих сомнений и душевыворачивающих недосказанностей. Гармония и животрепещущее умиротворение растекаются под кожей, возвращая меня в привычную размеренную жизнь, где меня любят и я люблю, где нет места гнусной лжи, где

правит добро. Одно только тревожит. Стрельцов сказал, что вернёт меня любой ценой.

После всей боли, которую он причинил, ему хватает наглости вновь вторгаться в мою жизнь и рушить мою семью. Дима думает, что имеет на это право.

— Жень, — поднимаю взгляд на мужа и робко улыбаюсь. — Мы же с тобой любим друг друга?

— Конечно, — отзывается мужчина, смотря на меня с нежностью и теплотой.

— И мы простим друг другу всё, правда?

— Правда, Лисёнок.

После кафе в животе бабочки. Чувствую, что ночь будет жаркой и бессонной, а потом я целый день буду клевать носом играя с малышкой Василиской.

Муж не ждёт, пока мы войдём в квартиру, набрасываясь на меня прямо в подъезде у нашей двери. Прижимает к стене, нагло задирает подол платья.

— Женья! — испуганно вскрикиваю, стараясь прикрыть оголившуюся задницу.

— Так интереснее, Лисёнок, — рваным дыханием дышит мне в губы, скользит ладонью по резинке чулок.

— Соседи же увидят, — невольно смеюсь, стискивая колени.

— Ну и пусть посмотрят! — усмехается муж, и его нога чётко встаёт между моими, не давая мне шанса зажаться.

Целует шею, всасывая кожу своим горячим ртом. Внизу живота воспламеняется шар, и я задыхаюсь от острого возбуждения, как только пальцы родного мужчины скользят по кружевным трусикам, оттягивая резинку.

— Давай зайдём в дом, — умоляюще шепчу, а сама уже почти не соображаю.

— Зайдём, не переживай, — запускает пальцы в мои трусики и находит набухший бугорок клитора.

Уверенными движениями ласкает меня, и я забываю, что мы находимся в чёртовом подъезде, и что если кто-то заметит, будут обсуждать всем двором и осуждать.

Но как только сильные мужские пальцы скользят дальше, по влажной раскалённой коже, ловко проникая в моё пространство, я вовсе перестаю соображать.

— Женья, — протягиваю с придыханием, утыкаясь в его плечо и крепко обнимая ладонями.

Уверенным движением свободной руки мужчина отрывает мою ногу от земли, и его пальцы входят в меня глубже, набирая темп. В груди зарождается стон, и я выпускаю его с хрипом и наслаждением.

— Я же говорил, что голодный, — шепчет мне на ухо. — Нужно было сделать ЭТО до кафе.

Нахожу его губы и облизываю кончиком языка. Муж отзывается сразу. Впивается так, будто я — самое желанное, что есть на планете.

На ощупь нахожу в сумке ключи и протягиваю ему. Женья с неохотой отрывается от меня, открывает дверь в квартиру и смотрит потемневшими глазами.

На ходу расстёгивает рубашку, и снова прижимает меня лицом к стене. Увесистая мужская ладонь звонко шлёпает меня по заднице, и я вскрикиваю. Его пальцы цепляют трусики и медленно тянут вниз. Лёгкое кружево падает в ноги, и я закрываю глаза.

— Лисёнок, ты такая красивая, — шепчет Женья, надавливает мне на копчик и заставляет прогнуться. — Я хочу, чтобы и вторая наша дочка была похожа на тебя.

— Давай сделаем вторую дочку, — прикусываю губу.

Язык мужа проходит по моему бедру, оставляя влажную дорожку и вызывая волну мурашек. Осторожно скользит по влажным складочкам, и я со стоном прогибаюсь сильнее, подставляя себя для ласки. Обняв ладонями мои бёдра, мнёт их сильными пальцами, а твёрдый язык уверенно выписывает узоры на клиторе, вырывая из меня мучительные стоны.

Я так хочу почувствовать его в себе, что это желание болью отзывается внизу живота, но Женя увлекся, и я чувствую надвигающийся взрыв. Царапаю ногтями обои на стене, вскрикиваю, и волна оргазма, словно цунами, накрывает меня с головой. Муж довольно отрывается от нежных ласк, встаёт. Головкой члена проводит по пульсирующему влажному клитору, скользит в мокрые складочки и входит вглубь, медленно и осторожно, заставляя пространство сжиматься.

Вторая волна не заставляет себя ждать. И пока я бьюсь в новом экстазе, а стоны разрывают тишину квартиры, Женя кончает, наполняя меня белой жидкостью.

— Хватит реветь, Тань. Бесишь.

Рыжеволосая натягивает парик, поправляет локоны и снова всхлипывает.

— Будешь слёзы лить, получишь ещё! — рявкаю не сдержавшись.

Таня обиженно дует губы и смотрит на меня с ненавистью и презрением. Я её изнасиловал, видите ли. А сегодня, когда она предъявила мне, не выдержал и ударил.

— Я тебя ненавижу! — шипит. — Ты маньяк! Насильник! Тебе даже не в психушку дорога, а сразу в тюрьму! Бедная Алиса, как она вообще могла с тобой связаться.

— Не бубни, — отмахиваюсь с улыбкой.

Эскортница расширяет глаза, со злобой выдыхает воздух.

— И глаза не пучь, а то выпадут из орбит! — подходу ближе, чувствую запах её страха.

Это так возбуждает. Её дрожь, её сбившийся пульс и напряжённое дыхание.

— Если ты не сделаешь то, что я сказал... я убью тебя, Таня. Я не шучу.

По её шее мчатся мурашки, и я целую её кожу, кусаю жадно, оставляя след зубов. Из глаз эскортницы прыскают слёзы, и она жалобно пищит от боли, стискивает губы и зажмуривается.

— Сделаешь, что должна, и можешь возвращаться на родину. Больше ты мне не понадобишься.

В офисе "Алого паруса" встречаемся с Захаровым. Он сегодня на удивление довольный. Видимо, все выходные развлекался с моей Алисой.

От этой мысли будто иглы под кожу впиваются.

Никто не должен трогать то, что принадлежит мне. Зимина моя. И очень скоро всё разрешится в мою пользу. Как только Евгений Андреевич увидит красочные фотографии, где я трахаю "его жену", их семейное счастье рухнет. И на этих руинах уже ничего не построишь. Любовь завалит глыбами камней, не оставив ей шанса на воскрешение.

Таня очень постаралась, чтобы снимки получились великолепными. Даже волосы на десять сантиметров отрезала, чтоб как у Алисы были. И платье нашла точно такое же, в каком Зимина была в баре-караоке.

Пять фотографий. И каждая из них расскажет Захарову великолепную историю о том, как благоверная жёнушка рогов ему наставила.

— Здравствуйте, Евгений Андреевич, — пикает Таня, натягивая приветливую улыбку.

А потом всё равно на меня косится.

— Доброе утро! — отзывается Захаров.

Всё таки харя у него так и светится от счастья. Я бы с радостью посмотрел на него, когда он увидит фотографии меня и подставной Алисы. Хотел бы своими собственными глазами лицезреть, как медленно стирается его улыбка, как во взгляде проскальзывает удивление, сменяющееся неистовой ненавистью и ревностью.

— А я сегодня уезжаю, попрощаться зашла, — Таня хлопает ресницами. Невинная овечка, ей богу. — Спасибо вам, Евгений Андреевич, я многому у вас научилась.

— Очень жаль, Татьяна Борисовна. Вы — отличная ученица. Желаю вам роста и процветания в нашем нелёгком архитектурном ремесле.

— Спасибо. У меня для вас подарок! — Таня достаёт из пакета большую завернутую в подарочную упаковку вещицу. — Это книга. Она про новые архитектурные приёмы. Думаю,

это полезный подарок.

Захаров деловито щурит глаза и потирает руки, прежде чем принять Танькин подарок.

Книга с сюрпризом.

Распакует упаковку, а там помимо книги пикантные фото подставной Алисы на моём члене.

После прощания Тани с Захаровым, я захожу к генеральному директору, чтобы разорвать контракт о строительстве детского центра. Не стоит мне пересекаться с Женей после того, как он всё увидит.

Отвожу Таню на вокзал и возвращаюсь в пустую квартиру.

Осталось только дожидаться благоприятные новости о распаде славной и дружной семьи Захаровых.

...

Укладываю Василису, а сама на часы кошусь. Время уже близится к одиннадцати, а Жени всё ещё нет дома.

Когда дочка засыпает сладким сном, выхожу на кухню и набираю номер мужа. Сбрасывает. Через десять минут звоню ещё раз. Сбрасывает.

Второпях пишу смс:

"Женя, ты где пропал? Я соскучилась"

Ставлю вместо точки смайлик — обнимашку и красное сердечко.

Нервно жду ответа, выглядывая в окно.

Почему сбрасывает звонки? Случилось что-то? Или, может, подъезжает уже?

Жду ещё десять минут и вновь набираю номер мужа. Сбрасывает звонок.

Руки начинают дрожать, а в голову всякие мысли гадкие закрадываются. Сажусь на подоконник и набираю новое сообщение:

"Милый, у тебя всё хорошо?"

Ответа нет, хотя сообщения прочитаны.

Стрелки кухонных часов ползут медленно, и как только пересекают двенадцать ночи, я снова набираю номер мужа. Абонент вне зоны доступа.

Сердце падает в пятки, и я вся цепенею от ужаса. Точно что-то случилось. Воздуха становится мало, и что-то гложет изнутри. Предчувствие плохое, даже голова кружится и ладошки нервными красными пятнами покрываются.

Ничего лучше не придумав, решаюсь позвонить Анастасие Сергеевне. Сердце мне подсказывает, что она, должно быть, что-то знает.

— Ало! — суровым тоном выговаривает свекровь, а у меня учащается пульс.

— Анастасия Сергеевна, я вас не разбудила? — осторожно интересуюсь я, утыкаясь лбом в холодное стекло и осматривая двор за окном.

— Нет. Мы не спим, — голос звучит враждебно.

— Женя у вас?

— У меня.

Повисает тишина. Я с облегчением выдыхаю. Уже напридумывала себе всякого, даже о самом страшном подумала... будто с Женей что-то случилось и он в больницу попал. Или ещё чего хуже — в морг.

Вздрагиваю от этой мысли.

— Анастасия Сергеевна, когда Женя домой собирается?

— А что ему дома делать-то? — злобно усмехается свекровь, и я вновь едва заметно

напрягаюсь.

— В каком смысле? Я дома, Василиса дома. Мы его ждали... — спешно бормочу я, ничего не понимая.

— Знаю я, как ты мужа ждёшь! — Анастасия Сергеевна срывается на крик, и я чуть ли не роняю телефон.

Нервы натягиваются, как канаты.

— Что случилось? — произношу почти шёпотом.

— А сама ты не знаешь, что случилось?

— Мама, хватит! Не разговаривай с ней! — слышу голос Жени, и сердце на мгновение перестаёт стучать.

Почему со мной не стоит разговаривать? Что вообще, мать твою, происходит? За что он так меня наказывает?

У нас были превосходные выходные. Мы ходили в ресторан, занимались любовью, ездили вместе с дочкой на речку. Василиса даже не испугалась и в воду вместе с папой зашла. А тут начало недели, и моего родного мужа будто подменили. Сам не свой. Домой не приехал, на звонки не отвечал, как и на сообщения. Ещё и это "не разговаривай с ней" как пуля в висок.

Неужели он узнал о поцелуе со Стрельцовым? Дима ему всё рассказал? Или не просто рассказал, а ещё и приукрасил? Да, это в его стиле.

Но мой муж не такой доверчивый баран, чтобы на слово поверить!

Женя бы обязательно узнал правду у меня.

— Не звони сюда больше, Алиса. Тебе здесь не рады! — отрубает свекровь и сбрасывает вызов.

В полном смятении и смотрю в экран своего телефона. Стараюсь собрать пазлы, сопоставить факты.

Что такого мог сделать Дима?

Сидеть и ждать, когда Женя одумается и выйдет на связь я не могу, это выше моих сил. Внутри всё агонией сжимается, когда представляю, что потеряла его.

Муж нужен мне, как кислород. Я без него жить не хочу. Могу, но не хочу.

Если Стрельцов действительно рассказал ему что-то, то я должна опровергнуть его слова. Женя любит меня. Он мне поверит.

Одеваюсь и прохожу в детскую.

— Василиса, — глажу малышку по рыжим кудряшкам. — Просыпайся, солнышко.

— Уже утло? — удивлённо моргает сонными глазками и зевает.

— Нет. Сейчас ночь. И нам нужно срочно поехать к бабушке!

Вызываю такси и принимаюсь быстро одевать свою рыжеволосую малышку. Мозг отказывает. И на душе кошки царапают до боли, до крови, в мясо раздирают и грызут.

— Ма, а зачем нам ночью к бабуле? — Василиса зевает, пока я натягиваю на её ножки ботинки.

Голос дочери эхом разносится в моей голове. Видимо, с ума схожу. Поднимаю взгляд на малышку, а та часто моргает. Ещё не проснулась до конца. Похожа на взъерошенного воробушка.

— Милая, — стараюсь придумать достойный ответ, а у самой и руки прошибает дрожью, и голос срывается.

Закрываю глаза, лишь бы не разрыдаться прямо при ребёнке.

Неужели, Женя поверил Стрельцову? Дима мог сделать любую подлость, наговорить всякого, расписать то, чего не было в таких красочных подробностях, что не поверить ему просто нереально. Я хорошо знаю бывшего и уже успела убедиться в том, что он мерзкий человек. Дима как паразит проникает в сознание и медленно выворачивает наизнанку всё, что было привычным и понятным, ставит свои правила, свои условия, свои требования. И ему невольно подчиняешься, со временем принимаешь его сторону. Меняешь свои убеждения и жизненные приоритеты. Теряешь себя.

— Ма, ты плачешь? — Василиса вырывает меня из собственных мыслей.

— Нет, малышка, не плачу, — с горечью бормочу я.

Будто выкарабкиваюсь из-под завала камней, наконец глотаю кислород, и голова кружится.

— Такси приехало, идём, — хватаю дочь за руку и решительно выхожу из квартиры.

Что бы ни случилось, наша с Женей любовь всё переживёт. Я более чем уверена, что в таком странном проведении мужа виноват Дима.

Я приеду.

Мы сядем и спокойно поговорим.

И всё встанет на свои места. Я всё объясню. Смогу убедить Женю, что не виновата.

Пока едем в такси, болтаю с Василисой, чтобы в машине не уснула.

Медленно поднимаемся в квартиру Анастасии Сергеевны, у меня под кожей вновь проносится жаркая волна. Почти болезненная. Отравляющая.

Кусаю губы и крепко сжимаю руку Василисы.

— Бабуляяя! — верещит дочка, обнимая Анастасию Сергеевну.

Свекровь кривится, смотрит мне в глаза с вселенской ненавистью.

— Зачем пришла? — цедит сквозь зубы.

— Мне нужно с Женей поговорить.

— Не о чем вам разговаривать.

— Анастасия Сергеевна, где мой муж? — набираюсь решительности.

— Уходи, Алиса. Васю я у себя оставляю, а вот ты...

— Где Женя? — снова задаю вопрос, перебив женщину.

Она недовольно вздыхает и игнорирует меня.

— Зайчик, ты наверно спать хочешь? Пойдём, я тебе постелю, — ласково гладит мою дочку по голове и едва заметно улыбается.

— Анастасия Сергеевна! — с напором. — Я хочу увидеть Женю.

— Он спит!

— Я тоже хочу спать, — жалобно тянет Василиса, и Анастасия Сергеевна открывает дверь в спальню.

— Иди, моя сахарная. Я сейчас тебя уложу.

Как только малышка скрывается за дверью, взгляд свекрови выстреливает в меня.

— Алиса, уходи.

— Я не уйду, пока не увижу Женю. Я не понимаю, что происходит! Анастасия Сергеевна, пожалуйста, позовите моего мужа, — лихорадочно бормочу я.

Словно в густом тумане я ничего не соображаю, и перед глазами проносятся вспышки.

Женщина устало вздыхает, косит взгляд в сторону кухни, напряжённо качает головой, а после прикладывает ко лбу ладонь, стирая испарину.

— Он на кухне? — я делаю шаг, но свекровь хватает меня за плечо сильно и уверенно, тормозит мой порыв.

— Женя не будет с тобой разговаривать! — шипит.

— Тогда вы скажите, что происходит? — умоляюще выговариваю я дрожащим голосом, и слёзы реками бегут по щекам. — В чём я провинилась? Что я сделала? Я люблю Женю, я не хочу без него жить, понимаете? Мне нужно его увидеть!

— Раньше нужно было думать, Алиса, — отрезает Анастасия Сергеевна и крепче впивается пальцами в моё плечо.

— Алиса, — кухонная дверь открывается, и в проёме появляется он.

Мой муж.

С пьяными туманными глазами, красными и уставшими, с бутылкой дешёвой водки в руке и запахом перегара.

— Женя! — взвизгиваю и бросаюсь к нему.

Обнимаю крепко, сильно сжав в ладонях ткань его футболки. Утыкаюсь лбом в мужскую грудь и всхлипываю. Цепляюсь за него непослушными руками, как утопающий за спасительный круг.

Он рядом.

Он здесь.

— Алиса, — вновь произносит Женя, и в голосе скользит отчуждение и злость.

— Женечка, — шепчу беззвучно, одними губами. — Родной мой.

Не замечаю, как Анастасия Сергеевна скрылась в спальне, как стрелки часов медленно поползли, отсчитывая минуты. Оторваться от мужа сейчас, как сорваться в пропасть. А он стоит молча и смирно, как каменный, лишь ровно бьющееся сердце в его груди сообщает мне о том, что он живой.

Он не отталкивает.

Но и не обнимает.

— Женя, — решаюсь первой начать разговор и взглянуть в его глаза.

Стеклянные. Холодные. Где-то в глубине такой мрак поселился, что выть моментально хочется.

— Женечка, — робко повторяю я. — Что случилось?

— У тебя хватает совести задавать мне этот вопрос? — стальной голос без капли сожаления и сочувствия.

— Я ничего не понимаю, — обречённо.

— Не понимаешь? — усмехается.

Хватает меня за плечи, до боли сжимает, хрупкие косточки хрустят. Встряхивает, заставляя разжать ладони на его футболке и отшатнуться.

— Женя! — вскрикиваю то ли от острой боли, то ли от обиды и отчаяния.

— Замолчи! — отталкивает. — Алиса, какая же ты тварь! Пряталась за маской ангела, а сама... — Муж хватается за голову, морщится. — За моей спиной!

— Я ничего не делала! — стараюсь говорить как можно тише, чтобы не напугать Василису за стеной. — Жень, это всё не правда! Что Стрельцов тебе наговорил? М? Это ложь!

— Ложь? — нервно смеётся мне в лицо.

— Да, ложь. Дима очень хитрый и изворотливый. Как змея!

— Поэтому ты трахалась с ним?

— Я с ним не... — запинаясь, воздуха мало. — Не трахалась!

— Да? — ведёт бровью и хватается кисть моей руки, тащит за собой на кухню. — А это тогда что?

Как слепого котёнка, буквально носом тыкает меня в фотографии.

Я распахиваю глаза и перестаю дышать.

Сердце как будто кипятком обливается, а душа выворачивается мясом наружу.

— Это не я, — шепчу в пустоту.

Передо мной фотографии меня и Стрельцова. Живые и настоящие. Такие, будто сделанные исподтишка. Фотографии, рассказывающие историю моей измены. Девушка так сильно похожа на меня, что мурашки от ужаса по коже бегут. На одном из снимков у неё даже платье такое же, в каком я была в ту ночь в баре — караоке. Следующие четыре фотографии уже без одежды.

Смотрю на снимки с отвращением и неверием до тех пор, пока слёзы не начинают капать.

— Я сначала не поверил, — выговаривает голос мужа, настолько едкий и отравляющий, что меня шатает.

— Это не я, Жень. Это не я. Это не я, — повторяю, словно в бреду.

К такому я готова не была.

— Я подумал, что тебя подставили, — продолжает муж не человеческим голосом, давая мне надежду.

— Так и есть. Меня подставили.

— А потом я присмотрелся, — показывает мне фотографию, на которой отчётливо видны родинки на спине у девушки. Такие же родинки, как у меня. В точности до миллиметра.

Стрельцов продумал всё до мелочей. Он не оставил мне шанса оправдаться и реабилитироваться в глазах мужа.

Сердце сжимается, и в груди появляется большая кровоточащая дыра. Дышать становится невозможно, а я лишь закрываю лицо ладонями.

— Алиса, — Женя наконец-то говорит с горечью.

Я чувствую его боль. Он в шоке. И он меня ненавидит.

— Я завтра же подаю на развод.

— Женечка, — собственный шёпот оглушает. — Жень, ну ты же умный мужчина! Неужели ты веришь, что я могла предать тебя?

— А как тут не поверить? — качает головой.

— Женечка! Это же не я! Не я! — проваливаюсь в истерику.

Пульс долбит в ушах, лицо покрывается красными пятнами, по телу бежит холодный пот.

Делаю шаг к мужу, чтобы обнять его, чтобы посмотреть в его глаза. Он должен мне поверить. Мы же любим друг друга!

— Уходи, Алиса, — мажет по мне таким взглядом, что ноги становятся ватными.

Прикусываю губу, и во рту чувствую солоноватый вкус крови.

— Жень, — снова начинаю я, но мужчина не собирается меня слушать.

— Я сказал уходи! — рявкает так, что стены трясутся.

И я слушаюсь его.

Медленно, собрав остатки рассудка, на дрожащих ногах выхожу из квартиры. Бегу из подъезда, еле держусь, чтобы не завывать от оглушающей ненависти и боли.

Стрельцову удалось.

Дима всё рассчитал.

Всё спланировал.

Всё до мелочей!

И мы попались на его крючок. Женя не простит мне измену никогда, а я никак не смогу доказать, что на тех фотографиях не я.

Тёплый летний воздух с болью врезается в лёгкие. Я бегу куда-то, почти ничего не соображая. Бегу до тех пор, пока на пути не встречается тротуар.

Спотыкаюсь и падаю на коленки, агония разносится внутри. И только сейчас я кричу. Громко и надрывно.

Я потеряла всё! Я потеряла мужа!

Я словно рыба, попавшая в сеть. И что бы я не сделала, у меня не получится выпутаться.

Кое-как добираюсь до нашей с Женей квартиры. Застываю в прихожей, увидев своё отражение в зеркале. Опухшее лицо, искусанные до кровоподтёков губы и разодранные в клочья коленки. Всхлипываю, поправляя растрёпанные волосы.

Стойкое ощущение, что жизнь моя на этом закончилась, мигг накрывает. Дышать не могу, словно на шее петля.

Захожу в ванную, включаю холодную воду и прямо в одежде встаю под струи. Отрезвляет. Колени болят. Стягиваю с себя одежду и продолжаю стоять под ледяными потоками воды.

Теперь ясно, что Дима имел в виду, когда сказал, что вернёт меня любимым способом. Раз по-хорошему я не согласилась бросить свою семью, так он её разрушил. Растоптал грязными ногами. Сердце моё из груди вырвал и раздавил.

И он думает, что после этого я вернусь к нему?

В квартире так тихо, что слышится тиканье секундных стрелок на часах. За окнами голоса местной молодёжи. Я подхожу к окну, голая и мокрая, и закуриваю. От сигаретного дыма голова кружится, а пелена перед глазами становится только гуще.

Утро туманное и прохладное.

Я так и не уснула.

Всю ночь просидела у раскрытого окна и выкурила всю пачку сигарет. Смаковала дым до тех пор, пока желудок не заночует в приступе тошноты. Делала перерыв и снова закуривала. Слез уже не осталось, все выплакала. Теперь во мне бушует только ненависть. Я готова своими руками задушить Стрельцова.

Неужели он думал, что я к нему вернусь после такого? Он подставил меня. Дуло пистолета к виску приставил и спустил курок.

И теперь во мне проснулось отчаянное желание отомстить. Да только что я могу?

Входная дверь открывается, и я невольно вздрагиваю. Кутаюсь в штору и исподлобья смотрю в сторону прихожей.

— Алиса, ты собрала вещи? — голос Жени бьёт, как пощёчина.

Муж проходит на кухню и врзается взглядом в меня.

— Ты голая? — уточняет с опаской.

— Да.

— Ты с ума сошла? — подходит ближе.

Каждый его шаг отзывается моим гулким сердцебиением.

— Жень, поверь мне. Прощу. На тех фотографиях не я.

— Хватит, Алис.

— Любимый! Но как ты не понимаешь, это Стрельцов нас разлучить хочет. Он ведь даже к тебе эту Таню привёл. Таня не смогла тебя соблазнить, вот он и решил так меня подставить!

— Собирай вещи и выметайся, — безапелляционно выдаёт в ответ на мои слова.

— Куда я поеду? Если ты забыл, у меня нет своего жилья.

— Куда хочешь, — вздыхает. — Денег я тебе дам.

— А как же Василиса? Как же наша дочка?

— Это ещё нужно доказать, наша ли она. Или её отец Стрельцов? М? — муж заводится, голос его гневно хрипит.

— Василиса твоя, — туплю взгляд.

— Я сделаю тест на отцовство. И если Вася действительно мой ребёнок, то она останется жить со мной.

— Что? — забываю дышать и слёзы снова прыскают из глаз.

— Что? — передразнивает Женя. — Ты безработная. Своего жилья у тебя нет. Ты ведёшь аморальный образ жизни, по чужим хуям за спиной у мужа скачешь. Думаешь, я не смогу отсудить у тебя дочь?

— Что ты такое говоришь! Женя, это мой ребёнок! Я не отдам её тебе!

— Алиса, если ты будешь истерить и вести себя неадекватно, то я потребую лишить тебя родительских прав.

Гулко сглатываю ком, застрявший в горле.

— Суд всегда на стороне матери, — шепчу из последних сил.

— Это если мать нормальная, а не жалкая безработная шлюха.

— Как ты можешь такое про меня говорить?

— А ты как смогла мне изменить? — Женя устало качает головой и отворачивается. — Собирай вещи, Алиса. Чтобы через полчаса тебя здесь не было.

Бросает на кухонный стол пятитысячную купюру и уходит, оставляя меня с разорванным сердцем и плачущей душой.

Моя жизнь была похожа на сказку. Женя любил меня. Жалел. Он всегда был на моей стороне, верил мне и поддерживал, оберегал наш выстроенный мир, а сейчас сам готов всё разрушить. Он верит, что я смогла так поступить с ним.

Медленно сползаю на пол, притягиваю колени к груди и утыкаюсь в них лбом. Кричать хочется от безысходности.

За месяц с небольшим Стрельцов умудрился сломать всё, что я строила пять лет.

Моя жизнь превратилась в сущий кошмар. Покрылась мраком и паутиной. Я будто спустилась в преисподнюю.

Да, я не идеальная.

Не святая.

Я позволила Диме заполнить мои мысли, разрешила себе ответить на его поцелуй в туалете бара, не смогла удержаться. Выходит, я сама дала Стрельцову повод думать, что он в праве так со мной поступать.

Но если Дима считает, что я после этого соглашусь быть с ним, то он конченный идиот.

Делать мне нечего, Женя не успокоится за полчаса. И если он вернётся в квартиру и застанет меня здесь, то скандал будет ещё хуже. Муж в порыве гнева наговорит мне ещё больших гадостей. И Василису я тогда вообще могу больше не увидеть. Мою родную девочку с рыжими кудряшками. Самого дорогого человечка, который у меня есть.

Достаю со шкафа чемодан, и, стряхнув с него слой пыли, собираю свои документы, одежду. Всё, что понадобится на первое время. Попутно набираю номер сестры. Мы не общались с тех самых пор, как она уехала от нас.

— Привет, Юль, — голос опять дрожит.

— Привет. Что с тобой? — родственница сразу чувствует моё состояние, будто находится совсем близко, на расстоянии вытянутой руки.

— Юль, я могу пожить у тебя какое-то время? — с надеждой.

— Что произошло? Где Женя?

— Юль, — всхлипываю, засунув в чемодан последние джинсы. — Женя от меня ушёл. Он хочет на развод подавать.

— Что? — голос у неё шокированный. — Ты надо мной прикалываешься?

— Нет. Это не прикол, к сожалению.

— Что ты сделала? — сердито цедит Юля, а я лишь устало вздыхаю.

— Ладно, давай. Приезжай. Расскажешь.

Юля сбрасывает звонок, и я снова остаюсь в давящей тишине.

...

В городе утренние пробки из-за тумана. Время я явно не рассчитал. Захаров уже, должно быть, пособачился с моей Алисой. Скорее всего я не застану её дома.

Сворачиваю во двор и паркуюсь недалеко от подъезда. Выхожу из машины, и свежее прохладное утро бьёт в нос. Вдыхаю влажный воздух полной грудью, чувствую запах свободы и торжества. Я уже на полпути к победе. Я почти выиграл эту войну за любовь.

Смотрю в окна, и с облегчением отмечаю горящий свет в кухонном окне у Захаровых.

Дверь подъезда распаивается прямо перед моим носом, и я лоб в лоб сталкиваюсь с

Женей.

Он смотрит на меня волком. Исподлобья. С обжигающей ненавистью.

— Доброе утро, Евгений Андреевич! — ухмыляюсь.

Видеть нужно, как его перекашивает, как глаза кровью наливаются.

— Доброе утро, Дмитрий Борисович! — проговаривает сквозь зубы.

— Алиса дома? — продолжаю разыгрывать комедию.

Как же нравится мне его злить. От едва контролируемых эмоций на лице Захарова взбугровились вены, желваки играют, когда он стискивает челюсти. Пальцы сжал в кулаки.

А я могу лишь улыбнуться.

Я был прав.

Женя распаковал Танин подарок и, вместе с обещанной книгой, увидел фотографии подставной Алисы, жарко и горячо трахающейся со мной. Наверно, его лицо в этот момент было примерно таким же, как сейчас.

Он молчит. Впился в меня кровожадным взглядом.

В одно мгновение теряюсь, и мощный кулак Захарова прилетает мне в челюсть. Отшатываюсь, не успеваю словить равновесие, как новый удар в живот застаёт меня врасплох. Вскрикиваю от неожиданно резкой боли, падаю на асфальт.

— Ты подлая сука! — голос надо мной звучит так жутко, что невольно зажмуриваюсь.

Чувствую острый конец ботинка, ударивший поддых, и сворачиваюсь в оборонительной позе, закрывая руками голову.

— Мерзкая мразь! — и новый удар по рёбрам. До хруста и агонии в груди.

— Вставай! — Захаров хватает за капюшон ветровки, отрывая меня от земли.

Почувствовав твёрдость в ногах, вытираю лицо тыльной стороной ладони и вижу густую кровь. Выплёвываю кровавый сгусток, перевожу взгляд на противника. А Женя то оказался не таким уж сопливым мальчишкой, которого я изначально в нём увидел.

Замахиваюсь кулаком и попадаю ему в нос. Пусть удары у меня не такие сильные, зато чёткие.

— Это что здесь происходит!?! — в ужасе кричит прохожая бабулька, запугивая меня костылём.

— Всё нормально, баб Зин. Просто немного повздорили! — тут же находится Женя, вытирая окровавленный нос.

Мажет по мне ледяным взглядом и отталкивает со своего пути. Быстро скрывается в тачке, срывается с места и уезжает.

А я падаю на скамейку, стараясь перевести дыхание. Растираю руками кровь по лицу. Такого пиздеца я не ожидал.

Думал, Захаров будет плакать в подушку, как девка. А он вот так, по мужски...

— Какой кошмар! Ужас! — баба Зина быстро ускользает в подъезд, будто боится, что и ей достанется.

Невольно пару раз бросаю взгляд на окно Алисы.

Чем она занята? Собирает вещи, должно быть. Чтобы уйти от мужа.

Скоро её лёд по отношению ко мне тронется и растает.

— Дима? — удивлённо распахивает глаза, увидев меня.

Такая красивая в своём горе. Необыкновенная. Почти такая же, как в ту роковую ночь, когда застала меня за изменой. Взъерошенная, с красными глазами, но с высоко поднятой головой и впечатляющей самоуверенностью.

Алиса выходит из подъезда, тащит за собой какой-то дряхлый чемодан на колесиках.

— Что с тобой? — с ужасом осматривает моё окровавленное лицо, а голос даже не дрожит.

— Муж твой постарался, — отзываюсь тихо, облизываю разбитую губу, чувствуя лёгкое покалывание.

— Что ты сделал с Женей? — испуганно.

Удивительная женщина. Ко мне не капли сочувствия, а за муженька своего вон как трясётся.

— С ним всё в порядке, — встаю со скамейки и делаю шаг в сторону Алисы.

— Не приближайся! — гневно рычит нечеловеческим голосом, и я невольно повинуюсь.

— Алис, ты ещё не поняла? Я сделаю всё, чтобы ты стала моей.

— Я никогда не буду твоей. Думаешь, если ты поссорил меня с Женей, то победил? — нагло усмехается в лицо.

— Это только половина пути, — улыбаюсь.

А Алиса тупит взгляд, и кожа её покрывается соблазнительными мурашками.

— Прощай, Дима. Надеюсь, я больше никогда тебя не увижу! — срывается с места, но я успеваю схватить её за кисть. — Убери руки! — вскрикивает.

— Давай подвезу. Куда ты собралась?

— Оставь меня в покое! — вырывается и буквально бежит от меня.

Беги, моя дорогая девочка. Скоро ты сама приползёшь в мои объятия. Только будь уверена, что я не приму тебя так просто.

Я заставлю тебя встать на колени.

Ты будешь целовать мои ноги и умолять, чтобы я тебе помог.

...

Бегу быстро и оборачиваться боюсь. Заныриваю в маршрутку, незнакомый молодой человек помогает мне затащить чемодан.

— Спасибо, — робко выговариваю я, даже не глядя на помощника.

Сажусь на задние места, еле еле уместив чемодан между сидениями. Доеду до вокзала, там дождусь утренний рейс и уеду.

Сбегу из этого города, где мне стало страшно жить. Понимаю, что мне будет страшно везде, где есть Дима, но искренне надеюсь, что когда-нибудь станет легче. Я и Стрельцов существуем на одной Земле, и куда бы я не сбежала — он достанет.

Но когда-то обязательно будет легче. Когда-нибудь отболит.

Жизнь же чередает чёрных и белых полос. Сейчас такая чёрная, как траурная лента. Но за ночью всегда рассвет. А за самым разрушающим ураганом всегда выходит солнце. Хочется

верить в лучшее, даже когда это почти невозможно. Я не собираюсь сдаваться. Мне нужно что-то придумать, что-то сделать, как-то доказать мужу свою невиновность.

— Девушка, у вас всё хорошо?

Открываю глаза и вижу перед собой того самого молодого человека, который помог мне с чемоданом. Коротко киваю и перевожу взгляд в окно.

— Я присяду? — робко спрашивает незнакомец, и я невольно хмурюсь.

— Садитесь.

Странный он. Какой-то ненормальный. Это же общественный транспорт, а он спрашивает разрешение занять соседнее сидение.

— Куда едете?

— На вокзал.

И зачем я вообще с ним разговариваю?

— А дальше куда?

— Это не ваше дело, — сквозь зубы.

— А меня Денис зовут, — лучезарно улыбается, и я вздрагиваю.

— Алиса, — представляюсь я.

Денис осматривает салон маршрутки, переводит взгляд в окно и шумно вздыхает:

— Погода такая прекрасная! Смотрите, какая туча идёт! Сто процентов гроза будет.

— Гроза? — по телу скользят мурашки.

Небо и правда затягивает тёмно-синем одеялом облаков.

— Бойтесь грозы? — вопросительно поднимает бровь, заглядывая в мои глаза.

— Молодой человек, что вам от меня нужно? — непонимающе моргаю.

— Просто хотел познакомиться, — Денис вздыхает. — Вот так всегда. К людям с добрыми намерениями, а они носы воротят.

Ворчит и поднимается с места, а я снова остаюсь наедине со своими мыслями.

Когда доезжаю до вокзала, начинается дождь. Где-то вдалеке слышатся раскаты грома, заставляющие меня цепенеть от ужаса. Я как маленький трусливый заяц стою под козырьком, ожидая свой междугородний автобус. Прикупила кофе с апельсином и корицей, делаю глоток и поднимаю взгляд к небу. Белая молния вспыхивает совсем близко, пронзая пространство яркой вспышкой, и я вздрагиваю, сильно зажмуриваюсь. Гром оглушает, мощным раскатом проносится над головой.

— Алиса!

Оборачиваюсь и вижу рядом Дениса. Он тоже держит в руке стаканчик кофе и билет на автобус.

— Вы меня преследуете?

Сердце будто бьёт в набат, когда молодой человек делает шаг ко мне. Обволакивающее чувство тревоги лапает за затылок, заставляя нервы путаться в узлы.

— Что вам от меня нужно? — отшатываюсь, а Денис успевает заглянуть в мой билет на автобус.

— Нам с вами по пути, — сообщает "радостную" новость.

Я молчу. Смотрю, как капли дождя ударяются о землю, образуя пену, а у самой повисла лишь одна мысль в голове: "Денис намеренно купил билет на один рейс со мной?"

С появлением Стрельцова в городе, я стала какая-то мнительная и недоверчивая. Всюду чувствуется подвох. Червячок гложет изнутри. Мерзкий такой, скользкий.

Сажусь в автобус, предвкушая долгую поездку под раскаты грома и вспышки молний, и

становится не по себе. Ливень всё ещё лупит землю с бешеной силой, а лужи уже и без того набрались чуть-чуть не по колено.

Видимо, судьба решила испытать меня на прочность, потому что помимо того, что приходится в такую страшную погоду спасаться из сложившейся ситуации бегством, так ещё и мой новый знакомый Денис с лучезарной улыбкой крадёт в мою сторону.

— У нас соседние места! — сообщает с какой-то детской радостью, а мне хочется превратиться в ветер и умчаться куда-нибудь далеко.

Я тяжело вздыхаю и тут же вздрагиваю от нового раската грома. Ощущение, что небо упадёт и раздавит этот чёртов автобус вместе с пассажирами.

— Вы и правда боитесь грозы, — замечает Денис, усевшись рядом со мной.

Устремляю взгляд в окно, чтобы не смотреть на этого мальчика, который как-то слишком мной заинтересован.

Денис достаёт наушники, и, к моему вселенскому облегчению, затыкает ими уши. На дружественный разговор я сейчас не настроена.

Пока мимо проносятся зелёные поля и перелески, все мысли занимают только три человека.

Василиса. Я очень переживаю, как на ней скажется наш с Женей скандал и предстоящий развод. Она ещё совсем малышка, которой я читаю добрые сказки со счастливыми концами. Ей не к чему чувствовать боль и разочарование в жизни в таком раннем возрасте, и меня терзает острая потребность защитить её от всего, укрыть собственным телом, укутать в нежность и любовь. Но Женя решил шантажировать меня ребёнком, захотел сделать Василису разменной монетой в наших отношениях. Малышка ни в чём не виновата, и я не позволю ломать ей психику.

И я не виновата.

Женя поверил в такую мерзкую ложь.

А Дима расставил цепкие сети.

До квартиры Юльки еду на такси. Поднимаюсь в лифте, а у самой ноги подкашиваются. Сестра в прошлый раз вынесла мне мозг, подумав, что я и Дима любовники. И она уехала от нас с внушением, что это действительно правда. Как я расскажу ей, что меня подставили, что Стрельцов мне никто, что я ненавижу его настолько сильно, что готова убить! Юля не поверит ни единому моему слову, как бы красочно я не описывала произошедшую ситуацию. Самое главное, чтобы Юля не выкинула меня на улицу. Пойти тогда мне будет совсем некуда.

Собрав всю волю в кулак, стучусь в дверь. Слышатся шаги.

— Привет, — робко улыбаюсь.

Юля не в духе.

Смотрит так, что иглы под кожу впиваются.

— Ну привет, — недовольно складывает руки под грудью, презрительно сужает глаза.

Преграждает мне дорогу в квартиру.

— Юль, я не виновата, — плачу я, а кровь стынет в жилах.

— Я звонила Жене, он мне всё рассказал.

— Юль, это всё ложь. Ты же меня знаешь. Я бы не смогла...

— Я тебе не верю, — качает головой и захлопывает дверь прямо у меня перед носом.

— Юля! — вскрикиваю, хватаясь за дверную ручку, будто в ней находится моё спасение.

Слёзы обжигают.

Царапаю ногтями закрытую дверь, стучу кулаком и вою.

Меня шатает, будто я залила в себя десять стопок текилы. Осознание ситуации приходит медленно, по чайной ложке.

Юля закрыла дверь. Она не собирается пускать меня.

Сажусь на холодные ступеньки и вытираю мокрое раскрасневшееся лицо, а мерзкое ощущение одиночества и ненужности ковыряет изнутри.

От меня отвернулись все, кого я люблю. Я не знаю, как выбраться из этой крошечной тьмы, как доказать им всем, что я не виновата, что меня подставили. Рушится вся моя жизнь. Привычный мир просто перестаёт существовать. Там, где была любовь и нежность, теперь колючие шипы ненависти, и я больно царапаю о них собственную душу. Разрываю в мясо, а кровавые ошмётки разлетаются в стороны. Давящее чувство пустоты переполняет меня, но я ничего не могу уже сделать. Стрельцов решил мою судьбу.

Время идёт, а я всё никак не могу принять ситуацию и придумать, что мне делать дальше. На улице мой родной город медленно тонет в сумерках, а в голове роятся воспоминания, как тысячи пищащих и раздражающих комаров.

Здесь всё началось. После защиты диплома...

... Я встретила Диму среди шумной тусовки, когда была уже уставшая и сбежала на кухню покурить и перевести дух. Собиралась поехать домой, но обаяние высокого красивого мужчины влекло и манило так, что я согласилась остаться ещё на часок. А потом и вовсе решила поехать вместе со Светой Стрельцовой и другими одноклассниками в клуб.

Дима был рядом всю ночь, покупал мне коктейли и выходил за мной на улицу, чтобы покурить. Мы разговаривали обо всём на свете, и я даже смогла поведать ему историю смерти моих родителей. Наверно, это был первый раз, когда я смогла рассказать об этом без слёз. Ком в горле, конечно, стоял, и голос срывался в безбожную дрожь, но слёз не было.

Когда я была уже достаточно пьяна, молодой мужчина отвёз меня домой. Ноги слушались плохо, почти не держали пьяное тело, поэтому Диме пришлось провожать меня до двери.

И вот тут, в этом подъезде, прямо у входа в квартиру, Стрельцов прижал меня к стене и с таким безумным желанием впился в мои губы, что я на мгновение потерялась.

А после внутри произошёл взрыв, сносящий на своём пути границы дозволенного.

— Поехали в отель, — шепнул мне на ухо с томным волнением, и я отчаянно закивала, чувствуя бабочек в животе и головокружение.

Если бы Юля в ту ночь не распахнула дверь квартиры и не уставилась бы на меня своими пронзительно льдистыми глазами, то первый секс мой случился вот так неожиданно.

Сестра затащила меня в квартиру и отчитывала долго, не подбирая мягких слов, а я сидела на кухне и почти не слышала её голос.

Он поцеловал меня.

И этого оказалось достаточно, чтобы влюбиться без памяти...

Закрываю глаза и потираю ладонями худые плечи. Медленно опустилась ночь, и желудок сводит от голода, ведь я не ела с утра, торопилась сбежать. И не спала я уже больше суток, а сна ни в одном глазу. Холодно только.

Раскрываю чемодан и вытаскиваю из него ветровку, одеваюсь и вновь сажусь на ступеньки. Ночевать буду тут. Под Юлькиной дверью. Может, увидит меня и всё таки

впустит в квартиру. Облокачиваюсь головой на прохладную стену и закрываю глаза. Сознание вновь подкидывает горячих воспоминаний. Дима столько раз целовал меня в этом подъезде, что и не сосчитать, и каждый раз у меня внутри что-то переворачивалось и плавилось. Я влюблялась в него всё сильнее.

Если бы я только знала, что всё закончится вот так. Я никогда бы не пошла за ним, не подпустила бы к себе, не доверила своё поломанное сердце в его грязные руки.

Дверь распахивается, и я с трудом продираю сонные глаза.

— Ты тут собралась всю ночь сидеть? — строгий голос пронзает слух.

Юлька стоит прямо надо мной, издевательски улыбается, смотрит с висока. А я лишь сглатываю ком в горле и вздрагиваю от холода.

— Мне некуда пойти, — отрываюсь после затянувшейся паузы.

— Пойдём, я постелила тебе в гостиной, — сообщает как-то буднично, без эмоций.

Смысл слов доходит не сразу. Но как только я соображаю, что не придётся ночевать на ледяных бетонных ступеньках, сияю от нахлынувшей радости. Будто лучик света пробивается сквозь темноту моей заблудившейся в отчаянии души. Вскликаю, хватаю свой чемодан и вваливаюсь в квартиру.

Пахнет детством. Родным домом. Уютом и теплом.

— Голодная? — сестра скользит взглядом по моей худой фигурке и вздыхает. — Ты вообще что-нибудь ешь? Или сыта любовью?

— Юль, — я слабо улыбаюсь, смотря в её бездонные холодные глаза. — Спасибо, что смиловалась надо мной.

— Пожалуйста! — скрывается на кухне, плачет микроволновкой. — Иди я тебя накормлю. Сидела в подъезде, как кот помоишный.

— Так ты сама меня непустила, — с досадой выдаю, усаживаясь за стол.

Сестра говорила, что сделала ремонт, но теперь я своими глазами вижу, как изменилась родительская квартира. Просто до неузнаваемости! Но многие мелочи остались на привычных местах. С трепетом отмечаю картину над столом, которую папа когда-то давным давно приволок с какой-то ярмарки, и занавески здесь всё ещё старые, которые мама покупала двадцать лет назад. У Юли есть деньги, чтобы приобрести новые.

Она этого не делает по понятным причинам.

— Ну рассказывай! — ставит передо мной тарелку с душистым супом, сама садится напротив. — От Жени версию я уже слышала, хочу услышать от тебя.

— Ты спрашивала у него, как он? — тревожно моргаю, вспоминая встречу с окровавленным Стрельцовым сегодня утром.

— Женя взрослый и умный мужчина, он в порядке. В отличие от тебя.

— Юль, я не изменяла мужу! — голос дрожит и слёзы опять наворачиваются.

— Если ты будешь мне врать, то отправишься обратно в подъезд!

— Юль, я не вру! — обиженно надуваю губы, снова погружаясь в отчаяние.

— И почему я должна тебе верить, Алиса?

— Потому что ты моя сестра! — нервно вскрикиваю. — Ты должна быть на моей стороне, Юль. Мне и так сейчас паршиво. Меня подставили, от меня все отвернулись. Женя собирается отсудить у меня дочь. У меня нет ни работы, ни крыши над головой. И всё это при том, что я не виновата!

— Наивная моя крошка Алиса, — ласково мурлычит Юля. — Ну как это у тебя нет крыши над головой? Эта квартира принадлежит нам двоим. Женина квартира куплена в

браке, ты можешь претендовать на долю.

— Не могу. Женина квартира оформлена на его мать.

— Вон как! — тянет сестра, тяжело вздыхая. — Захаров то хитрый, оказывается.

Предостерегся.

— А эта квартира твоя, Юль. Я тут не собственник. Ты тоже предостереглась.

— Потому что ты со Стрельцовым спуталась. Я должна была применить все методы воспитания, даже такой жёсткий.

— Жестокий, я бы сказала, — поправляю Юлю.

Когда я съезжала от сестры к Диме, она выкупила у меня долю в квартире. А я продала на радостях, что у меня будут деньги, по молодости и дурости.

— Женя сказал, что у него есть доказательства твоей измены.

— Есть. Дима сделал интимные фотки с девушкой, которая очень сильно на меня похожа. Этот урод учёл все детали, Юль! Даже родинки на спине у той девки в тех же местах, как у меня.

— Это точно не ты? — сестра устало трёт глаза.

— Не я! — смотрю на неё волком.

— Ладно, ешь суп и ложись спать. Завтра будем решать все твои проблемы!

Утро вечера мудренее.

Только легче мне не стало. Сердце повисло в груди, как гранитная глыба. Давит и тянет, ноет, мешается. Мысли спутались настолько, что приснился какой-то кошмарный сон: на мне белое свадебное платье, дорога к подвенечной арке усыпана красными колючими розами, и я ступаю по ним голыми ногами, держа в руках белый букет. На лепестках каждого цветочка, словно роса, дрожат капли крови, а я всё продолжаю свой путь по шипам. Они впиваются в ступни, ранят кожу, но я не останавливаюсь. У арки меня ждут двое мужчин.

Один из них способен спасти меня, второй заживо распять.

Один будет залечивать мои раны и ушибы, пока второй будет хлестать по телу розгами.

— Ну что, выпалась? — Юля появляется на кухне так внезапно, что я вздрагиваю.

— Доброе утро, — шепчу вместо ответа и делаю глоток чёрного кофе.

— Я приняла решение встать на твою сторону, Алис, — буднично сообщает сестра, заваривая себе чай, а потом цепляет меня таким взглядом, что я цепенею. — Но если ты обманула меня, если ты на самом деле изменяла Жене, то я... я собственными руками тебя утоплю, поняла?

Невольно перед глазами проносится последний поцелуй со Стрельцовым.

Это ведь тоже считается за измену.

— Ты меня поняла? — укоризненно хмурит брови.

— Поняла, — отзываюсь тихо и вновь делаю глоток крепкого напитка.

— Я сейчас позвоню Жене, скажу что ты у меня.

— Я хочу поговорить с Василисой. Попроси его, пусть разрешит мне с ней поговорить! — умоляюще таращу глаза, аля кот из Шрека.

Длинные гудки сотрясают повисшую тишину, и из телефона доносится родной голос, разрывающий меня в ошмётки:

— Да, Юль. Я тебя слушаю.

— Привет, Жень, — сестра вздыхает, смотрит мне в глаза.

Чтобы заметить моё волнение даже вглядываться не нужно. Я сижу, будто на иголках, а на лбу выступают солёные капельки пота.

— Как у тебя дела? — Юля едва заметно улыбается.

— Юль, как могут быть дела у человека, которого предали?

— Полагаю, что херово, — усмехается. — Алиса твоя у меня, просит дать трубку Василиске.

— Василиса с бабушкой играет, я не хочу её тревожить!

— Жень, — не выдержав вмешиваюсь. — Я скучаю по доченьке. Разреши мне услышать её голос!

Муж тяжело вздыхает. За километры чувствую, как он закрывает глаза и устало трёт переносицу, старается придумать отмазки, лишь бы запретить мне общаться с Васей.

— Пап, кто звонит? — слышу голос малышки, и сердце кровью обливается.

— Василиса, девочка моя, — шепчу еле слышно.

— Мама! Мамочка! — кричит в трубку.

Видимо, всё таки отняла у папы телефон.

— Василиса, как ты? — смахиваю слёзы.

— Мамочка, куда ты уехала? — выговаривает таким голосочком, что меня обхватывает болезненная грусть.

— Я у тётки Юли, малыш, скоро приеду и заберу тебя.

— Плиезжай скорее! Я скучаю! Мамочка! Я тебя люблю!

— Я приеду, милая, — обещаю, словно в бреду.

— Ну всё, иди к бабушке, — голос Жени, как удары в рёбра, отзывается болью и ознобом. — Алис, не звони больше. Вася плачет, к тебе хочет. Ей нужно привыкнуть, что ты больше не будешь с ней жить.

— Женя, она моя дочь! Я сделаю всё, чтобы она осталась со мной!

— С тобой? В новую семью её заберёшь? М? Со Стрельцовым будет жить? Папой его называть? — срывается на хриплый зловещий шёпот.

— Я не собираюсь жить со Стрельцовым! Я тебе не изменяла!

— Алиса, — разочарованно. — Сколько можно врать?

— Поверь мне, прошу!

Женя сбрасывает вызов, оставляя меня в полном опустошении. По лицу текут солёные реки, а у меня нет сил даже их стереть.

— Алис, — Юля осторожно кладёт руку мне на плечо и легонько сжимает.

— Мне нужно срочно найти работу и купить квартиру. Если я не докажу Жене, что не виновата в измене, то Василиса должна остаться со мной.

Собравшись с силами, уже через два дня я возвращаюсь в город, который когда-то был моим убежищем. Город, в котором я начала жизнь с чистого листа, окружённая любовью и заботой самого лучшего мужчины на свете. Женя защищал меня от всех бурь и ураганов, был моей панацеей, моей непробиваемой бронёй. И сейчас, оставшись без защиты, я должна научиться жить самостоятельно и решать свои проблемы своими собственными руками.

Сделать это не просто.

Я будто комнатный цветок, жила и горя не знала. А сейчас меня пересадили в уличный сад, и я должна цепляться корнями за почву, чтобы выжить.

В первую очередь я сняла маленькую комнатку в общежитии. Благо сестра дала мне с собой внушительную сумму денег на первое время. Я никогда не жила в подобных условиях, где комфортом даже не пахнет. Общая кухня на четыре семьи, туалет и душ тоже общий. Стая тараканов орудуют по моей комнате, и в первую ночь мне кажется, будто насекомые ползают по мне.

Поиски работы начала сразу, и уже на следующей неделе начала разъезды по собеседованиям. Даже самая нелёгкая работа мне казалась не такой страшной, как ситуация, в которой я оказалась. Поэтому я не стала воротить нос и строить из себя кого-то. Откликнулась на вакансию санитарки.

Я думала, что на такую работу возьмут любого, кто имеет медицинский диплом. А у меня он был ещё и красный!

Но на собеседовании на меня смотрели с враждебностью. Руководитель будто искал причину для отказа, и, скользнув по моей фигурке, вымолвил что-то невнятное. Слишком хрупкая я, оказывается. Худющая. Не справлюсь с лежащими больными.

Закусив губу, я уселась прямо на ступеньках у выхода из больницы. Это была не перспективная работа. Тяжёлая. Кто ещё на такую пойдёт, как ни девушка, попавшая в трудную ситуацию?

До этого я ездила на собеседование в частную клинику. Вакансия медсестры только

открылась, я была уверена, что меня возьмут. Тут я получила первый отказ. Директор клиники, яркая женщина пятидесяти лет, даже не стала объяснять причины.

На этом всё, что связано с медициной, закончилось. В аптеку на другом конце города требовался фармацевт, но я посчитала, что не готова проводить в пути на работу два часа с учётом пробок. Да и пока я метила на звания "лучшая санитарка" и "супер медсестра", место фармацевта уже заняли.

Тяжело вздохнув, я обняла свои плечи и уставилась в одну точку. Люди проходили мимо, я всё сидела на обшарпанных ступеньках, не зная, что делать дальше.

Есть, конечно, и другая работа, но мне хотелось быть поближе к медицине. Не зря же я училась, в конце-то концов! Путь за плечами всего лишь какой-то колледж, но это же тоже образование! И почему мне везде отказывают?

К концу недели я смирилась и начала искать другую работу. Мне подошла бы любая, я не брезгливая и, наверно, трудолюбивая. Но везде я слышала одно и тоже: "вы нам не подходите!"

Последней каплей стал отказ продуктового магазина.

В воскресенье, придя вечером домой, я упала на одноместную неудобную кровать и заплакала.

Наблюдать за тем, как попавшая в сети рыба трепыхается в попытках выжить, оказалось куда увлекательнее, чем я мог себе представить.

Следить за ней стало главной задачей.

У меня легко получается разрушать жизнь моей маленькой золотой рыбки. Она беспомощная и жалкая в своих стремлениях найти работу, а я снова убедился, что за деньги возможно всё.

Самым сложным оказалось договориться с городской больницей, чтобы Алисе отказали от места санитарки. Но, как только я пообещал хорошенько профинансировать это учреждение, мне сразу пошли навстречу.

Дальше сложнее. Предугадать её действия теперь почти невозможно, потому что Зиминая согласится на любую работу.

И, пока она не нашла что-то, я караулю её у подъезда. На удивление, Алиса сняла комнату в общежитии, в самом жалком районе города. Социальное дно. Здесь живут люди, недовольные своим существованием, злые на весь мир и обиженные на государство. Слежу за ними, проплывающими мимо моей дорогой тачки, бросающими косые взгляды. Никогда такой машины не видели?

Утро понедельника туманное и прохладное, но стоит только солнцу полностью выйти из-за горизонта, как начинается пекло. Потягивая энергетик из тёмной железной банки, мечтаю поскорее увидеть свою маленькую рыбку. Весь день караулить — изматывает.

Алиса выходит из дома только к вечеру. Неуверенно здоровается с соседями, стоящими возле подъезда, озирается по сторонам и, наконец, натывается взглядом на мою машину.

Останавливается. Хлопает ресницами и складывает руки под грудью. А я скольжу по её фигуре, и тут же в штанах тесно становится.

С тех пор, как уехала Таня, у меня воздержание, и это ужасно напрягает. Я даже иногда жалею, что так легко отпустил личную проститутку. Но Тане, вероятно, нужна была эта свобода после всего, что ей пришлось пережить в наших с ней нелёгких рыночных отношениях. И ещё жаль, что я не могу вот так же просто купить Алису.

Выхожу из тачки, приветливо улыбаюсь и машу рукой Зиминой. А та встала, как столб. Её разрывающий взгляд цепляет какие-то важные струны в моей душе. Меня аж передёргивает от её ненависти!

Возможно, я слегка перегнул палку, решив так жестоко разлучить её с мужем. Что-то в Алисе надломилось, лопнуло, исчезло.

Она больше не та наивная овечка, у которой коленки дрожат под моим взглядом и мысли путаются.

— Ты когда-нибудь успокоишься? — гневно рычит в мою сторону, делая шаг навстречу.

— Да, — отзываюсь с невинной улыбкой. — Когда ты будешь моей.

— Этого не будет, не мечтай!

Меня бесят её слова. Она действительно считает, что не даст мне ни единого шанса, что не сможет простить никогда. Но я уверен, что всё получится. Вспоминаю наш поцелуй в туалете бара — караоке и знаю, что она меня ещё любит. Где-то в глубине её души сохранились трепетные и тёплые чувства. Она вернётся ко мне. Вернётся.

— На работу бежишь? — смотрю в её зелёные глаза — магниты.

— Нет, — собирается пройти мимо, но я преграждаю ей путь. — Дим, дай пройти!

— Долго ты будешь бегать от своей судьбы?

— Это ты-то моя судьба? — усмехается, закатив глаза.

— А ты думала, твоя судьба Захаров?

Зими́на тяжело вздыхает:

— Отстань от меня, Стрельцов! Я иду на собеседование, не надо портить мне настрой!

— Ах, на собеседование! Думаешь, после стольких отказов, тебя куда-то возьмут? — прожигаю её взглядом.

Она замерла и на меня уставилась с непониманием. Хмурится так, что на лбу образуются складочки, а после распахивает глаза и приподнимает брови в удивлённом жесте.

— Это ты подстроил, что я не могу найти работу?

— Аллилуйя, Зими́на! До тебя дошло наконец-то!

— Зачем ты это делаешь? — шипит, отталкивая меня со своего пути.

— Хочу тебя, не могу, — хватаю за талию и с силой притягиваю к себе вплотную, пятернёй обняв затылок продолжаю тихо шептать ей на самое ухо. — Алиса, я жить без тебя не могу. Я хочу тебя, девочка моя. Хочу твоё тело.

Её руки лежат на моей груди, готовые в любую секунду оттолкнуть, но ей не удастся.

— Хочу твою любовь. Хочу твою нежность! — продолжаю ласково, и кожа девушки мурашками покрывается.

— Отпусти! — плачет тихо, отворачивается.

Сдаваться не собирается.

— Помнишь, как нам было хорошо? Я любил тебя, Алиса. И сейчас люблю. Я на всё ради тебя готов! — падаю перед ней на колени.

Думал, что это будет просто наигранный жест, спектакль для одной лишь зрительницы, но как только обхватил её ноги и прильнул лицом к бедру, меня вдруг повело. Будто я бухой вдрызг. Её запах, её близость разрывают меня.

— Ты с ума сошёл! Встань! — вскрикивает Алиса, стучит меня по плечам, испуганно оглядывается по сторонам, будто боится, что нас увидят.

А мне так похуй. Пусть смотрят. Пусть все увидят, какое ледяное сердце у моей Алисы, что она не может меня простить до сих пор.

— Я люблю тебя, — выговариваю обречённо.

Как же сильно она мне нужна. Я ведь жить без неё разучился. Трахал всех подряд, собирая по частичкам её образ, выл зверем и надеялся, что когда-то легче станет. А сейчас, когда она вырывается из моих рук и никак не хочет понять, что я безумно в ней нуждаюсь, сердце словно стучать перестаёт и тошнота комом к горлу подходит. Не могу я принять поражение. Теперь-то уж точно.

— Дима, хватит! — кричит, а я только сильнее за её ноги цепляюсь.

— Подари мне хотя бы одно свидание, Алис. Пожалуйста! Давай всё обсудим, дай мне шанс! Я приму все твои условия, ребёнка твоего буду любить, как своего собственного! Только прости меня и позволь доказать, что я изменился! Я помогу тебе, квартиру тебе куплю, на работу устрою. Я всё сделаю, только будь со мной! — с надеждой тяну её к себе, сильнее вдавливая лицо в её бедро.

— Мне больно! — плачет, словно мышка.

Точно. Мышь в руках кровожадного кота, который играет с добычей, прежде чем

сожрать.

— Одно свидание. Мы поговорим. И если мы не сможем ни о чём договориться, я исчезну.

— Ладно, ладно! Только сейчас отпусти!

Я отстраняюсь, и Алиса отшатывается, будто обожглась. Всё ещё стою на коленях перед ней, опустив голову. Как какой-то мальчишка! А внутри всё переворачивается и рвётся. Никогда не стоял перед женщиной на коленях. А тут упал, как безумный, жадно хватаясь за последнюю надежду.

— Ты согласна на свидание?

— Согласна. Но не думай, что я тебя прощу!

— Я заеду за тобой сегодня, — выдавливаю улыбку.

Под кожей волна раскалённой стали прокатывается, и сердце заводит мотор с новой силой.

— Завтра, — тихо отзывается она.

Я встаю, вырастая над ней, как скала.

— Ты не пожалеешь! — хочется снова прижать её к себе, крепко и навсегда.

— Да уж, Стрельцов! До чего ты докатился! — фыркает недовольно и судорожно поправляет волосы.

А глаза шальные. Полные тревоги и негодования.

— Значит, завтра. Я заеду к восьми. Будь готова.

— Буду, — тяжело вздыхает, разочарованно как-то. — А ты точно оставишь меня в покое после этого?

— Да. Но поверь мне, куколка, ты не захочешь, чтобы я уходил!

— Ага, конечно, — закрывает глаза и проходит мимо.

Не прощается.

Ну чтож, моя девочка, тебя ждёт незабываемое удовольствие. Ты будешь моей. Обязательно будешь.

Заворачиваю за здание и усаживаюсь на скамейке у чужого подъезда. Тяжело дышу, стараясь нормализовать сбившееся дыхание.

Я сильная, я должна справляться со своими эмоциями, которые накатывают горячей волной, поглощают меня и спутывают узлами по рукам и ногам.

Дима так жадно впился пальцами в мои ноги, что я чуть дар речи не потеряла. И это на глазах у соседей. Видела я, как из окон смотрели. Закрываю глаза, издаю какой-то мучительный стон и тут же покрываюсь мурашками.

Боже, я согласилась на свидание с этим подонком.

Он вынудил меня.

Это был единственный способ выпутаться из его крепкой хватки и сбежать. Пообещал, что если разговор на "свидании" ни к чему нас не приведёт, то он оставит меня в покое. Едва ли я могу доверять его словам. Дима наглый. Он привык, что его желания исполняются. И раз он желает меня, то покоя ждать не придётся.

Стрельцов уже разрушил всё. Как торнадо разворотил. С корнями вырвал. А теперь продолжает издеваться и топить меня, чтобы на равнине моей разрушенной судьбы не пророс ни один росток надежды. Ему хватает бессовестности и денег, чтобы меня не принимали на работу.

Я не ожидала, что он затеял настолько масштабную игру.

На собеседование идти смысла нет, поэтому, собравшись с силами, набираю номер Анастасии Сергеевны.

Свекровь отвечает не с первого раза.

— Что тебе нужно? — голос бьёт по сердцу огненной стрелой.

Анастасия Сергеевна и так меня недолюбливала, а теперь у неё есть все козыри в рукаве, чтобы общаться со мной как с мусором.

— Я хочу видеть дочь!

— Алиса, — шипит с ярим раздражением. — Васенька теперь будет жить со мной, а ты можешь делать, что захочешь. Внучку я тебе не отдам.

— Анастасия Сергеевна, это моя дочь! Моя! Я её мама!

— Шалава ты, а не мама! — вскрикивает.

— Послушайте, дорогая моя. Если мы с Женей всё таки разведёмся, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы ребёнка суд оставил со мной.

— Ты надеешься, что Женя тебя простит? Ты ему душу вывернула и наплевала в неё!

— Я не изменяла мужу! Я найду способ это доказать!

Слышу голоса детей, весёлые и звонкие. Свекровь явно гуляет где-то с моей девочкой. Встаю со скамейки и бегу к остановке. Я дождусь их у подъезда. Я соскучилась по рыжеволосой кнопке, и я хочу её увидеть.

— Алиса, не смей приближаться к нам, поняла?

— Нет, не поняла! — шикаю и сбрасываю звонок.

Уже через пятнадцать минут я на месте. Смотрю по сторонам в надежде, что успела, и Анастасия Сергеевна ещё не спрятала Васю в квартире.

— Мамочка! — слышу радостный вопль.

Чувства меня переполняют, я усаживаюсь на корточки, и милая малышка врзается в

меня, крепко обнимает за шею.

— Василиса, — выдыхаю в её волосы и глажу по макушке.

— Мама, почему ты меня бросила? — всхлипывает.

А у меня душа тонет в кровавом океане. Бросаю разъярённый взгляд на Анастасию Сергеевну. Что она наговорила моей дочке? И как только хватило ума настраивать ребёнка против родной мамы?

— Васенька, я скоро заберу тебя. Будем жить вместе.

— А папа? — отстраняется и заглядывает в мои глаза с таким испугом, что я не выдерживаю.

Слёзы обжигают щёки, и во рту пересыхает.

— Милая, — язык заплетается, мысли табуном скачут в голове.

Я так много хочу ей сказать, успокоить, спрятать от опасностей и невзгод. Она не должна страдать из-за наших с Женей разладившихся отношений.

— Василиса, пойдём домой! — голос Анастасии Сергеевны срывается на хрип.

Женщина украдкой смахивает влагу с ресниц. Ей тоже тяжело. Свекровь и моя девочка оказались меж двух огней.

— А мама? Мама пойдёт с нами? — мой родной котёнок снова цепко хватает меня за шею, и я встаю, прижав её к себе.

— Анастасия Сергеевна, давайте поговорим. Вы же видите, что Васе без меня плохо! — умоляюще смотрю в её глаза.

— Алиса, — устало вздыхает. — Женя мне голову оторвёт, если узнает, что ты виделась с дочкой.

— Он же должен понимать, что Вася меня любит и хочет проводить со мной время, правда?

— Он очень обижен на тебя. Злится. Проклял тебя уже раз сто!

— Женя не такой. Он просто на эмоциях. Когда буря утихнет, он сможет трезво оценить ситуацию. Женя поймёт, что Василиса страдает из-за того, что он хочет ограничить меня от общения с дочкой.

— Мам, вы с папой ладите? — малышка всхлипывает на моих руках, и в глазах её играют слёзы.

— Пока не знаю, милая. Мы очень сильно поссорились!

— Так помилитесь! Сложно что-ли? — надувает губы.

А я невольно улыбаюсь от её детской непосредственности.

— Ладно, Алиса, пошли в дом! — сдаётся Анастасия Сергеевна, и я облегчённо выдыхаю.

Два часа я не могу спустить Василису с рук. Мы соскучились друг по другу, будто были разлучены целую вечность. Дочка хвалится новыми рисунками, и я отмечаю, что она перестала пользоваться яркими карандашами.

— Вот ты, вот папа, а это я. Мы вместе! — тычет маленьким мальчиком в тёмных человечков.

Я виновато качаю головой, стараясь не разрыдаться вновь. Никогда не думала, что человек может столько плакать.

Оставляю Василису рисовать, а сама прохожу на кухню. Свекровь капает валерьянку в чай. Увидев меня, застывает.

— Всё? — спрашивает равнодушно.

— Что "всё"?

— Наигралась в хорошую маму?

— Анастасия Сергеевна, перестаньте! Я люблю дочь. И Женю люблю!

— О Господи, за что мне такие мучения! — бубнит себе под нос и, выдохнув, выпивает свой чай с валерьянкой одним большим глотком. — Скоро Женечка придёт. Ты бы шла, Алис! Не нужно ему тебя видеть!

— А я хочу может с ним увидеться! — прохожу к столу и нагло усаживаюсь на табуретку.

— Наказание одно с тобой! — разводит руками и недовольно морщится.

— Лучше расскажите, как Василиса себя чувствует? Часто плачет?

— Часто. К тебе просится. Среди ночи просыпается и маму зовёт.

Закрываю лицо ладонями, и пульс учащается.

— Вы настраиваете её против меня? — волком смотрю на женщину.

— Нет, я же не дурочка какая. Я и Жене говорю, что нужно смягчиться, и сердце ребёнку не разбивать. А он... — всхлипывает и падает на стул рядом со мной. — Он как будто не понимает, что Василиса страдает от сложившейся ситуации больше всех!

— Это да, Вася точно не виновата ни в чём. На неё смотреть больно, похудела.

— Почти не ест. Истерики закатывает.

— Анастасия Сергеевна, — мягко выговариваю, накрыв своей ладонью её руку. — Давайте договоримся, что я буду приходить, пока Женя на работе! Я нужна Василиске, а она мне.

— Женя взбесится, если узнает! Вдруг Василиса проболтается!

— Я позабочусь о том, чтобы не проболталась. Я буду с ней гулять, а вы хоть отдохнёте!

— Да, — судорожно кивает. — Отдых бы мне не помешал!

— Так я могу проводить время с малышкой? — с надеждой шепчу, сильнее сжав руку собеседницы.

— Можешь. Только смотри, чтобы Женя не знал.

Я знаю, что Женя жёсткий. И если он задумал что-то, то пойдёт как танк. Хоть по головам, хоть по костям. Он выпотрошит душу, но своего добьётся. Женя сделал себе имя в этом городе, у него достаточно связей.

В этом он похож на Стрельцова... Внутренний силой и умением добиваться своего.

Сейчас я очень боюсь его.

Потому что он действительно может лишить меня родительских прав.

На обещанное свидание я собираюсь, словно на расстрел. Я не хочу видеть Стрельцова, он мне настолько противен, что меня тошнит весь день! И голова ещё кружится. Давление, наверно, упало.

Стою перед зеркалом, подкрашиваю губы красной помадой, а самой хочется плюнуть в собственное отражение. Тишину комнаты разрывает мой протяжный вздох, глаза наполняются влагой.

Ничего.

Всего-то нужно пережить этот вечер. Одна встреча с заранее известной мне концовкой. Я выскажу бывшему всё, что накопилось в моей душе. Всё дерьмо сегодня вылью на него.

Выхожу из подъезда, натыкаюсь взглядом на его машину.

Дима стоит рядом, держит в руках букет белых роз. Я невольно сглатываю, вспоминая тот сон, где шла к алтарю с таким же букетом в руках, а на лепестках дрожали капли крови. Ноги моментально окатывает агонией, будто подсознание меня предупреждает, что я не должна идти к мужчине, которого так люто презираю. Ничего хорошего этот вечер не сулит.

— Ну, что застыла? — Стрельцов смеётся, подойдя ко мне ближе.

Вручает букет, и я с опаской его принимаю. Розы прекрасны, и запах у них головокружительный. Дима наклоняется к моему лицу, а я закрываю глаза, позволяя мерзким губам соприкоснуться с кожей моей щеки.

— Ты прекрасна, Алиса! — с придыханием шепчет мне на ухо, обжигая горячей волной.

Едва заметно морщусь, прежде чем выдавить из себя тихое "спасибо".

Для нашего вечера Дима выбрал ресторан, прославившийся в нашем городе необычной атмосферой. Про это место с говорящим названием "Стрела Амура" даже в газете писали года три назад, когда под новый год двадцать мужчин в один день сделали своим женщинам предложения руки и сердца! Я никогда не была здесь раньше, и теперь, сидя за столиком в центре зала, с любопытством оглядываю затейливый интерьер. Ажурные подсвечники, приглушённый свет, красные скатерти и мебель из чёрного дерева — всё настолько гармонично и загадочно, что сердце моментально приходит в состояние трепетного умиротворения. И уже становится почти не важно, что я пришла сюда со Стрельцовым, которого на дух не переношу.

— Алис, у меня для тебя подарок, — проговаривает Дима, нарушив тишину.

Я перевожу взгляд на мужчину. На его лице играют блики от огоньков свечей.

— Мне не нужны твои подарки, — качаю головой, но бывший уже достал из потайного кармана своего пиджака длинную чёрную коробочку с логотипом популярного ювелирного бренда.

— Открой, — медленно двигает её ко мне своими длинными пальцами.

— Ты не купишь меня, Стрельцов, — едва заметно напрягаюсь, во рту пересыхает.

— Это просто подарок! — невинно хлопает ресницами.

Облизав пересохшие губы и недовольно выдохнув, я принимаю коробочку.

На бархатном полотне внутри лежит золотая подвеска в форме половинки разбитого сердца. Мелкие камушки переливаются под светом свечи.

— Очень символично, — подмечаю я, приподняв брови.

— Я думаю, ты поняла смысл моего подарка, — бывший довольно ухмыляется.

— Ты когда-то разбил моё сердце, — шепчу тихо, прикрыв глаза.

— Да. И только я смогу склеить его обратно!

— Ты слишком самоуверен, Дим.

— Давай я помогу тебе надеть подвеску, — бывший встаёт, не дожидаясь моего ответа.

Собираю волосы, оголяя шею. Ловкие пальцы мужчины скользят по моей коже, легко застёгивают карабин и, через чур интимно, задерживаются у молнии платья на спине. Я вздрагиваю, а бывший, продолжая свою игру, скользит пальцами по моему позвоночнику. Сквозь лёгкую ткань чувствую электрическую волну, прошибающую и горячую.

— Прекрати! — строго выговариваю, отшатнувшись от прикосновения.

Меня нервирует, что он позволяет себе так со мной обращаться, что распускает руки и предпринимает попытки вызвать во мне возбуждение. Этому не бывать. Однажды я уже повелась, бросилась в омут забытых чувств с головой. Больше я этого не допущу. Да и как вообще можно захотеть человека, который целенаправленно рушит жизни? Не только мою, но и моего мужа, моей дочки! Всё, что я чувствую — отвращение и непреодолимое желание сбежать в туман.

Есть надежда, что после этого свидания Дима и правда оставит меня в покое, но она ничтожна мала.

— О чём ты хотел поговорить? — перевожу тему.

— О нашем будущем, — смотрит в упор.

— У нас нет общего будущего, ты же понимаешь?

— Алис, у тебя нет выбора. Тебе придётся сдаться!

— Пф! — закатываю глаза. — Это тебе придётся сдаться, Димочка!

— Ты же знаешь, что я не проигрываю.

— Всё когда-то бывает в первый раз! — развожу руками.

Бывший молчит. Буравит меня взглядом.

— Дим, уезжай, пожалуйста! Оставь меня в покое! — говорю слишком слезливо, с тихой мольбой.

— Я не могу, — качает головой. — Я уеду отсюда только с тобой!

— Чего ты добиваешься?

— Я добиваюсь тебя, милая!

— Я люблю мужа! — опускаю глаза на свою руку, осматриваю обручальное кольцо, которое украшает мой палец.

— А он тебя не любит, раз поверил в твою измену, — колкие слова заставляют ком подойти к горлу.

Исподлобья смотрю на собеседника.

— Алис, давай я куплю тебе квартиру. Не хочу, чтобы ты жила в общежитии с крысами и насекомыми.

— А что взамен? — страх сковывает.

— А взамен ещё одно свидание.

Мне действительно нужна квартира, чтобы забрать у Жени Василису. И, наверно, я смогу потерпеть ещё один вечер рядом со Стрельцовым ради своей семьи.

— Просто свидание и всё? — уточняю сквозь зубы.

Не хочу я с ним видеться. Не хочу! Душа мечется внутри тела, ищет выход, чтобы улетучиться и не принимать участие в этой игре.

— Просто свидание. И всё! — подтверждает мои слова.

— Поможешь мне устроиться на работу?

— Помогу, но только после третьего свидания.

Официант приносит наш заказ, и я понимаю, что меня вновь тошнит. Кусок в горло не лезет. Мысли связались в узлы, которые мне не хватает сил распутать.

Пока Стрельцов поедает свою пасту, я ковыряю вилкой салат. Попробовала совсем немного, но поняла, что есть не могу. Слишком сильно нервничаю.

Мне действительно нужна квартира!

Конечно, забив на всё, я могу выкрасть Василиску и пожить с ней в съёмной комнате в общежитии, но как решить финансовый вопрос? Дима сделал всё, чтобы я не смогла найти работу. Денег, которые дала Юля, едва ли хватит на два месяца. Можно было бы забрать малышку и уехать к сестре, но это тоже не выход. Женя взбесится и решит отомстить, тогда уж точно несдобровать. Я должна беречь Василиску от наших с мужем ссор.

— Ты почему не ешь? — Стрельцов измеряет взглядом мою тарелку.

— Не голодна, — шепчу я, нанизывая на вилку лист салата.

— Ну ты даёшь, Зимица! Кто же ходит на свидания с полным желудком?

Закрываю глаза и сильнее сдавливаю вилку в руке. Такая усталость накатывает, что выть хочется.

— Алис, что мне сделать, чтобы ты дала мне шанс?

— Шанс на что?

Как только хватает наглости о таком спрашивать?

— Шанс на любовь! Я ведь на самом деле изменился! Я все эти пять лет только и делал, что мечтал о встрече с тобой!

— Хватит! Твои сладкие речи тебе не помогут!

— Алис, я такой дурак, — Стрельцов виновато закрывает лицо рукой. — Я же люблю тебя, милая! Я так хочу тебя вернуть!

Смотрю на него, и даже жалко становится мужчину. Может, он на самом деле осознал свою ошибку?

Рано или поздно любой бабник задумывается о семейном очаге и искренней чистой любви. Да и я, наверно, что-то да сохранила в глубине души. Если бы я ничего к нему не чувствовала, не было бы такой реакции в день нашей первой встречи спустя пять лет.

Я ведь задумалась о том, что способна бросить Женю, если Дима позовёт.

И вот он меня зовёт, а я не знаю, чего хочу. Я люблю мужа. Всем сердцем. Но и Дима мне не безразличен.

— Я не знал, что мне делать, поэтому со злости подставил тебя. Обвинил в том, чего бы ты никогда не сделала. Жаль, что твой муж не понимает, насколько ты правильная и хорошая. Видимо, за время вашего брака, он так и не понял, что ты не способна на измену.

— Кто та девушка, которая притворилась мной?

Дима тупит взгляд и медленно моргает:

— Я её не знаю. Предложил денег, и она согласилась сделать такие фото.

— А кто такая Таня, которая моего мужа охмуряла? — поджимаю пальцы на ногах, до боли и хруста.

— Актриса. Нанял её, чтобы Захарова твоего соблазнила, — сводит брови, и на переносице образуется едва заметная складочка.

— Женя крепкий орешек, — улыбаюсь, на этот раз искренне.

Я рада, что муж не повёлся на эту Таню.

— Алис, прости меня! Я не со зла это сделал, а от собственного бессилия!

Почему-то я верю Диме. Выглядит он убедительно и жалко. У бывшего даже глаза на мокром месте.

— Ты простишь меня?

— Я не знаю, Дим, — шепчу в пустоту.

— Я очень виноват! Я понимаю, что натворил. Я лишил тебя счастья. Но ты можешь быть счастлива со мной!

Прикусываю губу до боли. Его слова звучат так складно, но сердце предательски ёкает, предчувствуя какой-то подвох.

— Мне сейчас очень тяжело! — качаю головой.

Кажется, будто я тону в солёном океане во время шторма. Все мои страхи собрались в одном месте, и вздохнуть становится сложно. Боль пронзает лёгкие, сердце мучительно колет.

— Я понимаю тебя, Алис, — Дима осторожно двигает свою руку к моей, наши пальцы мягко соприкасаются.

— Я уже сама себя не понимаю, — едва заметно улыбаюсь от нахлынувшей паники и бессилия.

— Ведь есть надежда, что мы сможем попробовать сначала? — его голос звучит отдалённо, как будто мне в уши ваты набили.

— Я не знаю.

— Может, когда отболит, ты сможешь понять, почему я так подло поступил и простишь меня.

— Я понимаю мотивы твоего поведения, но это тебя не оправдывает. Из-за того, что ты опустил меня в глазах Жени, страдает моя дочь!

— Василиса страдает? — в голосе Стрельцова отчётливо чувствуется тревога.

— Представь себе! — фыркаю. — Её разлучили с мамой!

— Ты должна забрать её, Алис.

— Куда? В общагу?

— Знаешь, — Дима, будто набравшись смелости, но всё ещё робко и осторожно, накрывает своей ладонью мою руку, и по телу в миг разносятся проклятые мурашки. — Я куплю тебе квартиру завтра же.

Смотрю на него в упор, с недоверием и негодованием. Как я могу ему верить после того, как он выстрелил мне в спину? Причём дважды! Изменил на кануне свадьбы. А потом подкинул моему мужу те злосчастные фотографии якобы со мной.

— Я серьёзно, Алиса. Не нужны мне никакие условности, я куплю тебе квартиру просто так. Не нужно тебе мучаться и терпеть меня ещё один вечер.

— Просто так? — уточняю, не поверив собственным ушам.

— Я испортил тебе жизнь, но я хочу всё исправить!

— Испортил — это мягко сказано!

— Прости, я такой мудака! — скулит как пёс.

Осталось только виновато хвостом повилить.

После этого разговора мне становится ещё хуже. И пока Стрельцов отвозит меня домой, я залипаю в окно, отгоняю назойливые мысли, роящиеся как стая комаров. Главное сейчас сохранять холодное спокойствие и не ошибиться в своём решении.

Дима тормозит у скучающего здания, которое теперь является моим домом. Осматриваю взглядом серую пятиэтажку и морщусь.

До чего я докатилась!

— Алис, я заеду за тобой завтра, возьму с собой знакомого риэлтора. Пара дней, и ты сможешь забрать Василису домой! — бывший воодушевлён. — Нужен будет твой паспорт для оформления документов.

— Хорошо, — устало бормочу себе под нос.

Хочется опустить руки и плыть по течению. Будь что будет. Я никогда не была сильной женщиной со стальным стержнем. Юля, наверно, такая. Каменная. На ней будто броня какая-то! А я всегда была слабее и духом, и телом. Мне не хватало мужества. Я как колочка цеплялась за мужчин и служила им, обустроивая для них уютную жизнь.

Теперь мне не за кого цепляться. Я понимаю, что должна собрать волю в кулак, но трусливо поджимаю хвост и складываю лапки.

— Ты что-то совсем поникла, — Дима смотрит на меня, но не трогает.

Я боялась, что начнёт приставать. Но он на удивление ведёт себя достойно.

— И в этом виноват ты, — проговариваю, скрывая ненависть.

— Как только квартирный вопрос решится, я исчезну. Обещаю.

— А что я буду делать с работой?

— Найдёшь что-то. Я не буду мешать.

— Ты уже постарался и помешал! — искоса смотрю на его сожалеющую физиономию.

— Тебе пора домой, Алиса, — тянет с неохотой.

Я и сама знаю, что пора.

Выхожу из машины и плетусь к подъезду.

После свиданий с мужем я всегда чувствовала воодушевление. Будто крылья за спиной отрасли! А сейчас лишь чувство пустоты и полное отсутствие жизненных сил.

После свиданий с Женей дома меня ждал горячий секс, построенный на обоюдном желании и диких животных инстинктах, и сладкий сон в его крепких руках. А сейчас меня ждёт пустая комната и холодная постель.

Оборачиваюсь, провожая взглядом крутую тачку Стрельцова. Набираю побольше воздуха в лёгкие и вхожу в подъезд, где воздух спёртый и зловонный.

Врываюсь в комнату, смотрю на своё отражение с отвращением. Я согласилась принять помощь у того человека, который разрушил всё вокруг меня. Осматриваю грязные стены съёмной комнаты и фыркаю. У меня нет выбора. Василису забирать надо, но не в такие условия.

Вновь перевожу взгляд на себя. На шее блестит подаренный кулон. Хватаю его непослушной рукой, срываю с шеи цепочку и выбрасываю её из окна. К чёрту! Не нужны мне от Стрельцова никакие подарки!

Женечка, как же я по тебе скучаю! По твоему сильному мужскому плечу, по ласковым словам. По милому и дурашливому прозвищу — Лисёнок. По взгляду, полному любви и тепла. По рукам, которые так крепко обнимали, разгоняя все тревоги и печали.

Почему ты поверил в ложь? Зачем лишил меня своей любви?

Я без тебя не могу.

Я без тебя умираю!

Впервые за время разлуки я настолько сильно нуждаюсь в нём, что всё тело сводит судорогой. По венам будто яд течёт, отравляя и причиняя физическую боль. Эта тоска обрушивается грудой массивных камней, а я лишь рыдаю.

Реву навзрыд.

Уже через две минуты моих истеричных всхлипов и воя соседи долбят в стену. Слышат меня. Я мешаю им спать.

А я ничего с собой сделать не могу!

Накрыло.

Так сильно, что жить не хочется.

Беру телефон и набираю номер мужа. Всё равно, что время уже позднее и ему на работу рано вставать. Я должна хотя бы его услышать. Постараться снова убедить его в том, что я не изменяла, что я не та гадина, которой он сейчас меня считает!

— Ало, — голос вовсе не сонный.

— Привет, Женя, — это всё, на что меня хватает, а после я задерживаю дыхание, чтобы не рыдать в трубку.

Он молчит, и эта тишина больно кусает меня.

— Как у тебя дела? — наконец-то спрашивает, а я громко всхлипываю на выдохе.

— Плохо, — скулю.

— Что, любовник тебя обидел? — злорадствует.

Слова мужа — как лезвие по горлу. Смертельны.

— У меня нет любовника, — шепчу закрыв глаза.

— Он тебя бросил?

— Нет. У меня его и не было.

— Алиса, — недовольно рывкает. — Зачем ты звонишь?

— Я скучаю по тебе! — выдаю громко и уверенно.

— Скучаешь? — удивлённо.

— Очень сильно скучаю!

Женя тяжело дышит в трубку. Молчит.

— Я люблю тебя, — говорю шёпотом, почти не слышно.

Вытираю слёзы, а саму шатает. Облокачиваюсь лбом в стену, стараясь держать равновесие. Тело обмякло, ещё чуть-чуть и я упаду.

— Я просил тебя больше мне не звонить, — старается говорить сухо, но я сквозь расстояние чувствую его боль.

— Я просто хотела услышать твой голос.

— Услышала?

— Угу, — всхлипываю.

— Довольна?

Молчу.

— Спокойной ночи, Алиса. Постарайся больше не тревожить меня своими ночными закидонами!

Телефон выскальзывает из непослушных пальцев.

Хочется биться лбом в стену, чтобы заглушить все эмоции, чтобы прекратить свою истерику.

Я вновь падаю на кровать, и силы меня покидают. Стремительно проваливаюсь в запутанный и страшный сон.

Когда принимаю утренний душ, голова ужасно болит. Лицо опухшее. Глаза красные.

И душа кровоточит, разодранная в клочья.

Сегодня я снова увижу Диму, который во всём этом виноват. Мне мерзко от самой себя, но выхода нет.

Здесь, в общежитии, я с ума схожу. Будет квартира. Рядом будет Василиса.

Обязательно станет легче.

Я займусь ребёнком.

Отвлекусь.

У моего жалкого существования вновь появится смысл. И я соглашусь на любую работу,

чтобы прокормить дочку.

Да, это будет не та жизнь, о которой я мечтала сама и которую хотела для своей рыжеволосой малышки, но мы будем вместе.

И вместе нам будет лучше, чем врозь.

Алиса выходит из подъезда в короткой юбке и белой рубашке. Волосы заколола в хвост, накрашена как-то по особенному.

Красивая.

Статная.

Развод ей только на пользу.

— Привет, — подходит совсем близко и улыбается.

Только глаза красные и холодные.

Ледяные. И этот тёмный лёд способен заморозить любое сердце, каким бы горячим оно не было.

Видно, плакала ночью. А макияжем пыталась скрыть это.

— Ты потрясающе выглядишь! — награждаю её заслуженным комплиментом.

— Спасибо, — опускает взгляд, будто смущается. — На самом деле я уже забыла, что существуют такие короткие юбки.

— Тебе очень идёт! Носи такое почаще.

— Дим, я думала утром о квартире. Если оформить её на меня, то Женя может...

— Да, — перебиваю. — Может потребовать долю, так как эта недвижимость будет считаться купленной в браке.

— Как быть? — в глазах Зиминной читается вселенское волнение и отчаяние.

— Не бойся, куколка! Я всё продумал.

Продумал. И даже квартиру для неё уже выбрал. Двушку в центре. Недалеко от меня.

Вчерашнее свидание стало показательным. Теперь я точно знаю, что двигаюсь в правильном направлении. Скоро, совсем скоро Алиса, сама того не ведая, станет привязана ко мне. Лёд треснул вчера, я отчётливо это почувствовал. Моя чуйка меня ещё не подводила.

И то, что сейчас от неё веет холодом, вовсе меня не пугает. Нужно время. Она отгадет.

Риэлтор уже ждёт нас у большой новостройки.

— Добрый день, я Павел Ильич! Рад, что вы обратились ко мне! — представляется мужчина, одаривая мою спутницу любопытным взглядом.

Сегодня Зимина — королева. Цепляет мужские одобрительные улыбки своими оголёнными стройными ножками.

Квартира на десятом этаже.

Пока поднимаемся, я внимательно наблюдаю за реакциями Алисы. Она осматривается в подъезде, оценивающим взглядом изучает свежий ремонт. В лифте долго пялится на себя в зеркало.

И, наконец, попадаем в просторную красивую квартирку.

— Милые обои, — молодая женщина проводит ладонью по светлой стене с большими пёстрыми бабочками. — Василисе понравятся эти рисунки.

— Как она? — тут же кидаю вопрос, хотя самому мало интересно.

— Я вечером поеду к ней. Если всё получится, то уже сегодня заберу её домой.

— Всё получится! — стараюсь подбодрить Алису как можно искреннее. За последнее время я стал неплохим актёром. — Как тебе квартира?

— Нравится. Дорогая? — Зимина неожиданно обращается к риэлтору, а я невольно хмурюсь.

Будет устраивать сцены, что слишком дорого...

— Цену мы обсудим потом, — отрезаю я до того, как Павел Ильич успевает открыть рот. — Алис, мы покупаем эту квартиру?

— Наверно, — пожимает плечами.

— Пока что я оформлю её на себя. Как только ты разведёшься, квартира станет твоей.

Зими́на с недоверием хмурится и складывает руки под грудь. У неё нет выбора. Просто нет.

— Ну, что такое? — мягко улыбаюсь.

— Не знаю, Дим. Как-то это не правильно всё.

— Что тебя не устраивает? — беру её за руку, осторожно провожу большим пальцем по бархатной коже.

Вздрагивает, но вырваться не спешит.

— Мне как-то неудобно, что ты мне помогаешь, — хлопает ресницами.

— Я хочу искупить свою вину. А потом, если ты прикажешь, я исчезну. Обещаю.

Алиса не отвечает. Смотрит на меня по-прежнему с недоверием.

Ничего, рыбка, скоро всё изменится.

...

Еду к Василиске, а у самой ладошки потеют и нервными пятнами покрываются. И щёки огнём горят.

Взять и просто забрать ребёнка — рискованный шаг. Женя взбесится.

Мне всё ещё горько, что самый близкий мой человек поверил в ложь. Меня оклеветали, а он повёлся. Может, Дима прав? Раз муж так просто от меня отказался, то он никогда меня не любил?

Медленно на меня накатывает осознание, что Стрельцов — единственный, кто может помочь мне в сложившихся обстоятельствах. Я должна добиться, чтобы Вася осталась со мной. Любым способом. Любой ценой.

Но просить Диму о помощи — последнее, что я хочу делать.

Стучусь в дверь, осторожно и робко. Слышу в квартире шорох приближающихся ног.

— Кто там? — дежурно спрашивает Анастасия Сергеевна.

— Это я, — отзываюсь тихо, и дверной засов отпирается.

Свекровь выглядывает сквозь щель, скользит глазами по моим оголённым ногам и недовольно ухмыляется.

— Юбку забыла надеть? — ведёт бровью.

— Здравствуйте, Анастасия Сергеевна, — решительно улыбаюсь, смотря в её серые глаза. — Я к Василиске.

— Кто там? — слышу звонкий голос своей малышки, и это придаёт мне уверенности в собственных силах.

— Малышка, это я! — вспыхиваю радостью, а свекровь кривится и дверь держит, не впускает меня. — Анастасия Сергеевна, мы же договаривались, что я буду приходить.

— После того, как ты в прошлый раз ушла, у Василисы была истерика! Я её еле успокоила! — шипит женщина, сильнее сжимая пальцы на дверной ручке. — Больше я такого не хочу.

— Вы устали от Васи? — усмехаюсь. — Малышка, поедешь с мамой?

— Дааа! — визг за дверью полон детского восторга и беззаботности.

— С ума сошла? — свекровь в ужасе хватается за сердце.

— Мама! — мой родной котёнок, пользуясь случаем, выскакивает на лестничную клетку и запрыгивает в мои объятия.

Крепко прижимаю к себе, вдыхаю запах родного ребёнка и глаза от наслаждения закрываю.

— Отпусти! — женщина хватается Василису за руку и резко тянет на себя.

Слишком сильно. Малышка взвизгивает от боли и с непониманием смотрит на бабушку.

— Василиса, иди домой! — пытается затащить девочку в квартиру, а та выворачивается и всхлипывает, ко мне тянется.

И смотрит мне в глаза своими пронзительными, с немым криком о помощи.

— Ей же больно! Отпустите! — команду я, но ополоумевшая женщина не реагирует.

— Мама! Мамочка!

— Алиса, ты такая дрянь! — Анастасия Сергеевна взмахивает рукой в готовности меня ударить.

Сердце предательски ёкает, удар пропускает. Я закрываю Василиску своим телом, чтобы ей случайно не попало.

— Ты плохая! — кричит малышка, а из глаз её прыскают слёзы. — Бабушка, я хочу с мамой! С мамой хочу!

— Пойдём, — подхватываю дочку на руки и спасаюсь бегством.

Свекровь визжит, посылая мне в спину громкие ругательства. Кажется, даже за нами бежит.

Вася надрывно плачет.

Громко, на всю улицу.

Ставлю малышку на землю и слегка встряхиваю.

— Всё позади, котёнок. Я рядом. Я с тобой! — вытираю её слёзы.

Вася тяжело дышит, и губы её дрожат.

Испугалась.

Смотреть на неё больно, и эта боль чувствуется физически. Словно меня через мясорубку прокручивают.

Мой ребёнок не заслуживает всего этого! Мы с Женей два взрослых человека, а устроили просто какой-то цирк. А хуже всего от этого нашей родной девочке.

Нам нужно сесть и поговорить.

Женя должен понять, что делёжка живого ребёнка — это уже слишком. Но это не сегодня.

Сейчас я должна успокоить Василису.

— Зайчик, я больше не дам тебя в обиду, — заверяю девочку с зелёными мокрыми глазами, ласково по волосам глажу.

— Мам, а бабушка... — всхлипывает. — Бабушка с ума сошла?

— Она просто перенервничала. Бывает. Бабушка тебя очень любит, она не хотела тебя пугать.

— Я не хочу с ней жить!

— Теперь ты будешь со мной, — прижимаю Василису к себе одной рукой, другой быстро клацаю по экрану телефона, заказывая такси.

— А папочка?

Задерживаю дыхание. Новая порция мучительной боли жалит между лопаток.

— Папа тебя любит. Он обязательно придёт к нам в гости.

— Я хочу жить с тобой и с папой вместе.

— Я тоже, милая, — сил нет сдержать слёзы. — Я тоже.

Василиса успокаивается, долго стоит на пороге новой квартиры, изучающе рассматривает пёстрых бабочек на обоях. Задумчиво улыбается, проводит по ним рукой и задорно хихикает.

— Ма, а мои класки остались у бабушки. Как же я буду лисовать? — малышка переводит на меня глаза в момент наполнившиеся слезами.

Жить не может без рисования.

— Я купила тебе альбом и акварель!

— Я хочу нарисовать бабочек, — серьёзно выдаёт Василиска.

Устраивается на кухне с альбомом и кисточками, пока я тут же готовлю для нас ужин.

Наверно, это было не верным решением: взять и вот так сбежать от Анастасии Сергеевны, схватив при этом ребёнка. Но свекровь перегнула палку. Замахнулась на меня, чуть было не ударила. В последний момент передумала. Застыла с каменным лицом, кажется, даже дышать перестала.

Засыпаю макароны в кипящую воду, перемешиваю. И столбенею от осознания собственной действительности, в которой мне приходится вариться точно так же, как этим несчастным макаронам в кипятке.

Я живу в квартире своего бывшего.

Да, он купил её для меня. Но от этого не легче. Не понимаю, что Дима пытается сделать? Хочет, чтобы я оттаяла, простила его? Закрываю глаза и шумно выдыхаю. Стрельцов действительно может наладить мою жизнь, мне стоит только согласиться на отношения с ним. Но где гарантия, что я не получу клинок в сердце? В прошлый раз он безжалостно растоптал мои чувства грязными ногами, в душу мне плюнул!

Я боюсь верить, что он изменился.

Особенно сейчас, когда он подставил меня.

И я так тоскую по своему мужу, что сердце болезненной судорогой сводит.

Но выбора у меня нет.

Если бы Дима не купил эту квартиру, я бы не смогла забрать Василиску. Моя родная девочка и дальше бы плакала от жизни с бабушкой. Анастасия Сергеевна не плохая, просто иногда бывает слишком уж требовательной. Представляю, как она пыталась воспитывать Василису.

— Ма, а когда папа плидёт? — детский голос вытаскивает меня из собственных размышлений.

— В выходные мы с ним обязательно встретимся, — обещаю я, а сама вздрагиваю.

Нам это необходимо. Нужно сесть и поговорить. Всё обсудить спокойно, по полочкам расставить. Я не знаю, как доказать мужу, что я чиста перед ним, что измены не было. Так что единственное, что я могу — хотя бы попытаться сохранить спокойное общение, без предьяв и разборок.

Телефон жужжит на столе рядом с Василисой.

— Кто-то звонит! — дочка на мгновение отрывается от рисунка и заглядывает в мои глаза, а я с паникой смотрю на экран мобильного.

Кусаю губы, стараясь успокоить нервы. Выдыхаю и отвечаю на звонок.

— Алиса! — голос мужа лютый, покрывающий мраком мой рассудок. — Где моя дочь!?

Взяв себя в руки, быстро выхожу с кухни и закрываюсь в дальней комнате.

— Вася со мной, — говорю тихо, чтобы дочка не слыша.

— Где вы? — рычит по звериному.

— Жень, остынь. Василисе со мной лучше, чем с твоей матерью.

— Алиса, ты скоро доиграешься! — с ненавистью и упрёком.

— Ты должен успокоиться. В выходной мы встретимся и всё обсудим. Василиса живой человек, мы не должны над ней издеваться.

— Издеваешься над всеми только ты! — парирует муж и скидывает вызов.

В тишине комнаты слышу собственный учащённый пульс. Он долбит, словно молоток по наковальне.

— Ма, — дверь осторожно открывается, сонная Василиска застенчиво хлопает ресницами, ещё не привыкла к новой квартире. — Там макалоны шипят!

Возвращаюсь на кухню и убавляю огонь на плите.

— Сейчас поужинаем и ляжем спать, милая, — прижимаю малышку к себе и, наконец, успокаиваюсь.

Василиса — центр моего мира. Сейчас половину моего расколотого сердца занимает она, а другую — боль от разлуки с Женей и его необъятная обида на меня за то, чего я не делала.

Наверно, я не ценила мужа настолько, как должна была это делать. В быту и каких-то мелких проблемах перестала замечать, какой он чудесный, как старается для нас с дочкой, как сильно нас любит. Я же даже истерики ему закатывала, что он на работе остаётся допоздна. В изменах подозревала.

Идиотка.

После ужина ложимся в одну постель. Василиса прижимается ко мне, а я по традиции читаю ей сказку, только в этот раз на телефоне.

Глазки дочки слипаются, и уже совсем скоро она проваливается в сон. А я ещё долго лежу, глядя в потолок и утопая в горечи собственных мыслей.

До выходных ещё много времени. Я должна чем-то себя занять, кроме поисков работы. В мгновение проскальзывает гениальная идея — уехать к моей сестре на пару дней. Перевести дух. Выдохнуть. Расслабиться.

А в выходной я встречу с мужем.

Просыпаюсь ранним утром от лёгкого ветра, скользящего прохладой по моим щекам. Рядом сопит Василиса, раскинувшись звездой в центре кровати. Улыбаюсь и накрываю малышку одеялом, чтобы не замёрзла и не заболела, а у самой сердце трепещет от накатившей нежности.

Наконец-то дочка со мной.

Встаю и подхожу к открытому окну. Солнце играет в комнате яркими бликами, лёгкие занавески колышутся. Вдыхаю полной грудью, втягиваю носом воздух, шумно, жадно, до предела. Пока места в лёгких не останется. Пахнет сыростью и свободой.

Хочется верить, что ночной дождик смыл всё плохое, и теперь нам с Васей ничего не угрожает.

Готовлю завтрак, бужу малышку. Одеваемся и выезжаем — нас ждут приключения.

Юлю предупреждать не стала, будет сюрприз! Представляю, как сестра обрадуется встрече с племянницей. Главное, приехать до того, как Юлька выйдет на работу. Посчитала по её графику — ей сегодня в ночь.

...

Выбрать хороший букет оказывается довольно сложно. Хочу что-то яркое и экзотичное, чтобы Алиса восхитилась искренне, а не как обычно.

Мы на верном пути.

Её мелкой схватил шоколадку и плюшевую здоровую белку. Такую, что она заняла всё заднее сидение в моей тачке. Если я подружусь с Василисой, это будет ещё один жирный плюс мне в карму. Найду с девчонкой общий язык, она ко мне привыкнет, будет спрашивать у своей сексапильной мамочки "А когда дядя Дима придёт?", и у Алисы не останется выбора.

Она станет ближе ко мне.

Добравшись до недавно купленной квартиры, поправляю волосы пятернёй, одёргиваю пиджак и звоню в звонок.

Тишина напрягает и отзывается в сердце тоской.

Звоню второй раз, задержав палец на кнопке. Может спят? Не слышат..?

Напрягаю слух, прильнув в замочной скважине. В квартире пусто. Ни шороха, ни голосов.

Отвратительные мысли в голову лезут и спицами пронизывают мозг. Болезненно и мучительно. Начинаю закипать от злости.

Самое страшное, что могло произойти — примирение семейки. Я почти уверен, что Захаров не из тех людей, которые позволили бы вытереть об себя ноги. Он не простит женщине измену. Почти уверен, но не на сто процентов. Есть малая вероятность, что Женя — олень, который готов носить рога и прислуживать женщине.

— Сука, — шиплю себе под нос, и здоровая игрушечная белка летит на пол.

Стучу в дверь с ноги в нелепом порыве бешенства.

Если Алиса помирилась с мужем — это точка невозврата. Тогда мне останется только одно. Убить Захарова...

... и закопать.

Оставив белку с букетом под дверью, выхожу из подъезда. Прыгаю в тачку и мчу по адресу, где живёт муж желанной мною женщины.

Звоню Алисе, но её телефон недоступен.

Крепко держу дочку за руку и стучусь в квартиру, где прошло моё детство и студенческие годы. Снова в памяти всплывают обрывки беззаботной жизни, которая меня не тяготила, а наоборот, приносила покой и трепетную радость. Невольно осматриваюсь в подъезде, вспоминая, как Стрельцов провожал меня домой после вечерних прогулок и жадно целовал, прижав к стене.

Этот подъезд проклят. Тут всё напоминает о том, какой наивной я была шесть лет назад: кинулась в любовь, как в омут. С головой.

И как утонула в человеке, сделав его смыслом своей жизни.

— Алиса? — сестра распахивает дверь и застывает.

Смотрит на меня округлёнными испуганными глазами.

— Тётя Юляяя! — кричит моя рыжеволосая копия и набрасывается на мою сестру.

— А вы чего не предупредили? — негодуя хмурит брови.

— Сюрприз! — невинно выдаю я, всплеснув руками.

— Сюлплиз! — передразнивает Василиса.

— Алиса, я не одна, — Юля глядит на меня с прищуром, пытаясь скрыть волнение.

— С мужчиной?

— Да.

Отгоняю проскользнувшее удивление, стараясь не наброситься на сестрёнку с допросом. Когда она успела найти мужчину? Почему ничего не рассказала? Кто он вообще, как они познакомились?

— Ладно, проходите. Не выгонять же вас теперь, — недовольно бубнит себе под нос, шире распахивая входную дверь.

Пока разубаюсь, невольно кошусь в сторону кухни. Оттуда доносятся шорохи и мелодичное пение бархатистого мужского голоса.

— Алис, только давай без твоих комментариев, ладно? — Юля складывает руки под грудь и смотрит на меня исподлобья.

— Я просто удивлена, Юль. У тебя же никогда не было мужчин! — тихонько шепчу я.

— А когда мне было личной жизнью заниматься? Сначала учёба, потом я тебя вырастить пыталась и выучить, чтобы ты необразованной не осталась, а потом я привыкла вкалывать на работе, как лошадь. Уже не до мужчины было.

Её слова звучат с горечью и сожалением. Будто все эти годы она страдала от одиночества и вот, под сорок лет, решила наконец-то обрести счастье в облике живого мужчины.

— Юль, я... — собираюсь высказаться о том, что никогда не думала про её одиночество, что мне жаль, что всё так обернулось.

— Молчи, — пресекает меня строгим взглядом, и я покрываюсь мурашками.

До меня доходит простая истина: Юля не была счастлива все эти годы, а я этого не замечала.

— Добрый день, красавицы! — из кухни показывается молодой мужчина, и у меня челюсть отвисает.

Чуть-чуть на пол не падает от шока.

— Денис!?! — не верю собственным глазам.

— А, милая попутчица, которая боится грозы!

Я никак не ожидала увидеть его. Слишком молодого для моей сестры. Человека, который с первого взгляда мне не понравился. Он пристал ко мне с расспросами в маршрутке, и я его испугалась.

— Вы знакомы? — Юля встревожена.

— Познакомились около двух недель назад! — выдаёт Денис. — Удивительно, что вы сёстры. Очень разные! — переводит взгляд с меня на Юлю, а потом возвращает обратно на меня. — Пойдёмте завтракать, я сырники сделал.

— Сылники! — радостно взвизгивает Васька и первая проскальзывает на кухню.

За странным завтраком в обеденное время Денис принимается болтать без остановки. Сюсюкает мою малышку, узнаёт о её увлечениях, удивляется тому, как сильно она похожа на меня. Затем быстро пересказывает историю знакомства с моей сестрой. Юля забыла кошелёк, а Денис за неё заплатил. Взял номер телефона.

Так и закрутилось.

И, кажется, его вовсе не смущает, что сестра старше чем он лет на пятнадцать точно.

— Ладно, дамы, мне пора на работу, — мужчина встаёт и целует Юлю в уголок губ. — До завтра, милая!

— До завтра — отзывается раскрасневшаяся женщина.

— Юль, расслабься, — хихикаю я.

— Как он тебе? — вкрадчиво интересуется сестра.

— Тебе не кажется, что он слишком молод? — прячу улыбку за ладонью.

— Возраст — это просто цифра!

— Ах да, — усмехаюсь.

— Алис, а вы надолго? Денис вечером придёт, мы живём вместе. А я на работе буду.

— Боишься, что я парня у тебя уведу? — бровь невольно вздрагивает.

— Просто неудобно как-то. Вы без предупреждения, — пожимает плечами.

— Юль, расслабься, всё будет хорошо. Завтра вечером уедем!

Пару минут родственница рассматривает меня, пристально. Понятно, что у неё много вопросов сейчас. В первую очередь о том, как я забрала Василису от опеки Жени и свекрови. Но задавать их сестра не спешит.

— Ладно, — вздыхает. — Так, Василиса! — поворачивается к малышке и загорается искренней улыбкой. — Скажи мне, милый ребёнок, чем ты хочешь заняться? Я могу сводить тебя в батутный центр или в зоопарк. Куда пойдём?

Хитрые глазки Василисы блестят.

"В зоопарк!" — мысленно произношу я, предугадывая слова дочери.

— В зоопарк!

Я её хорошо знаю. И, уверена, после общения с животными в её альбоме появится целая серия новых рисунков жирафов, слонов и пингвинов.

Солнце печёт в макушку. День выдался очень жарким. Юля идёт впереди, держит Васю за руку.

Оборачивается, указывая пальцем на обезьянок с красными задницами.

— Смотри! На Стрельцова похожи! — весело выдаёт сестра и смеётся.

А я нервно вздрагиваю.

Только забыла обо всём, как на тебе!словно гром среди ясного неба!

Вечером Юлька уходит на работу, а Василиса, как я и предполагала, усердно трудится

над новым рисунком. Даже язык высунула и прикусила его слегка, вырисовывая белого медведя с рыбиной в пасти.

— Класиво? — показывает мне своё художество и требовательно щурит глаза.

— Да, ты настоящая художница! Вот подрастёшь, откроешь свою картинную галерею!

— Отклою! — деловито улыбается, возвращаясь к карандашам.

Денис приходит с работы, когда Василиса уже спит.

— Алис, — тихий шёпот разрывает тишину спальни. — Составишь компанию в пьянстве?

— Что? — говорю также тихо, чтобы дочку не разбудить.

— Я пива купил. Ты будешь?

Непонимающе рассматриваю физиономию молодого человека, освещённую тусклым светом ночника.

— Буду.

Необходимо немного расслабиться. В субботу меня ждёт тяжёлый разговор с мужем.

Почти с бывшим.

А сейчас стоит отвлечься и провести время в приятной компании мужчины моей сестры. Если у них всё сложится, мы станем родственниками.

— Юля рассказала мне твою историю, — Денис открывает банку пива и протягивает мне.

— Вот же болтушка! — возмущённо закатываю глаза.

— На самом деле, Алис, ситуация печальная, — вздыхает.

— Угу.

— Я знаю, как тебе помочь! — говорит уверенно, заставляя меня напрячься.

На секунду даже дыхание перекрывает.

— Я помогу тебе... — молодой человек поднимает свою бутылку с пивом, чтобы чокнуться со мной. — Помогу тебе советом.

— Советом? — невольно усмехаюсь, а внезапно накрывшая меня радость отступает так же быстро, как и появилась.

— Да, очень ценным, — едва заметно улыбается.

А я непонимающе поднимаю брови и смотрю на него с вызовом.

— Есть два типа женщин, — плавный голос и убаюкивающий тембр, видимо, подобраны им не случайно.

Я удручённо опускаю глаза.

— Одни женщины с первого взгляда цепляют и западают в душу. Им всё прощают. А есть женщины — репейники. Прилипнут, хер отцепишь. Это те женщины, которые всё прощают мужикам.

Смотрю на него, как на идиота. Возомнил себя то ли философом, то ли психологом.

— К какому типу относишься ты?

— Я? — закрываю лицо рукой, не желая отвечать на этот вопрос. — Наверно, к первому.

— Да? — Денис демонстративно закатывает глаза. — Подумай ещё раз.

— Что за намёки такие? — пробирает злость.

Да кто он вообще такой, чтобы вот так со мной разговаривать? Хочет в душу ко мне залезть, наивно думает, что его "ценный" совет действительно что-то изменит? Ха-ха!

— Алиса, не горячись, — качает головой, упрямый взгляд впивается в моё лицо. — Ты,

Алиса, женщина — репейник.

— Разговор окончен! — собираюсь вставать.

Но Денис резким движением хватает моё плечо, пригвоздив меня к стулу.

— Сама подумай! Зависишь от мужиков. Прислуживаешь им. Ты сама виновата, что жизнь тебя в такой водоворот засосала. Это тебе пинок от судьбы, звоночек своеобразный, призыв к личностному росту!

— А ты, получается, мужик — репейник, раз прицепился к моей работающей сестре, — парирую я, избавившись от его ладони на своём теле.

— Я тренер личностного роста, Алиса. И зарабатываю больше Юли, уж поверь.

С насмешкой смотрю в его лицо, полное решительной серьёзности.

И моя самоуверенность тает, как сахарная вата.

В чём-то Денис прав.

Я и сама уже об этом задумывалась...

Этот разговор запечатлелся в моей памяти, словно яркая вспышка. Я должна научиться жить самостоятельно, раз попала в такой переплёт событий. Не подпускать к себе Стрельцова и не просить его о помощи. Наоборот, он тот, от кого следует избавиться в первую очередь.

Крепко держу Василису за руку. Входим в шикарный детский центр, где для малышей есть буквально всё. Стоит только заплатить, и твоего ребёнка будут целый час развлекать аниматоры в костюмах Смешариков и Фиксиков.

Издали замечаю Женю. Он занял место на фудкорте, уже даже заказать что-то успел.

— Папааа! — взвизгивает моя маленькая копия и стрелой летит в его объятия.

Женя улыбается, хватая дочку на руки. Прижимает её к себе, целует в щёки, шепчет что-то, отчего у Васи на лице вспыхивает яркая улыбка.

Я иду ближе, а саму ноги не держат. Точно в них вата, и я всего лишь тряпичная кукла, не живая игрушка. Шатает из стороны в сторону, как яхту на волнах.

Острая боль захлёстывает, и дышать становится сложнее. Цепляюсь взглядом за его сильные руки, сердце сжимается в тисках тоски и одиночества.

Я тоже хочу, как Василиса, разбежаться и кинуться в его объятия. Прижаться к нему всем телом, вжаться со всей силы в его мышцы. Хочу, чтобы сгрёб меня в своих руках так, что дыхание вовсе прекроет, до хруста костей. Почувствовать его родной опьяняющий запах, и вдохнуть его полной грудью, пока голова не закружится. Ощутить тепло его дыхания в своих волосах. Чтобы он целовал меня нежно и беспрерывно. Или с жадностью и голодом терзал, пока не насытится, пока не онемеют губы.

По телу проскальзывает мелкая дрожь, ощущаю её физическим холодом под кожей, глубоко где-то.

Муж переводит взгляд на меня, и я цепенею, теряюсь, растворяюсь. А на его лице надменность сменяется заинтересованностью. Не зря я надела неприлично короткое белое платье. Женя осматривает меня с ног до головы, медленно, задерживаясь на обтянутых тканью бёдрах и оголённых плечах. Цепляется взглядом за мои губы, а я дышать боюсь, не хочу спугнуть его любования мной.

Я бы всё отдала, лишь бы прямо в этот момент прочитать его мысли.

Я готова продать душу дьяволу и отправиться в преисподнюю за его простое "я соскучился". Потому что я за короткую разлуку, тянущуюся целую вечность, успела истоскаться до тошноты.

— Здравствуй, Алиса, — говорит на выдохе, не разрывая зрительный контакт.

Мы смотрим друг другу в глаза пристально, в упор. С опаской. Будто у каждого из нас за пазухой спрятано по пистолету, кто первый замешкается и отвернётся — того и убьют.

— Привет, — шепчу едва слышно, и глаза слезами наполняются.

Это невыносимо.

Стоять в метре от него и не иметь возможности дотронуться даже украдкой, мельком, в тайне.

— Папа! — мучительную тишину разрывает весёлый голосок Василисы. — Я хочу в палк лазвечений!

Требовательно смотрит на него, поставив руки в бока.

— Я отведу малышку, и мы поговорим, — выговаривает мне и, наконец, опускает взгляд.

Ритм моего пульса становится быстрее, и я ничего не слышу, кроме стука собственного сердца где-то в горле. Падаю за столик и смахиваю влагу с густых ресниц. Хочется схватиться за голову и закричать о том, как мечется по телу моя несчастная душа.

До возвращения Жени я успеваю сто раз накрутить себя. Мысли спутались в тугие узлы, а нервы начали рваться от напряжения, как перетянутые гитарные струны.

— Василиса выглядит довольной, — отстранённо выговаривает муж, присаживаясь напротив меня.

И пока я изучаю его глазами — сканерами, он на меня даже не смотрит. Уложив обе руки на столик, скрестил пальцы между собой. Станный жест. Будто пытается скрыть волнение.

— Я обдумал твои слова по поводу Василисы. С тобой ей и правда лучше, чем с моей мамой, — выдаёт с сожалением, всё ещё смотря в сторону парка развлечений, где оставил дочь.

— Жень, — охрипший голос срывается, и глаза опять на мокром месте. — Ты должен поверить мне, что я не изменяла.

Молниеносный взгляд тёмно-серых глаз прошибает меня насквозь. Я сглатываю болезненный ком в горле и сильно сжожу колени.

— Мне кажется, мы не это хотели обсудить, — низким голосом и с надрывом.

Я знаю, что значит этот его тембр. Хочет скрыть боль и разочарование.

— Женечка, я только тебя люблю. Мне никто больше не нужен! — выпаливаю резко.

— Сколько раз тебе понадобилось переспать с твоим бывшим, чтобы сделать этот вывод? — как болезненный укол в сердце.

Закрываю глаза и боюсь говорить дальше.

Он не поверит.

— Зря ты подняла эту тему, Алиса. Я только начал остывать.

— Я не изменяла, — повторяю как мантру.

— Хватит! — кривится в ужасающей гримасе, а у меня во рту пересыхает. — Я всё видел своими глазами. Те фотографии очень красноречиво обо всём мне рассказали.

— Это подделка. Меня подставили.

— Чего ты добиваешься? — холодный взгляд обжигает.

От напряжения у меня потеют ладони, и губы начинают дрожать. Мне нечего ответить на его вопрос.

Я могла бы сказать, что скучаю. Вывалить на него лавину всех скопившихся эмоций и чувств, устроив себе эмоциональную разрядку. Да толку от этого будет ноль! Просто ноль!

Он не верит.

Да и как можно верить после тех снимков с девушкой, которая похожа на меня как две капли воды.

— В понедельник я подаю на развод. Что-то затянул с этим, — шипит злющим голосом. — И ещё, — смягчается. — Я решил жить с мамой, а квартиру оставить тебе и Василиске.

Молчу. Смотрю в его глаза и тону. Захлёбываюсь. Медленно погружаюсь на дно.

— Спасибо, — плаваю, потому что нужно что-то ответить.

Это хорошая новость.

Я смогу избавиться от Стрельцова, не придётся жить в квартире, которую он купил.

— Алис, я хочу видеть дочь каждый день. Договорись со своим любовником, что я буду приезжать. И, пожалуйста, не настраивай против меня мою дочку.

Тяжело вздыхаю.

"У меня нет любовника" — твердит внутренний голос, но вслух я говорю совсем другое.

— Конечно, Жень. Ты сможешь видеть Ваську когда захочешь.

— Хорошо, — облегчённо улыбается. — Можете завтра приезжать домой. Вещи я заберу сегодня, освобожу квартиру.

Женя очень добрый.

Даже сейчас, когда он уверен, что я последняя тварь, изменившая ему, всё равно остаётся искренним и добросердечным. Не каждый бы оставил жене квартиру после такого.

...

Стою возле подъезда, облокотившись на перила, залипаю взглядом на голубей, вольно разгуливающих прямо у моих ног. Два дня не видел Алису. Когда приходил в квартиру, которую купил для неё, то наткнулся на закрытую дверь и ужасающую тишину за стеной. И это ужасно бесит.

До лютого гнева где-то между рёбрами, обжигающую воспламенённым шаром.

Удивительно, что и по старому адресу Алису я не встретил. Пару раз видел Захарова, поникшего и убитого горем.

А Зимина будто растворилась. И телефон её по прежнему недоступен.

Сегодня меня ждала та же картина — закрытая дверь и тишина за ней. Удручающая, давящая.

Куда же пропала моя куколка?

— Мам, а когда мы тепель к папе поедем? — слышу знакомый голос и оборачиваюсь.

Рыжеволосая малышка стоит рядом со своей красоткой мамой и крепко держит её за указательный палец.

Алиса застывает, впивается в меня презрительным взглядом.

— Что ты тут делаешь? — ядовито шипит, закрывая от меня своего ребёнка.

— Я тоже рад вас видеть, — мой рот кривится в довольной ухмылке. — Я приезжал позавчера, оставил под дверью букет и мягкую игрушку для Василисы.

Зимина вопросительно поднимает брови и глаза расширяет.

— Я не видела ни цветов, ни игрушек.

— Алис, я соскучился, — в этот раз я не вру.

На душе кошки скребут, когда долго не вижу её наивные зелёные глаза.

— Не могу ответить тебе взаимностью, — колко отвечает и глаза прищуривает.

А у меня кровь закипает от того, что она вновь отдалилась. Я думал, что после покупки квартиры она благодарить меня будет и в ноги мне упадёт. Но, видимо, этого не достаточно.

— Привет, Василиса! — делаю шаг и присаживаюсь на корточки, сравниваюсь в росте с малявкой.

— Здравствуйте, — отвечает тихо и за маму прячется.

— Что тебе нужно? — Алиса смотрит на меня с высоко.

— Увидеть вас хотел. Говорю же, соскучился!

— Уходи, Дима! Тебе здесь не рады.

Зимина обходит меня, уводя за собой дочь.

— Что с твоим телефоном, Алиса? Я не могу тебе дозвониться!

Зими́на оборачивается, раскрывая подъездную дверь и пропуская малявку вперёд.

— Я его потеряла, — хитро улыбается и скрывается из виду.

Я снова остаюсь один.

Я не нужен ей.

Не нужен!

Запрыгиваю в тачку и срываю её с места резко, даже резина дымит. Выезжаю на проезжую часть и набираю скорость. Сердце бешено колотится между рёбрами.

Алиса однажды уже поддалась своим истинным чувствам и необузданному неконтролируемому желанию. Ответила на поцелуй, оставив на моих губах сладкий привкус и электрическое покалывание.

Обгоняю машину на повороте, загорается красный на светофоре. Давлю на педаль газа до упора в пол.

Нужно было трахнуть Алису тогда, в том туалете. Она была не против!

А сейчас мне нужно из кожи вон вылезти, чтобы хотя бы добиться её нормального отношения ко мне.

На лбу выступает испарина, глаза наливаются кровью от бешенства и болят так, будто в них насыпали песок. А я продолжаю гнать тачку, выплёскивая все эмоции в скорость. Адреналин расходится по венам жгучим цунами.

Это просто не выносимо.

Ору во всё горло, заглушая биение собственного сердца, стучу кулаком в руль, и на светофоре резко даю по тормозам. Выдыхаю, остановившись буквально в миллиметрах от стоящей передо мной машины.

Я сделаю последнюю попытку. Дам Алисе ещё один шанс на спасение.

Она снова поддастся чувствам. Потеряет контроль и перестанет быть холодной непроницаемой женщиной.

Алиса захочет меня.

А если нет, то я сам возьму то, чего хочу до боли в паху, до омерзительного озноба под кожей, до иступления и одержимости.

Выдыхаю спокойно только когда ложимся спать. Завтра утром вещи соберём и вернёмся в родную квартиру, где каждый сантиметр будет кричать о том, какой счастливой женщиной я была.

Не могу уснуть, долго ворочаюсь. Встаю и подхожу к окну, осматриваю ночной спокойный город. Я думала, что всю жизнь проживу здесь счастливая. Без Димы. Надеялась, что он забудет меня и не будет искать. Вспоминала о нём, как о худшем в жизни кошмаре.

Он стал моим первым мужчиной.

Он научил меня любить до безумия, преданно и отчаянно. Так, как я потом полюбила Женю.

В муже я видела опору и крепкое мужское плечо. Спину, за которую можно спрятаться. Сам того не ведая, с первой минуты нашей встречи он стал моей панацеей. Со временем разгорелась и страсть, и привязанность появилась. И чувства проснулись, нежные и яркие.

Но те ощущения, что были между мной и Стрельцовым, я не испытывала больше никогда. Я болела им. Эти чувства были ядовитым зельем, отравляющим меня каждый день. Я нуждалась в нём, как в воздухе. Землю под ногами не чувствовала от прикосновений, от безудержной страсти и желания подчиняться.

Я люблю Женю по-особенному. За его поступки. За его характер. За его доброту и искренность.

А Диму я вознесла на вершину без причины. Просто потому, что он первый из всех мужчин так рьяно мной заинтересовался.

Юля была права, когда объясняла мне, что мои эмоции ничего общего с любовью не имеют. Но почему-то дошло до меня это только сейчас, когда я нахожусь в полной заднице.

Я хочу вернуть мужа.

Но как?

Что мне сделать? Раскаяться и молить о прощении за то, чего я не делала?

Прохожу на кухню и наливаю себе стакан гранатового сока. Во рту пересохло от собственных мыслей. Жадно выпиваю его, наслаждаясь послевкусием. Обнимаю свои плечи, чувствуя озноб, и тут же возвращаюсь в комнату, чтобы накрыть Василису одеялом.

Сама ложусь, продолжая думать о Жене.

Как я буду без него?

Что мне делать?

— Ма, ты спишь? — Василиска забирается на меня сверху, садится на мой живот, будто на коня, и кладёт тёплые ладони мне на лоб. — Плосыпайся, мамочка!

— Доброе утро, котёнок! — обнимаю малышку, сладко зевая.

— Я голодная, мам.

После завтрака дочка помогает мне собрать вещи. Женя написал СМС, что квартиру освободил, и мы смело можем возвращаться домой.

Он будет приходить к малышке. Это плюс — буду видеть его часто. Может, лёд в его сердце треснет и он смягчится, когда увидит, что Стрельцов не принимает в моей жизни никакого участия. И я буду упорно вдалбливать ему информацию, что меня подставили, оклеветали.

На мгновение застываю перед собранным чемоданом, сердце падает в пятки.

Что было бы, если бы Дима не решился на этот опрометчивый шаг? Если бы он не предоставил моему мужу ложную информацию и не опорочил меня?

Сдалась бы я?

Подпустила бы к себе Стрельцова добровольно?

Меня так сильно крыло от него, когда мы встретились в конце весны, что вспомнить страшно! Я же с ума сходила, думая о нём! И даже ответила на поцелуй.

Если бы Дима не остановился в тот вечер, произошло ли что-то большее, или мой мозг всё же дал сигнал, что я поступаю не правильно?

Мне нет оправдания.

Я накосячила. Совершила страшную ошибку, за которую сейчас расплачиваюсь. Я знаю, что заслужила всё, что происходит.

Я дала бывшему право думать, что ещё что-то к нему чувствую. Поддалась порочным желаниям и ярким воспоминаниям, ожившим и заставившим мой мир перевернуться и рассыпаться, как частички пазла.

Но теперь, когда я точно разобралась в себе и своих истинных чувствах, как мне собрать картинку обратно? Как склеить эти детали пазла намертво, чтобы больше не страдать?

— Ма, поехали? — Вася вырывает меня из собственных тягучих мыслей, и я украдкой смахиваю катящуюся по щеке слезу.

— Да, милая. Поехали.

В одной руке чемодан, в другой — тёплая ладошка рыжеволосой малышки. Василиса радостная и довольная, а я в замешательстве.

Выходим на улицу, и я спотыкаюсь взглядом о тачку Стрельцова.

Да сколько можно!

Это просто невыносимо!

Как маньяк какой-то, одержимый ублюдок.

Чего он добивается?

— Привет! — машет рукой и вытаскивает из салона своей машины огромный букет цветов.

Идёт в нашу сторону, а я лишь крепче сжимаю ручку дочери.

— Куда это вы собрались? — тёмный блеск в его глазах ничего хорошего не сулит.

— Домой. К папе! — сообщает ему Василиса, и я покрываюсь нервными мурашками, почти болезненными.

— К папе? — Дима заглядывает в мои глаза с негодованием.

В его зрачках будто взрывается ненависть, тёмные глаза чернеют, наливаясь яростью и отчаянной жадной мести.

— Вы помирились? — Стрельцов говорит тихо, сквозь зубы.

Замечаю, как пальцы его свободной руки сжимаются в кулаки.

— Нет, — напуганно шепчу я. — Женя решил оставить квартиру мне и дочери.

Дима разжимает пальцы и протягивает букет.

— Это для самой красивой мамочки на свете! — улыбается, изменившись в лице. — А это... — вновь ныряет корпусом в свою машину и вытаскивает из салона розовый самокат. — ... А это для очаровательной маленькой принцессы!

— Самокат! — замороженно шепчет Василиса, расширив глаза восхищённо.

— Дим, зачем ты это делаешь?

— Василис, тебе нравится? — не обращая внимания на мой беспокойный шёпот, мило

беседует с малышкой.

— Нлавится!

— Так бери! Он теперь твой!

Дочка отцепляется от моей руки и смело проходит к розовому подарку, забирается на него.

— Ты умеешь кататься? — Дима везёт её по парковке, придерживая за талию.

А я стою в стороне, боясь пошевелиться. Устроить скандал и сбежать не могу, у Стрельцова может быть неадекватная реакция. Не хочу, чтобы дочка испугалась. Она и так в последнее время пережила слишком много стрессовых моментов, чего только наш побег от Анастасии Сергеевны стоит!

— Ма, смотри как клууууто! — малышка громко хохочет, когда Дима подвозит её ко мне.

— Попробуй сама, — бывший ласково гладит рыжие кудряшки на голове у моей девочки.

— Алис, ну, что застыла? — усмехается Дима, как только Вася немного отъезжает вперёд. — Я считаю, что вам не стоит возвращаться в квартиру Захарова. Я же купил тебе жильё.

— Я сама решу, как будет лучше.

— Алис, ты нашла работу?

— Пока нет.

— Давай я помогу с трудоустройством. И, если надо, я могу дать тебе денег на жизнь.

— Мне ничего от тебя не нужно.

— Алис, что случилось? М? — берёт меня за руку, резко и агрессивно, тянет к себе, заставляя посмотреть в его глаза.

Его кожа холодная, как у мертвеца. И взгляд пронзительный, лютый, прошибающий, как молния.

— Ты обещал оставить меня в покое, — настойчиво напоминаю и руку одёргиваю.

— Ты этого хочешь? Чтобы я отстал? — продолжает смотреть, будто испепелить меня хочет.

— Да, Дим. Я хочу, чтобы ты отстал, — стараюсь скрыть страх за глубоким вдохом.

— Хорошо, — кровожадная улыбка не сходит с его лица.

Дима разворачивается и запрыгивает в тачку, и я провожаю его удивлённым взглядом.

Неужели, это конец?

Он оставит меня в покое?

Верится с трудом.

— Василиса, пошли! — зову малышку.

У неё очень ловко получается кататься на самокате, зря я затягивала с его покупкой.

Воспоминания накатывают горячей волной прямо с порога. Здесь я встречала мужа, неслась в его объятия и жадно целовала, до боли в губах. Он прижимал меня к стене и ласкал сильными руками изгибы моего тела, отвечал на поцелуй с трепетом, с любовью, дико и горячо.

Открываю шкаф, чтобы поставить туда Василискин самокат, и боль полощет по сердцу лезвием. Обычно тут стояла Женина обувь, висела его верхняя одежда. А теперь пусто.

Ничего уже не будет как раньше.

И осознание этого невыносимо сдавлирует виски.

— Ма, я хочу лисовать, — требовательно заявляет Василиса.

Она уже успела проскользнуть в детскую и увидеть свой мольберт с красками.

— Хорошо, котёнок, рисуй! — беру у неё из рук непроливайку, чтобы наполнить её водой и вхожу на кухню.

Застываю перед столом и нервно прикусываю губу до солоноватого привкуса крови. Перед глазами живая картинка, как жадно и глубоко муж имеет меня на этом столе, как рычит в такт моим стонам.

Отгоняю навязчивые воспоминания и возвращаюсь к Василисе с полной баночкой воды.

— Ма, ты заболела? — малышка смотрит на меня грустными глазами, полными волнения и непонимания.

Поворачиваюсь к зеркалу и глубоко вздыхаю. Бледная, как моль, глаза опухшие.

— Я просто немного устала, — выдавливаю из себя с трудом.

— Отдохни, — Василиса ласково улыбается и принимается рисовать.

Вечером приезжает Женя. Днём он написал смс, что хочет забрать Василису до вторника. И у меня нет возможности ему отказать, я пообещала, что он сможет видеть её когда захочет.

— Папуля! — малышка набрасывается на него, обнимает крепко и трётся головой о его ладонь.

Обменявшись с дочкой тёплыми фразами и поцелуями, переводит взгляд на меня.

— Какие планы на вечер? — муж резко произносит эту фразу, и я нахмуриваюсь.

Послышалось.

Мне просто послышалось.

— Алиса, я тебя спрашиваю! Чем планируешь заняться?

— Спать буду, — отвечаю тихо, а у самой внутри будто маятник качнулся.

К чему этот вопрос?

— Ладно, — берёт в руки Василискин рюкзачок и выходит в подъезд. — Спокойной ночи.

Не успеваю ответить. Дверь захлопывается.

А я прислоняюсь спиной к стене и медленно скатываюсь на пол. Горло болезненно обжигает едва контролируемый приступ истеричных слёз. Стойкое ощущение, что я падаю с края пропасти усиливается с каждой секундой, я не могу заглушить собственные эмоции. Лишь руки сильно сжимаю в кулаки, чтобы ногти под кожу впились.

Мне нужно научиться жить в новой реальности, где меня никто не лелеет, не исполняет мои мечты и не интересуется, как я провела этот день.

Когда поток болезненных ощущений прекращается и я, наконец, беру себя в руки, в голове бегущей строкой носится лишь одна мысль.

Зачем Женя спросил о том, что я планирую делать вечером?

Успокоительное помогает снять дрожь в руках и немного заглушить бушующий океан эмоций.

Телевизор монотонно болтает. Я включила какую-то любовную комедию чтобы отвлечься, но навязчивые мысли из головы никак не уходят. И я вновь и вновь тону в них.

Сделала из себя жертву.

И никак не могу перестроиться из этого состояния. Смотрю на экран телевизора, замечаю у актрисы сделанные губы.

Большие, как у утки. Перекаченные гиалуронкой.

Невольно прищуриваюсь.

А что, если мне переквалифицироваться в косметолога? Диплом о медицинском образовании у меня есть, пройду дополнительное обучение и вуаля! Устроюсь в какой-нибудь салон красоты. Эта сфера всегда востребована, ведь миллионы женщин мечтают быть красивыми и пользуются услугами косметолога.

Облегчённо выдыхают, поймав себя хотя бы на одной здоровой мысли за сегодняшний вечер. С воодушевлением ищу возможные варианты обучения, позабыв о проблемах.

Слышу, как ключ поворачивается в замочной скважине и замираю лёжа на кровати. Сердце трусливо ёкает, и я медленно моргаю, прежде чем встать на ноги.

Беру в руки швабру. Первое, что попало на глаза. Если что — буду ей отмахиваться. Тут же одёргиваю себя.

Ключ есть только у Жени.

Затаив дыхание толкаю дверь спальни и вижу своего мужа. Тревога отступает.

С непониманием осматриваю его. Высокого, широкоплечего. В футболке поло и джинсах. Такой простой, но до умопомрачения красивый.

— Женья? — наконец выдавливаю из себя звук, глухой и дрожащий.

Тысяча вопросов гложут сознание, но я не спешу задавать их. Остолбенела, глядя в его серебристые глаза, внимательно изучающие меня. Блеск в его зрачках сменяется пожаром, фейерверком.

— Ты зачем...

— Молчи, — перебивает меня и резко, одним движением, оказывается совсем близко.

Его губы в сантиметре от моих. Чувствую его горячее дыхание и боюсь шевелиться. Ощущаю себя ланью в лапах дикого зверя, осознавшей, что это последние секунды её жизни.

Сильная мужская рука ложится на мою спину, скользит по позвоночнику вверх, сминает ночную сорочку в ладони на моих лопатках и притягивает к себе.

Впивается в мои губы со стоном, с неистовой страстью. Словно нуждался в этом, как раскалённая пустыня в проливном коротком дожде. Отрывается, с жадностью заглядывает в мои безумные глаза и прислушивается к глубокому возбуждённому дыханию.

Я смотрю на него, а у самой последние капли рассудка высыхают от напряжения. Он рядом. Держит меня в своих руках и беспощадно целует, будто пришёл доказать одну простую истину — я вся, целиком и полностью, принадлежу ему. Безоговорочно и бесповоротно.

— Какая же ты тварь, — медленно выговаривает, крепче сжав меня в руках.

Я растворяюсь в его возбуждённом голосе, не соображая смысл сказанного. У меня

только одно желание — снова почувствовать вкус его губ.

И Женя, увидев как расширяются мои зрачки от его напора, вновь целует меня. Глубоко и дерзко. Внизу живота образуется огненный шар, опалая кожу изнутри.

Прижимает меня к стене, нагло скользит пальцами по моему бедру, хватает резинку трусиков и тянет вниз. Послушное кружево падает в ноги.

— Сейчас я вытряхну из тебя всю дурь, — рычит мне в лицо и поворачивает к себе спиной.

Дерзким движением руки заставляет прогнуться и входит резко во влажное пространство. Вдалбливается глубоко, быстро и ритмично. Стоны заполняют пространство комнаты, смешиваясь в оркестре пошлых шлепков и звуков работающего телевизора.

Он ворвался и набросился, не спрашивая разрешения и разрывая всю происходящую действительность в клочья. Имеет меня с пылким желанием и страстью, рычит в такт моим стонам. И я забываю, что он от меня ушёл, безжалостно раскрошив сердце в пыль.

Когда он остановится, насытится, получит своё и уйдёт, мне останется только саднящая боль и глубокая кровоточащая рана.

Но я отдаюсь ему и хочу задержаться в этом моменте на целую вечность. Потому что там, за всем этим безумием — суровая реальность, где мы скоро будем супругами с приставкой "экс". А здесь чистый кайф, захлёстывающий и безжалостный.

Ноги сводит судорогой, когда ощущаю яркую незабываемую вспышку оргазма.

Женя заканчивает следом за мной, одаривая спину тёплыми капельками. Я перевожу дыхание не двигаясь. Слышу, как застёгивает молнию на джинсах.

— Я ненавижу тебя, Алиса! — отрезвляющий голос заставляет мои щёки пылать. — И себя ненавижу за свою слабость перед тобой.

Закрываю глаза. Прижимаюсь лицом к стене и слушаю отделяющиеся шаги.

Входная дверь гулко хлопает, а я лишь вздрагиваю и обречённо царапаю ногтями стену.

Реальность обрушивается на меня мгновенно, сдавливая душу клещами отчаяния.

Вот и всё.

Здравствуй, горькая действительность.

На дрожащих ногах я кое-как дохожу до постели и падаю на неё всем телом. Зарываюсь лицом в подушку, сжимая пальцами попавшееся под руку одеяло.

Глубоко вдыхаю воздух, пропахший нашей страстью и адреналином.

Собираю волю в кулак. Категорически запрещаю себе думать о произошедшем.

Если буду прокручивать в голове то, что сделал Женя минутоу назад, то просто свихнусь.

Утром я принимаю успокоительное и собираюсь на курсы косметологии. Это отвлечёт меня.

Хотя бы на несколько часов я забуду о случившемся ночью.

Заплатить пришлось немалую сумму, но то ли от стресса, то ли от веры в себя, я перевела деньги на счёт, который прислали мне вместе с договором.

Когда возвращаясь, натыкаюсь в подъезде на Алю. Соседка стоит у нашей двери, заведя меня неуверенно улыбается и переминается с ноги на ногу.

— Что ты тут делаешь? — выговариваю вместо приветствия.

Я всё ещё помню, с каким рвением она рассказывала о том, что измены — норма жизни, и что их просто нужно принимать. Без боли и обиды.

— Ты помирилась с Женей? — отвечает вопросом на вопрос.

Чувствую неладное, и руки бесконтрольно в кулаки сжимаются.

— Да, — отвечаю дерзко, гордо вскинув подбородок. — Помирилась.

— Понятно, — Аля поджимает губы, но тут же переключается на улыбку. — Я тогда пойду.

Цокает каблуками по ступенькам, скрываясь из виду слишком быстро. Как крыса сбегает с тонущего корабля, так же и Аля стремительно взмывает вверх, подальше от моего любопытного не понимающего взгляда.

Проворачиваю ключ в замочной скважине, отгоняя нелепые подозрения. Женя не стал бы связываться с замужней, даже не смотря на наш разрыв.

Оставшееся время понедельника я провожу в компании телевизора и успокаивающих таблеток.

— Мамуля! — Василиса летит в мои объятия, а следом за ней из машины выходит Женя.

Воспоминания в моей голове оживают яркими картинками. Щёки краснеют.

Муж молчит, скользит взглядом по моему наряду, оценивающе поднимает бровь и выдаёт многозначительную ухмылку.

Короткие шортики из лёгкой джинсы в сочетании с белым топом — не плохое сочетание.

— Привет! — целую Василису, и та, увидев свой самокат, взрывается хохотом.

Тут же забывает обо всём и уверенно отъезжает в сторону.

— Ты купила ребёнку самокат? — Женя провожает малышку взглядом. — Тебе не кажется, что это плохая затея?

— У неё хорошо получается кататься, — слабо улыбаюсь, смотрю на него в упор.

Хочется спросить о том, что это было вчера за ночное безумие, но вместо этого я складываю руки под грудью в оборонительном жесте.

— За Василисой заеду в выходные, — подходит ко мне и протягивает деньги.

Медленно моргаю, брать не спешу.

— Это на содержание Василисы, — поясняет тихо. — Алименты.

Неделя пролетает быстро. Я увлечена обучением по косметологии и ребёнком. Субботу, пока Женя с малышкой, провожу перед телевизором, только один раз поймав себя на мысли о Стрельцове.

Куда он подевался?

Неужели и правда отстал?

В воскресенье Женя привозит Василису, и я провожу прекрасный день с дочкой.

В понедельник получаю повестку в суд.

Смотрю на неё долго, сердце мучительно сжимается в грудной клетке. Гадкое чувство давящей изнутри пустоты поедает меня по чайной ложке. Вот и всё. Женя сделал то, что хотел.

Он воспользовался мной в последний раз. Трахнул, заставив стонать и сходить с ума от желания остаться в этом моменте навсегда. Горько вздыхаю, осознавая, что теперь это точно финал.

Своим ночным визитом и этими заинтересованными взглядами он, сам того не осознавая, давал мне надежду, что сможет простить.

Куда уж там...

Женя ещё молод. У него отличное телосложение и выразительные серебристые глаза. Он сможет найти себе новую жену, менее проблемную. Её не нужно будет успокаивать и заверять, что всё ещё любит. С другой женщиной может сложиться проще, понятнее. А я была его проблемой. Головной болью.

Наверно, без меня ему будет гораздо лучше.

Ещё раз смотрю на повестку и поднимаю глаза к потолку, чтобы не проронить слёз. Я знала, что так будет. Я себя к этому готовила. Но на душе всё равно кошки скребут.

— Мамочка, — Василиса входит на кухню с альбомом в руках. — Смотри, что я нарисовала!

Кладёт мне под нос лист бумаги.

— Это ты, это папа, — начинает перечислять, показывая пальчиком в человечков. — Это я.

Замирает, смотря в мои влажные глаза. Я не сдерживаюсь, всхлипываю.

— А это кто? — спрашиваю шёпотом, указав на маленького мальчика, изображённого рядом с Женей.

— Это моя блатик, — Вася надувает пухлые губки.

— Как его зовут? — стараюсь выжать из себя улыбку.

— Артём.

— Артём? — невольно усмехаюсь, давя внутреннюю волну беспощадной скорби.

Не будет у нас никакого Артёма. Мы с мужем очень хотели второго ребёнка, но мой наглый бывший подстроил обстоятельства так, что теперь это просто невозможно.

— Когда вы с папой помилитесь? — малышка видит моё состояние и перенимает его.

Начинает нервно теревить край своей футболки в руках, а глаза её слезами наполняются.

— Так, милая. Пойдём-ка на прогулку! — ободряюсь.

Не хватало ещё довести своего маленького котёнка до истерики.

Василиса бойко едет на самокате вперёд, а я иду следом за ней. Дышу глубоко свежим

воздухом, наслаждаюсь яркими солнечными лучами и тревога постепенно отступает.

Телефон жужжит в сумочке, и я останавливаюсь, чтобы ответить на звонок.

— Привет! — веселый голос сестры заставляет меня искренне улыбнуться. — Алис, ну как дела? Что не звонишь?

— Да всё нормально. Начала учиться на косметолога, впереди ещё полгода занятий, и я буду специалистом в этой области. Женя на развод подал.

— Сочувствую, — Юлия вздыхает. — А я хотела радостью поделиться, но теперь, думаю, не стоит.

— Что у тебя?

— Денис мне предложение сделал! Я замуж выхожу!

Я открываю рот, чтобы поздравить сестру, но меня оглушает пронзительный детский крик.

Оборачиваюсь резко, даже голова кружится.

— Маааама! — надрывно орёт Василиса.

Малышка лежит на асфальтной дорожке. Она в одной стороне, самокат — в другой.

— Я перезвоню! — бросаю телефон в сумку и бегу к ребёнку. — Милая, что болит?

Но малышка не отзывается, продолжая надрывно кричать и морщиться. Помогаю ей подняться, осматриваю личико с кровавой ссадиной на лбу.

— Мамааа, — жалобно ноет, розовые губки дрожат, крупные горошины слёз прыскают из её глаз.

— Василиса, что болит? — упрямо смотрю на неё, скольжу взглядом по телу.

Правая ручка дочки начинает синеть и опухать буквально на глазах. Даже не медику понятно, что это перелом.

Цепляю пальцами телефон, чтобы вызвать такси, но Василиса так громко кричит, что я тут же передумываю. У бедного таксиста уши в трубочку свернутся от её плача. Скорая тоже не вариант. Неизвестно сколько ждать придётся.

Нахожу в телефонной книге Женю и, выдохнув, нажимаю на вызов. Слушаю длинные протяжные гудки, попутно пытаюсь успокоить Василису. Ссадина на её маленьком лобике наполняется кровью, и алые капли падают на розовую футболку. Прижимаю малышку к себе, чтобы не видела этого. Испугается ещё сильнее.

Женя не отвечает.

Он на работе. Возможно, на важном совещании. Может, свой очередной проект представляет заказчикам.

Нахожу номер Стрельцова и вытаскиваю его из чёрного списка. Сердце тревожно сжимается с болью, точно его иглами пронзают. Медленно и мучительно.

Не хочу ему звонить.

— Мама! — Вася в ужасе взвизгивает. — У меня кловь!

— Милая, ничего страшного. Закрой глаза, — целую её в плечо, и шепчу уже больше для себя. — Всё будет хорошо.

В полной решительности подношу дрожащий палец к зелёной трубке, и вздрагиваю, когда мне перезванивает муж.

— Женя, у Василисы перелом. Нужно срочно в травмпункт! — говорю чётко и быстро.

— Где вы?

— В парке недалеко от твоего офиса.

— Понял, — слышу шуршание в телефонной трубке. — Уже еду.

— Как же так, Алиса? — Женя стреляет в меня ледяным убийственным взглядом.

Я сижу на кушетке в коридоре больницы, смотрю на свои руки, всё ещё перепачканные детской кровью, и жалобно всхлипываю. Муж стоит у окна, нервно стучит краем телефона по подоконнику.

— Я знал, что самокат — плохая идея. Я тебя предупреждал! — обречённо говорит, избивая мою душу своими словами.

— Жень, прости меня. Я отвлеклась на телефонный звонок! — поднимаю взгляд вверх, чтобы задержать непрошеные слёзы.

Резкий свет больничных ламп бьёт в глаза, ослепляет. Теперь я вижу только яркие вспышки и мерцающие пятна.

— Моя мама всё это время была права, — выпаливает резко и подходит ко мне. — Херова из тебя мамаша.

— Что?

— То! Алиса, весной ребёнок чуть не утонул. Теперь руку сломал. А может у Василиски ещё и сотрясение! — безжалостно выговаривает мне в лицо.

Я молчу. Оправдания мне нет. Видимо, я и правда херова мамаша. Женя во многом прав.

— Знаешь что, дорогая бывшая жёнушка, давай-ка мы всё-таки решим на берегу один один важный вопрос, — зловещий шёпот обжигает, заставляя кровь в венах холодеть. — Я считаю, что Василисе будет лучше жить с моей мамой. А ты будешь приходить в гости.

— Жень, ты же сам говорил, что со мной малышке лучше...

— Это было до того, как ты чуть не угробила мне ребёнка.

Я сглатываю болезненный ком обиды, а острое чувство вины бьёт пощёчины.

Женя прав.

Я плохая мама.

Смотрю на свои руки в детской крови и убеждаюсь в этом ещё раз: херова мамаша.

Поджимаю губы и, наконец, решаюсь уйти в уборную. Нужно смыть кровь. И умыться мне бы не помешало, ведь за последние полчаса я размазала по лицу тушь и помаду.

Чувствую на себе пронзительный взгляд мужа, и меня шатает из стороны в сторону, как пьяную. От напряжения по спине течёт холодный пот, я задыхаюсь от неконтролируемых слёз, но упорно продолжаю вбивать себе в сознание правильные слова Жени.

С Анастасией Сергеевной Василисе будет лучше.

С бабушкой малышка ни разу не попадала в травмоопасные ситуации, а со мной каждый месяц что-то случается.

И сегодня последняя капля.

Надеюсь, когда Василиса вырастит, она сможет понять, почему я так поступила. Из-за чего я оставила её, стала мамой выходного дня.

Остужаю руки в холодной воде, пропахшей хлоркой. Прикладываю ладони к щекам, выдыхаю раскалённый больничный воздух.

Кажется, что меня ненавидит весь мир. Я не нужна никому. И это состояние меня поглощает, заставляет болезненно трепетать и сжиматься.

— Я сильная. Я справлюсь! — шепчу себе подбадривающие фразы, а сама дышу неровно

и жалобный взгляд поднимаю к зеркалу напротив.

На приведение стала похожа. Такое жалкое подобие живой женщины с бледной кожей и впалыми красными глазами.

— Папа! — слышу голос моей малышки и быстро умываюсь.

Поправляю волосы и выхожу в больничный коридор. Василиса обнимается с Женей, на правую руку наложили гипс.

Держась за стену, делаю шаг в их сторону. Голос врача звучит отдалённо, словно мне в уши ваты набили. Я его не слышу, но примерно знаю, что он говорит. Медицинское образование — как выжженная печать, на всю жизнь. Глубоко вздыхаю, стараясь унять головокружение.

Василиса меня не замечает. Занята разговором с папой:

— Смотри какая у меня тепель лука. Уже не болит!

Женя поднимает глаза на меня и хмурится.

— С тобой всё хорошо? — бросает мне, а я могу только кивнуть. — Ладно, поехали все вместе к бабушке.

До вечера я остаюсь с ними. Анастасия Сергеевна отчитала меня, посыпав соли на свежие раны. Как можно было дать четырёхлетнему ребёнку самокат? О чём я думала и где были мои глаза в момент падения?

Я и сама знаю, что виновата.

Проблемы тянутся какой-то бесконечной чередой. Как только Стрельцов появился в городе, моя жизнь стала похожа на проклятую бурю, сносящую всё на своём пути. Неприятности, как бусины, нанизываются на нить моей судьбы.

Я устала.

Моральных сил бороться за справедливость и собственное счастье уже не осталось. Все исчерпались. Надежда на лучшее иссохла, рассыпалась в пыль и по ветру разлетелась сизым пеплом.

Когда Василиса засыпает, я прощаюсь со свекровью и мужем.

Меня ждёт пустая квартира, тягостные мысли и самобичевание. Стараюсь запретить себе думать о случившемся, но снова и снова возвращаюсь к этой мысли.

Я плохая мама.

И уснуть не получается. В этот раз даже успокоительное не помогает. Слёзы душат и щёки обжигают, а я всё лежу и смотрю в потолок до самого рассвета.

Засыпаю, когда солнце уже показывается из-за горизонта, озаряя облака золотым свечением. И через два часа играет будильник.

На автомате провожу гигиенические утренние процедуры, надеваю первое, что попало под руку, хватаю сумку и выхожу. Хочу быть рядом со своей девочкой. Когда Василиса со мной, я отвлекаюсь. Спокойнее становится.

Распахиваю дверь подъезда и тут же застываю.

...

Завидев Алису, выхожу из тачки.

— Хреново выглядишь, — окидываю её придиричивым взглядом.

Она молчит. Ёжится, руками плечи обхватывает и нервно губу прикусывает. Её глаза опухли от слёз, краснющие, всё ещё влажные. Кожа белая, как мел. Натянула на себя какую-то застиранную мешковатую футболку и потёртые джинсы.

— Ты себя в зеркало видела? — усмехаюсь.

— Что тебе нужно, Стрельцов? — выцеживает сквозь зубы.

Явно даёт понять, что видеть меня не рада, и что дружеской беседы сегодня не состоится.

А оно мне и не нужно.

Я приехал, чтобы наконец-то взять своё. И мне всё равно, как она выглядит и что чувствует.

Я пытался.

Пытался дать ей шанс быть моей добровольно. Хотел помочь.

И ещё я пытался отговорить себя от того, что собираюсь сделать. Даже уезжал на неделю к Светке, нянчил племянника, дышал свежим воздухом в лесу и, что мне не свойственно, поддержал сестру в занятии йогой. Но это не дало никакого результата. Как хотел Зимину, так и сейчас хочу. До боли в паху, до болезненных спазмов в желудке, до одури.

Тяну руку к её мокрой от слёз щеке, чтобы почувствовать подушечками пальцев её бархатную кожу. Такое ощущение, словно она даже не замечает, что плачет.

— Не трогай, — отмахивается, затормозив прикосновение.

Смотрит на меня злобно, сведя брови к переносице.

— Прокатимся? — смотрю на неё с вызовом.

Маленькая беспомощная мышка ещё даже и не подозревает, что уже попала в мышеловку. И как бы она не вырывалась, как бы ни пищала — ей не сбежать. Спасения не будет. Ей никто не поможет.

— Оставь меня уже в покое, Дим. Я сыта тобой по горло. Уже даже тошнит! — ядовито шипит, закатывая глазки.

— Садись в машину, Алиса! — начинаю закипать, и кровь медленно превращается в раскалённую сталь.

— Не сяду, — отрицательно качает головой и шаг в сторону делает.

Рассудок плавится от её сопротивления. Я бы хотел, чтобы она отдалась мне добровольно, но об этом, видимо, лучше даже не мечтать.

— Сядешь, куколка. Ещё как сядешь! — кровожадная улыбка проносится по моему лицу.

Быстро оглядываюсь по сторонам, проверяя на наличие свидетелей, и одним движением оказываюсь рядом с Алисой.

Зажимаю её ротик тряпкой, пропитанной хлороформом, и моя милая мышка успевает пикнуть всего пару раз, прежде чем отключиться.

Пока Алиса спит на заднем сидении, я трепещу от волнительного ожидания. Она — мой трофей. Приз за пятилетние мучения.

Никогда в жизни не испытывал такое волнение. Даже самая первая моя женщина, лишая меня невинности, не вызывала таких крышесносных эмоций, всепоглощающих и ярких. Одно представление о том, что я сделаю с Зиминной, заставляет рассудок туманиться и кровь бурлить.

Маньяк ли я? Наверно, да. И эскортница Танечка была права, обзывая меня грязными словечками и посылая то в психушку, то в тюрьму.

Но это уже не имеет никакого значения.

Сейчас важно лишь то, что я вижу в зеркало заднего вида. Моя спящая красавица Алиса. Она глубоко дышит, сопит сладко. Рыжая прядь волос упала на её лицо, бледные губы

потрескались, влажные от слёз щёки залились румянцем. Идеальная в своём несовершенстве.

Перевожу взгляд на дорогу и медленно въезжаю во двор съёмного дома. Здесь всё уже готово к тому, что я задумал.

Домик в глуши. Его снимают те, кто устал от городской суеты. Приезжают сюда, чтобы перевести дух и расслабиться. Несколько километров полей, небольшой перелесок и искусственный заросший пруд предают этому месту особый шарм.

Я забронировал сегодняшнюю дату на съём этого дома ещё неделю назад, когда только приехал к сестре. Долго мучился, размышляя о том, насколько сильно мне нужна эта чертовка с колдовскими глазами и рыжими волосами.

И с каждым днём эта тяга только усиливалась. Я понимал, что одержим ей. Знал, что если этого не сделаю, то просто сойду с ума.

Паркуюсь за воротами и оборачиваюсь. Алиса всё ещё спит.

Вытаскиваю её тело из тачки. Лёгкая, словно пушинка. Хрупкая, как хрустальная ваза. С её плеча падает маленькая чёрная сумка, и я, не долго думаю, отшвыриваю её в сторону.

Положив Алису на большую кровать на втором этаже, несколько минут просто люблю её ангельским личиком. Залипаю взглядом на её манящих губах, острых скулах и закрытых веках. Провожу пальцами по бархатистой коже на её лбу, убирая волосы с лица, и чувствую в подушечках электрическое покалывание. Моё тело реагирует на неё мгновенно, в штанах становится тесно. Касаюсь её губ своими и, не выдержав, издаю гортанный хриплый стон. Сладкая девочка, как карамель. Веду носом по её шее, жадно вдыхая опьяняющий запах. Задираю её футболку, открывая вид на худое тело, трогаю ладонями выступающие рёбра. Меня ведёт, и я становлюсь пьяным вдрызг. Зрачки расширяются, как у наркомана.

Я зависим от Алисы.

От её вкуса, запаха, внешности.

Стягиваю с неё джинсы, осматриваю крошечные трусики, и, решившись, снимаю и их. Прикладываю к лицу, жадно втягиваю ноздрями головокружительный запах.

— Алиса, — шепчу едва слышно, небрежно откидывая трусики в сторону. — Просыпайся, куколка!

Трахать её без сознания не интересно. Мне нужна живая реакция. Пусть вырывается и кричит. Пусть просит меня остановиться и одуматься. Пусть плачет и зовёт на помощь, пока я беспощадно буду врываться в её пространство.

— Алиса! — легко ударяю её лицу, и девушка распахивает глаза.

Осматривается по сторонам, приходя в сознание, приподнимается на локтях, шумно вздыхает и заметно напрягается, уставившись на меня.

— Что ты задумал? — выдаёт, связав мысли воедино.

— Ох, куколка, зря ты спросила!

Приятная волна растекается под кожей, когда в предвкушении облизываю свои пересохшие губы. От возбуждения дыхание перехватывает и в жар бросает.

— Не трогай меня! — взвизгивает и предпринимает попытку встать с кровати.

Одним движением избавляюсь от брюк и трусов, обнажив упругий готовый член.

— Отойди! — Алиса вскрикивает, попав в мои объятия.

С силой толкаю желанную обратно на белые простыни и наваливаюсь сверху, удачно раздвинув её ножки.

Закрываю глаза и врываюсь в узкое пространство под громкий протяжный вой. Уверенными движениями вдавливаюсь глубже, до предела. Удовольствие острее, чем я ожидал. Захлёстывающее, яркое, насыщенное.

Алиса упирается ладонями мне в грудь, визжит и пытается вырваться. Хватаю кисти её рук и обездвиживаю их, прижав к кровати.

Пять долгих лет я страдал без неё. Искал её черты в других женщинах. Мечтать не смел, что вновь смогу коснуться тела Зиминной. И вот мне это удалось. Не так, как я себе это представлял, но её реакция меня только сильнее заводит.

Смотрю на покрасневшее сморщенное лицо, слушаю её голос и точно знаю, что уже не остановлюсь. Набираю темп, чувствую скорое окончание. Мои стоны громче, чем её крики о помощи. Моё удовольствие важнее, чем её боль.

Я нуждался в этом.

...

Сделав своё дело, Дима отходит.

Я закрываю глаза и мучительно сжигу колени. Тело прошибает крупной дрожью и между ног саднящая боль растекается. Охрипла от криков и горло болит.

Мне страшно и плохо. Мерзко.

— Одевайся, нас ждёт завтрак, — говорит так, будто ничего не случилось.

Я молчу, сжимаю в руках простынь. От паники дышать забываю.

— Я тебя жду, Алиса, — торопит меня безапелляционным тоном.

Голова раскалывается.

Распахиваю глаза и нахожу взглядом свои трусики и джинсы. Стрельцов смотрит за каждым моим движением, не отрываясь и не моргая. Пока одеваюсь, собираю по капле остатки рассудка.

— Я накрою на стол, любимая! — подходит ближе, тормозит в сантиметре от меня, обжигая дыханием. — Жду тебя внизу.

Осторожно целует в лоб, а я не шевелюсь. Всё тело окаменело от страха, и я почти не ощущаю ни рук, ни ног. Лишь электрическое покалывание в кончиках пальцев даёт понять, что я всё ещё жива.

Дима выходит из комнаты, оставляя меня одну, и я, наконец, выдыхаю.

Чёрт возьми, он меня изнасиловал! Набросился с силой, взял, как бесчувственную куклу. Присвоил меня себе. Кажется, что в этот момент моя душа сгорела. Умерла. Рассыпалась в пыль.

Я понятия не имею, где нахожусь. Не знаю, где мой мобильник. И как отсюда сбежать ума не приложу.словно бабочка в стеклянной банке, беспомощно трепыхаю крыльями.

Подхожу к окну и осматриваю территорию. Небольшой придомовой участок, а за ним поле и пруд. Смотрю на ауди Стрельцова и замечаю у колеса свою сумочку.

Мне бы до неё добраться. Позвонить и позвать на помощь. Только вот как это сделать?

Перевожу дыхание и спускаюсь на первый этаж.

— Ты голодная? — Дима стоит у накрытого стола.

Его любопытный взгляд лапает моё тело.

— Нет.

— Алиса, ну подыграй мне, солнышко, — делает шаг ко мне, заставляя пульс участиться. — Ты же хорошая актриса.

— Ты получил, что хотел. Позволь мне уйти! — жалобно пишу, пятясь назад.

— И чего же я хотел? М? — издевательски шепчет, загоняя меня в угол, как хищник жертву. — Один раз тебя трахнуть и расстаться? Да? Как же ты ошиблась, куколка.

Упираюсь в стену лопатками. Спасения не будет, и всё, что мне остаётся — подчиниться.

— Милая, ты голодна? — спрашивает снова, касаясь шершавой ладонью моей щеки.

Вздрагиваю, закрыв глаза. Его ласковые и нежные прикосновения кажутся грубыми ударами, и кожа начинает плавиться под его рукой.

— Да, — выдаю тихо, почти беззвучно.

— Назови меня любимым, — приказывает.

Я стискиваю челюсть до боли.

— Да, любимый, — шепчу, пересиливая себя.

— Я приготовил завтрак, — сообщает с энтузиазмом.

Видимо, Стрельцов окончательно сошёл с ума. Свихнулся. Крыша съехала.

Он усаживает меня за стол, сам устраивается напротив.

— Чем хочешь сегодня заняться, солнышко? — берёт в руки столовые приборы и кладёт в рот салат, жуёт с удовольствием и продолжает говорить. — Мы можем позагорать на участке. Или поиграть в мяч. Или займёмся любовью?

Судорожные мурашки проносятся по телу.

— Мне бы сначала в душ, — осторожно улыбаюсь.

— Любимая, позавтракай. Салат очень вкусный.

— Хорошо, — выдыхаю.

Дима требовательно впивается в меня взглядом. Злится.

— Хорошо, любимый! — исправляюсь.

Беру вилку и засовываю в рот помидор. Чувствую приступ тошноты, закрываю глаза.

— Вкусно? — звучит, как насмешка.

— Очень.

Минуты тянутся целую вечность. У меня в голове только одно: как бы поскорее добраться до своего телефона.

— Иди в душ, Алиса, — слышу новый приказ и с улыбкой встаю из-за стола. — Прямо по коридору, вторая дверь направо.

Ступаю по скрипящим половицам, добираюсь до ванной и закрываюсь. Смотрю в зеркало на молодую женщину, которую вовсе не узнаю. Это тело чужое, грязное, побывавшее в лапах зверя.

Слышу стук собственного сердца. Оглушительно громкий. Страх сковывает, когда распахиваю окно. Повезло, что оно здесь есть.

Спрыгиваю вниз и неудачно приземляюсь, подвернув ногу. От боли перед глазами цветные мошки летят. Закрываю рот рукой и сильно зажмуриваюсь, удерживая внутри зародившийся крик.

Хромая и держась за стену, обхожу дом. Осторожно заглядываю в окно. Дима убирает со стола. Если побегу до машины, то он меня заметит.

Прикусываю губу до боли, а подвёрнутая нога предательски ноет.

С этим человеком я когда-то видела будущее и верила в его искреннюю любовь ко мне. И сама любила его до дрожи, до иступления. А он оказался маньяком, насильником, подонком. Я не знаю, что ещё он хочет сделать со мной, но здраво оценивая ситуацию, не трудно догадаться, что домой я уже точно не вернусь. Дима не допустит, чтобы я написала на него заявление в полицию за изнасилование. Так что дальнейшая моя участь ясна, и осознание этого подстёгивает к действию.

Ещё раз заглядываю в окно. Мужчина задумчиво улыбается и, грациозной походкой тигра, направляется вглубь дома.

Собравшись, бегу к своей сумочке. Вытаскиваю телефон и прячусь за каким-то сараем.

— Алиса! — голос разносится по ветру.

Стрельцов уже на улице. Вот-вот найдёт меня. Позвонить в полицию я уже не могу. Услышит мой голос, всё поймёт и убьёт меня.

Перед глазами пелена и туман. Непослушными руками набираю сообщение Жене.

"Стрельцов похитил меня и изнасиловал. Я не знаю где я. Мне страшно. Помогите!"

— Любимая, я не хочу играть в прятки! — зловещий голос совсем рядом.

Глава от лица Жени

Смотрю уставшим взглядом в чертежи, наложенные друг на друга, и шумно выдыхаю. Снова не сходится. Таким темпом я просру очередной проект. Яростно тру переносицу, перед глазами вновь она.

Алиса.

Её печальная улыбка и взгляд, полный немой истерики и влаги.

Отгоняю навязчивые воспоминания и возвращаюсь к чертежам, где крыша на шесть миллиметров съехала с общего здания. Опять ошибка в расчётах.

— Да блять! — шиплю себе под нос и бью кулаками по рисункам.

С исчезновением из моей жизни жены, я будто разучился работать: никак не могу рассчитать соотношение размеров. И это ужасно напрягает, заставляет впадать в состояние психоза.

Закрываю глаза и откидываюсь на спинку кресла.

Вся жизнь перевернулась с ног на голову, растворилась в хаосе и мраке.

"Я не изменяла тебе!" — голос Алисы эхом раздаётся в голове, и я так отчаянно хочу в это поверить.

Перевернуть эту страницу жизни, вырвать её с корнем и переписать заново. Чтобы её бывший не объявился, чтобы не забрал у меня самое дорогое.

В такие минуты я слаб и раздавлен, как букашка чьим-то массивным сапогом, и мне хочется плюнуть на всё и вернуть Алису в свою жизнь. Простить её. Но потом я достаю те фотографии, где она резвится со Стрельцовым, залипаю на них кровавым взглядом и посылаю всё к чёрту.

Простить измену, равно опустить себя головой в унитаз. Добровольно. В таких отношениях уже никогда не будет доверия и любви. Только придирки, подозрения и нелепые обвинения. Я не хочу такой жизни.

Но и без Алисы мне белый свет не мил.

Я уже подал на развод. Ключки летят по закоулочкам. Всё разорвано, и я не должен бросаться в попытки собрать то, что давно испарилось. Пять лет жизни растаяли в воздухе, как густой туман. Теперь я вынужден начать всё сначала.

Она мне изменила. И это точка. Жирная, блять, точка. Это её благодарность за все мои старания.

Встаю с кресла и подхожу к окну. Смотрю на город, который подарил мне столько счастья, а потом размазал меня, как соплю по стенке. Сердце кровью обливается, пульсирует где-то в горле болезненными спазмами.

Она больше не моя.

Не моя.

И пусть она отчаянно скулит, опровергая свою измену, я скорее поверю фотографиям, чем пустым словам.

Чтобы так рьяно ненавидеть человека, нужно было сначала до безумия любить. И я любил её. Да и сейчас, надо признать, эти чувства никуда не делить, судьба только

приправила их негодованием, обидой, тоской.

Если бы я остыл к Алисе, то не появился бы к ней среди ночи и не трахнул напоследок. Стало ли мне после этого легче? Чёрта с два!

— Евгений Андреевич, здравствуйте! — слышу голос за спиной, и ловлю себя на мысли, что где-то уже его слышал.

Оборачиваться не тороплюсь, стараясь восстановить ясность рассудка после нескольких минут размышлений.

— Что вы хотели? — всё ещё смотрю на город за окном.

— Нам нужно поговорить, Евгений Андреевич, — тонкий женский голосок звучит с надрывом.

Набираю воздух в лёгкие, до предела. И оборачиваюсь.

Глаза мои распахиваются, мозг отключается на секунду. Окидываю взглядом хрупкую девушку в чёрном строгом платье, с зелёными глазами и рыжими волосами. Она до безумия похожа на Алису, но...

Смотрит на меня со стеснением и пухлые губы поджимает. Опускает взгляд в ноги, вздыхает напряжённо и головой качает.

— Меня зовут Таня, — шепчет тихо. — И я очень перед вами виновата.

— Таня? — медленно моргаю.

Сердце, как оборванная кабина лифта, падает в ноги, поверженное и неживое.

— Я притворялась сестрой Стрельцова Дмитрия Борисовича. Он... — морщится всхлипывает. — Он очень плохой человек.

— Таня, — срывается с губ.

— Дима заставил меня наряжаться в образ его сестры и соблазнять вас. А потом он вынудил меня подставить вашу жену. Я на неё похожа.

— Я вижу.

Пазлы встают на свои места, тугие узлы развязываются. Чувствую, как холодеет моё тело, как кровь тормозит в жилах. По спине течёт холодный пот, и я с силой сжимаю пальцы рук.

Всё это время я был слеп, как крот.

— Я не могла приехать раньше, хотя очень хотела и переживала, — Таня хлопает ресницами. — Меня не было в России, улетала с сестрой в Германию на операцию.

Слёзы катятся по её щекам.

— Простите меня, Евгений Андреевич. Мне просто нужны были деньги. Я семь лет боролась за жизнь Анечки, — зарывается в своих ладонях и истерично всхлипывает.

— Успокойтесь, всё хорошо, — выдыхаю горячий воздух.

— Нет. Неделю назад Анечка скончалась, — Таня рыдает громко и истерично.

И мне самому выть хочется.

— Я вам соболезную.

Нужно бы собраться и утешить Таню, но у меня башню сносит от осознания, что всё это время Алиса мне не врал.

— Я думаю, что это Бог меня так наказал за то, что разрушила вашу семью. Забрал самое дорогое, что у меня было.

Невольно хмурюсь.

— Таня, что было с вашей сестрой?

— Рак, — выдыхает. — Операция в Германии дала обратный результат. Анечка сторела

за неделю. Ей было четырнадцать лет.

Я усаживаюсь в кресло, потому что больше не могу стоять на ногах. Чувствую, что упаду скоро.

— Я могу вам чем-то помочь?

— Простите меня. Это всё, что мне сейчас нужно.

— Я не держу на вас зла. Я понимаю вашу ситуацию.

Вытаскиваю телефон, чтобы позвонить Алисе и договориться о встрече на нейтральной территории. Нам нужно многое обсудить. Я должен извиниться перед ней, что не доверял. И за свои обвинения тоже. От собственной ненависти у меня сознание шаталось, как маятник, и я говорил очень много лишнего. Шантажировал её ребёнком. Упрекал в том, чего она не делала.

Всплывает уведомление. Ловко захватываю его пальцем и открывается диалог с Алисой.

"Стрельцов похитил меня и изнасиловал. Я не знаю где я. Мне страшно. Помогите!"

— Алиса, ну где же ты? — голос раздаётся совсем близко, и у меня дыхание перехватывает и тело парализует.

Если я хочу выйти отсюда живой, то мне нужно взять себя в руки и перестать дрожать, как осиновый лист. Бросаю телефон в траву, вытираю о джинсы потные от волнения ладони и выскакиваю из-за стены.

— Испугался!?! — натягиваю улыбку, смотрю на сурового мужчину, что стоит в нескольких шагах от меня.

— Ты хотела сбежать, милая? — цедит сквозь зубы и кулаки сжимает.

— Нет, любимый, как бы я посмела! Я хотела пошутить!

Смотрю на него, а у самой нервы превращаются в тугие узлы, а мозг — в вязкую жижу.

Я должна выиграть время. Возможно, Женя успеет найти меня до того, как Стрельцов в очередной раз захочет сделать что-то ужасное.

— Алиса, не шути так со мной! — рычит, подходя ближе размеренными шагами.

Я не хочу, чтобы его грязные руки касались моего тела, но, к сожалению, выбора у меня нет. Дима нежно ведёт большим пальцем по моим губам, и я чувствую, как дрожит его тело от возбуждения.

— Я хочу провести с тобой незабываемый день, — облизывается, поедая меня взглядом. — Пойдём в постель?

— Дим, давай поговорим, ладно? Мы не виделись пять лет. Что ты делал всё это время? — послушно иду рядом с ним, крепко обхватив массивную мужскую руку своей ладонью.

— Ты правда хочешь поговорить? — ведёт бровью и с недоумением моргает.

— Конечно. Нам нужно обсудить прошлое и... наше будущее.

Сглатываю болезненный ком в горле, поднимаясь по ступенькам на второй этаж. В ту самую комнату, где Дима насильствовал меня, пока я сопротивлялась изо всех сил и орала, как обезумевшая. Я звала на помощь и задыхалась от бессилия. Мои жалкие попытки освободиться от его натиска и слёзы на глазах только будили в нём зверя, и он сильнее врывался в меня. Брал жадно, грубо. На секунду застываю перед приоткрытой дверью в ту злосчастную комнату. Веет холодом. Таким, как на кладбище. Лютым. Зловещим.

— Заходи, — легко толкает меня в спину, и я переступаю порог.

Наверно, осознание происходящего всё ещё до меня не дошло. Я в ловушке. В клетке с тигром, который готов в любое мгновение растерзать мою душу своими звериными когтями, вырвать моё окровавленное сердце и раздавить его в своих лапах. Я должна трепетать от ужаса, но, вместо этого, спокойно оборачиваюсь и встречаюсь с глазами напротив.

— Дом очень уютный, — выдаю уверенно, но тихо.

— Я знал, что ты оценишь, — Дима делает шаг ко мне, его ладони ложатся на мою талию.

Я знаю, что если разорву зрительный контакт — то весь этот спектакль лопнет, как мыльный пузырь. Я сорвусь с края пропасти и начну тонуть в собственной беспомощности, окунусь в истерический плач и парализующий приступ паники. Тогда Стрельцов окончательно взбесится и причинит мне вред. Я должна подыграть ему, не дать себе упасть.

Я должна спасти себя.

Даже если Женя прочитает то СМС, которое я в спешке написала ему, что он сделает? Как он меня найдёт? Чем поможет?

Осторожно тянусь к шее Стрельцова, обнимаю его и глаза закрываю.

— Я люблю тебя, Алиса, — прижимает к себе.

Я ему верю.

Любит.

По-своему.

И я ему верю. Только вот его любовь заключается не в глубоком и светлом чувстве, а в мании, одержимости. Он желает обладать телом и душой, подчинять себе.

На нормальные чувства этот больной ублюдок точно не способен. Его любовь — сильнодействующий яд. И я отравилась ещё шесть лет назад, когда увидела его первый раз на студенческой вечеринке. Я испытывала к нему влечение, и, надо признать, ослепла от собственных ощущений.

У меня в голове и в сердце была война! Пока я убеждала себя, что люблю мужа, сердце скулило по Стрельцову. По этому подонку! Я сама виновата, что оказалась в такой ситуации. Мне нужно было ставить точку сразу. Не записывать его номер в телефон, не садиться в его машину, не отходить от Юли и Али в тот вечер в караоке-баре. И сразу признаться во всём мужу. Еу Так бы я спасла себя.

А теперь уже поздно.

Дима ведёт меня к кровати, и я покрываюсь мурашками.

— Я скучал по тебе, — шепчет мне в шею, оставляя на коже мокрый след поцелуя.

— Я тоже скучала... Почему ты сразу меня не нашёл? Где ты пропадал пять лет?

— Ложись, я всё тебе расскажу.

И я повинуюсь. Стрельцов устраивается рядом, как невинный маленький котёнок, ищущий ласки и тепла. Обнимает так, что моя голова оказывается на его плече, и начинает рассказывать всё, что с ним происходило. Слезно вываливает на меня лавину сокрушительных слов о том, как всё это время скучал и страдал, как жалел о том, что изменил. Ругал себя и пил. Бухал все пять лет. И искал мои черты в других девушках, но раз за разом убеждался, что Я — единственная и неповторимая, что таких больше нет.

Одержимый демон. Он получил своё.

Пока звучит его голос, я лежу тихо, с закрытыми глазами. Стрельцов думает, что я сплю, замолкает. Не двигается какое-то время, а потом осторожно соскальзывает с кровати. Чувствую его поцелуй у себя на лбу, лёгкое прикосновение его руки к моей коже. А сама лишь мирно вдыхаю, отгоняя непрошенный страх.

Дима выходит из комнаты. Не шевелюсь. Прислушиваюсь к его отдаляющимся шагам, и, когда точно уверена, что его рядом нет, вскакиваю с постели.

Нужно бежать, пока не стало поздно.

Осторожно смотрю в окно, стараясь примерно представить, где я нахожусь и в какой стороне дорога. Но за километры лишь поля и какой-то перелесок. Если что, можно спрятаться там. Главное сейчас ускользнуть.

Мужчина выходит на улицу, быстрой походкой подходит к своей тачке, а я прячусь за шторами. Стараюсь унять бешеный ритм сердца, но выходит едва ли.

Дима копошится в багажнике тачки.

Другого случая у меня не будет. Он убьёт меня, если я останусь здесь. Не отпустит свою жертву. Долго притворяться любящей я не смогу, да и ему скоро надоест эта игра.

Стрельцов оборачивается, держа в руках какой-то мешок. Смотрит в сторону сарая, где я бросила свой телефон.

Я сильно прикусываю губу, когда мужчина делает уверенные шаги, присаживается и достаёт из травы мой мобильник.

Его лютой взгляд устремляется в окно второго этажа, и я отскакиваю от него, будто ошпарилась кипятком. Пульс набирает ритм, со всех ног бегу на первый этаж.

Лишь бы успеть. Только бы он меня не опередил. Недавно подвёрнутая нога снова заливается агонией, хромаю, спотыкаюсь, но взрыв адреналина где-то между рёбрами заставляет бежать. Едва успеваю коснуться ручки на двери ванной комнаты на первом этаже, как меня резко разворачивают мужские руки и вдалбливают в стену. Ударяюсь головой и со стоном глаза закрываю.

— Я так и знал, что ты, маленькая сука, хочешь сбежать! Кому ты звонила? — сжимает мои плечи и встряхивает, как пыльную тряпку.

Я молчу. Раскрываю глаза и смотрю на него с отвращением.

— Кому ты звонила, Алиса? — пощёчина приземляется на мою щёку со звоном.

Вскрикиваю, но вновь поднимаю на него взгляд. Пусть подавится моей ненавистью.

— Сраная тварь, — рычит мне в губы, хватая кисти рук и наматывает на них верёвку.

Я не сопротивляюсь.

А он дышит разъярённо.

Хватает за бёдра и закидывает моё тело на своё плечо.

Оказавшись в сарае, сажает меня на стул. Моё сердце в любой момент готово проломить грудную клетку.

— Я тебя ненавижу! — свирепо, громко.

Так, что собственные уши закладывает.

— Ненавидишь? — хриплый голос врывается в слух, и я вздрагиваю.

Хищный оскал сменяется рваным дыханием. Его лицо так близко, что чувствую жар из его рта на своих щеках. Отворачиваюсь, закрыв глаза.

Не позволяет.

Сильно сжимает мой подбородок пальцами, притянув к себе, впивается в мои губы. Жадно. Будто голодный зверь. Душу из меня вытягивает, чтобы распять.

Стараюсь вырваться, но руки связаны. И ноги. Я прикована к стулу, и у меня нет ни единого шанса на спасение. Тут нас никто не найдёт. Никто не поможет.

И я во всём виновата сама!

Как же угораздило так вляпаться!?

Я точно знаю, что не люблю этого мужчину. Никогда не любила. Но мне понадобилось время, чтобы разобраться в собственных чувствах и эмоциях, проанализировать и сделать этот простой вывод:

Я ЕГО НЕНАВИЖУ!

Пока разбиралась, потеряла всё. Своего любимого мужа. Своего ребёнка. Себя.

Себя жалко меньше всех. Здесь мне и место.

Мужчина понимает, что я не собираюсь отвечать на его поцелуй взаимностью, отрывается от губ и заглядывает в глаза так, что накрывает панической волной страха. Я уже готова принять любой исход ситуации, в которой оказалась, и прошу небеса лишь об одном. Чтобы эти муки быстрее закончились.

Я люблю свою жизнь.

Любила.

А сейчас ничего не осталось.

Терять мне нечего.

Он может сделать со мной всё, что захочет.

— Скажи, что любишь меня, прошу, — умоляюще шепчет зверь, склонив голову мне на колени.

— Ненавижу! — шиплю.

— Скажи, что будешь со мной всю жизнь, — с надрывом, почти плача.

— Никогда! — брыкаюсь, стараясь распутать верёвки.

Тщетно.

— Значит, ты не достанешься никому, — встаёт, бросив на меня презрительный взгляд.

Отходит, берёт в руки канистру и щедро льёт на деревянный пол. Пахнет едко и неприятно. Бензином.

— Что ты собираешься сделать? — глаза расширяются.

Молчит. Открывает вторую канистру и плещет на стены. Я понимаю, что будет. Старенький сарай вспыхнет, как спичка, и сгорит за считанные минуты. И я вместе с ним. По щекам катятся горькие слёзы.

Мужчина достаёт из кармана джинс зажигалку и подходит ко мне.

— Последний шанс. Скажи, что любишь меня!

Вместо ответа я плюю ему в лицо. Достаточно красноречиво.

— Ты сама напросилась! — перед глазами мелькает его опасная улыбка.

А в следующий момент пол и стены окутывают жаркие языки пламени.

Гори всё синим пламенем!

Мои надежды вернуть Алису таят, как дым. Растворяются, медленно и бесследно. Я получил её тело. Взял силой. Трахнул, наконец-то разорвавшись в незабываемой волне экстаза. У меня даже тело тряслось, когда кончал. А уставшая от сопротивления Алиса обмякла в моих руках, превращаясь в пластилин.

Я думал, что смогу вылепить из неё всё, что мне нужно. Послушную сексуальную рабыню. Служанку.

Но её душа оказалась слишком строптивой, и я не смог её приручить, как бы не старался.

Я знал, чем закончится сегодняшний день. С самого начала знал. Я бы не смог отпустить её никогда. Не выдержал бы жизни без неё. Раз не хочет становиться моей даже под угрозой смерти, значит не достанется никому. Я жадный. Я не хочу делиться с кем-то тем, что по-праву должно принадлежать мне. И только мне.

Да, я проебался.

Своими импульсивными выходками сам же вырыл себе могилу. Своими же руками себя закопал.

Мне нужно было выждать, и она приплыла бы ко мне. Её манило. Влекло. Я это чувствовал. Но не смог терпеть, мне нужно было всё и сразу. Вся Алиса должна была по щелчку пальцев стать моей.

И она станет.

Смерть заберёт нас обоих, и в этом моменте мы останемся вместе навсегда. Истлеем, станем пеплом, на котором после зацветут красивые цветы нашей любви.

Беспощадное пламя заливаётся вокруг, а я смотрю в её напуганные глаза, ставшие стеклянными и выразительными. В зрачках отражается бушующий огонь.

Я падаю перед ней, кладу голову на её колени, предвкушая скорый конец. И мне так сладостно от мысли, что мы уйдём с этого света вместе, что я пьянею и теряю рассудок.

Наша история стоила такого яркого финала.

Огонь трещит, набирая силу. Алиса начинает кашлять от дыма и снова трепыхается, пытаясь вырваться. Она не хочет приминать свою судьбу, не хочет умирать, но ничего не сможет сделать.

Я всё решил за нас двоих.

Позади падает балка с крыши, раздаётся жуткий грохот. Девушка вскрикивает и плачет, зовёт на помощь. Её никто не услышит. Никто не придёт.

Закрываю глаза, когда дышать становится сложно. Чувствую жаркую волну — предвестник смерти. Огонь скоро доберётся до нас.

Раздаётся посторонний шум, и я вздрагиваю всем телом.

— Жеееня! — верещит Алиса.

В её голосе столько надежды и счастья, что я цепенею.

Один миг, и хлипкую дверь сарая выбивают с ноги. Я тут же поднимаю взгляд. Там, за полыхающими языками огня, в дверном проёме грузный силуэт мужчины, который пришёл помешать осуществиться моему желанию. Руки сами сжимаются в кулаки, но едва я успеваю встать, как мне прилетает по голове чем-то тяжёлым.

Отшатываюсь, и агония жаром проносится по телу. Футболка вспыхивает, я задыхаюсь горячей болью и перестану соображать, стараясь совладать с пожирающей меня стихией.

Я ненавижу Захарова.

И хочу закричать об этом, но крыша обрушивается. Закрываю голову руками, прежде чем отключиться.

...

Я всё ещё слышу, как трещит огонь. И мне мерещатся сине-жёлтые языки, ненасытно облизывающие деревянные доски и посылающие яркие искры в воздух.

Морщусь, чувствуя боль.

Открываю глаза, и тут же захлопываю их обратно из-за яркого света.

— Алиса, — слышу родной голос, ласкающий слух и тешащий моё сознание.

Я умерла.

Я почти в этом уверена.

— Алиса, — слышится вновь, и я открываю глаза более уверенно.

— Что произошло? — осматриваю свои ноги, обтянутые бинтами.

— Ты потеряла сознание, — шепчет муж, смотря на меня как раньше, с трепетом и любовью. — И у тебя ожоги второй степени. Я вовремя успел. Ещё пара секунд, и...

Женя замолкает резко и сжимает в руках прохладные простыни на моей кровати. Сглатываю ком в горле, мешающий дышать, осматриваюсь.

— Я в больнице?

— Да.

Муж кладёт голову на мой живот. Всхлипывает. А я снова закрываю глаза и проваливаюсь в сон.

Спустя какое-то время, когда боль в теле стихает, я начинаю дышать более свободно и глубоко. Стараюсь собрать осколки воспоминаний, но попытки сделать это вызывают головокружение.

Последнее, что я помню — хищные глаза Стрельцова, впивающиеся в моё лицо и боль между ног, саднящую и ноющую.

Врач задаёт вопросы, я стараюсь на них ответить, связывая мысли воедино.

За окном моей палаты темнеет.

Женя сидит рядом, гладит мою руку осторожно.

— Лисёнок, как ты?

— Уже лучше.

— Чего-нибудь хочешь?

Хочу стереть из памяти это лето.

— Нет, — отзываюсь тихо. — Как Василиса?

— В порядке. Правда, жалуется, что с гипсом рисовать не может! — муж слабо улыбается.

— Жень, спасибо тебе. Если бы не ты...

— Всё, тише. Тише.

По лицу скользят слёзы.

— Лисёнок, ты обязательно поправишься. Всё будет хорошо. Я очень испугался за тебя.

Мы молчим. На мгновение мне кажется, что я засыпаю, но боль в обожжённых ногах пробуждает меня вновь.

— Ты простишь меня за то, что я поверил в твою измену?

Перевожу усталый взгляд на мужа. Всё плывёт, как в тумане.

— У тебя что-то было с Алей?

— С нашей соседкой? — хмурится. — Алис, я...

Поджимает губы, качает головой.

— Было?

— Был один поцелуй, — виновато смотрит на меня. — Даже в таком состоянии ты умудряешься ревновать!?

Улыбаюсь. Едва заметно, уголками губ.

— Я тоже целовалась со Стрельцовым.

— Когда ты поправишься, мы начнём всё сначала. И ты пойдёшь к психотерапевту, поняла?

— Хорошо.

Закрываю глаза обессиленно и вновь проваливаюсь в сон.

ДВА ГОДА СПУСТЯ

— Артём, нужно задуть свечи! — деловито выговаривает Василиса, смотря на брата с лукавым прищуром. — Ма, можно я брату помогу? Он не понимает!

— Давайте все вместе! — Женя сажает рыжеволосую малышку за стол. — Раз! Два! Три!

Думаем на огонёк свечи, и он потухает.

— Я загадала ещё одного братика! — радостно осведомляет нас Василиска, хлопая в ладоши.

— Давайте торт уже есть!

Ставлю Артёма на пол, чтобы разложить по тарелочкам кусочки. Сынок хватается ручками за край стола и поднимается на носочки.

— Иди скорее ко мне! — Женя подхватывает мальчишку и сажает к себе на колени. — Как быстро время пролетело. Нашему Артёму уже год!

— Уже пора думать о втором братике! — смеётся Анастасия Сергеевна, подмигивая Василиске.

А я лишь улыбаюсь и на мужа смотрю. О нашей тайне пока что знаем только мы вдвоём — я беременна. Срок около шести недель.

— У нас тоже радостная новость, — Юля гладит свой округлившийся живот и к Денису прижимается. — Мы узнали пол ребёнка.

— И у нас будет... — Денис стучит пальцами по столу, отбивая барабанную дробь и накаляя атмосферу.

— Девочка! — сообщают в унисон.

Обнимаю сестру, целую в щёку.

От радостных эмоций меня отвлекает жужжащий телефон.

— Я на минутку. Это по работе, — говорю на ходу и выхожу из кухни. — Ало?

— Алиса Анатольевна, добрый день! Подскажите, на закупки мы в этом месяце сколько выделяем?

— Лиза, подожди пока с закупками. Ты по счетам расплатилась?

— Ещё нет.

— Расплачивайся. Отчёт мне на почту. Все чеки сохрани. Поняла?

— Да, — Лиза выдыхает. — Алиса Анатольевна, у нас на следующий месяц запись у всех мастеров закрыта.

— Отлично! Завтра в соцсетях кину пост.

— Алиса Анатольевна, а вы когда выйдете на работу? Мы по вам скучаем! В салоне красоты пусто без хозяйки!

— Выйду, — усмехаюсь.

С открытием собственного бизнеса жизнь заиграла новыми красками.

— Алиса, прекращай болтать! Заработалась! — развесёлый голос Анастасии Сергеевны торопит меня вернуться на праздник.

Застываю в дверном проёме, осматриваю свою семью, и счастье растекается под кожей горячей волной.

Всё, как я мечтала.

Самые близкие рядом.

Больше книг на сайте - Knigoed.net